

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Гомельский государственный
технический университет имени П. О. Сухого»
Институт социологии НАН Беларуси
Гомельская областная организация общества «Знание»

**Менталитет славян
и интеграционные процессы:
история, современность,
перспективы**

Сборник научных трудов

Гомель
ГГТУ им. П. О. Сухого
2021

УДК 316.334.52(063)
ББК 60.05
М50

Редакционная коллегия:

д-р социол. наук, проф. *В. В. Кириенко* (главный редактор)
д-р социол. наук, проф. *А. Бобрик* (ЕГУ, г. Седльце, Польша)
д-р ист. наук, проф. *С. А. Елизаров*
канд. экон. наук, доц. *Н. В. Сычёва*
канд. юрид. наук, доц. *С. П. Кацубо*
канд. экон. наук, доц. *И. В. Ермонина*
канд. экон. наук, доц. *Л. Л. Соловьёва*
канд. филос. наук, доц. *В. К. Борецкая*
канд. филос. наук, доц. *А. Ю. Савенко*
канд. геогр. наук, доц. *Е. Н. Карчевская*

Рецензенты:

проф. каф. философии учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины» д-р филос. наук, проф. *В. Н. Калмыков*;
проф. каф. коммерции и логистики учреждения образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации» д-р экон. наук, проф. *А. И. Капитык*

Под общей редакцией д-ра социол. наук, проф. *В. В. Кириенко*

Подготовка и проведение конференции осуществлены на базе учреждения образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого»

Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : сб. науч. трудов / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2021. – 140 с.

ISBN 978-985-535-471-1.

В сборнике научных трудов приведены основные результаты исследований философов, социологов, экономистов, историков, культурологов, правоведов и политологов по истории и теории славянского менталитета, его интегрирующей роли в объединении славянских государств.

Для научных работников и преподавателей высших учебных заведений, политиков и журналистов, для аспирантов и студентов, изучающих социально-гуманитарные дисциплины.

УДК 316.334.52(063)
ББК 60.05

ISBN 978-985-535-471-1

© Оформление. Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Кириенко В. В., Клейман В. В.</i> Ментальные характеристики, социокультурные процессы Гомельского региона: результаты монографического исследования.....	7
<i>Карчевская Е. Н.</i> Мотивационные ориентации в туристской деятельности.....	16
<i>Тишкевич М. Я.</i> Межкультурная коммуникация в образовательном процессе: социологический подход.....	18

СЕКЦИЯ I

МЕНТАЛИТЕТ СЛАВЯН: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ, ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Абраменко Е. Г.</i> Молодежный парламентаризм как инструмент взаимодействия власти и молодежи.....	23
<i>Андрущенко Л. В.</i> Образовательные миграции как путь евроинтеграции: правовой аспект.....	26
<i>Чакон-Тральски Д., Плишка Б., Борецкая В. К.</i> Мировоззренческая осмысленность религиозной веры в контексте конфессиональной и религиозной самоидентификации студенческой молодежи.....	28
<i>Боярчук Т. Н.</i> Сущность и формы объективации толерантности в социокультурном пространстве Республики Беларусь.....	32
<i>Бухавец П. П.</i> Гандлёвая дзейнасць сельскагаспадарчых таварыстваў Магілёўскай губерні ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя.....	35
<i>Гавриков А. В.</i> Политическая трансформация белорусского общества 2017–2020 годов (политико-социологический аспект).....	38
<i>Грищенко И. А.</i> Гомельский протоиерей Петр Рылло (1884–1937) как свидетель эпохи.....	41
<i>Грошева Л. И., Грошев И. Л.</i> Специфика проявления социальной дистанции в ментальности славян.....	44
<i>Елизаров С. А.</i> Руководящий состав местных органов власти и управления БССР 1943–1945 годов: «партизанский вектор».....	47
<i>Елопов А. П.</i> Русское православие и немецкий нацизм: ретроспективный взгляд на возможность сосуществования.....	50
<i>Звёздкин Н. М.</i> Понимание патриотизма в среде современной белорусской молодежи: особенности и характерные черты.....	53
<i>Кацубо С. П.</i> О некоторых аспектах информационно-правового обеспечения государственного управления.....	56
<i>Козыренко Р. Н.</i> Представления о справедливости в «Слове о Законе и Благодати» Илариона.....	59
<i>Крючек П. С.</i> Отражение совместного прошлого белорусов и россиян в современной белорусской историографии.....	62
<i>Марченко О. В.</i> Позиция Русского Обще-Воинского Союза в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.).....	65
<i>Олефир В. И.</i> Организационно-правовые аспекты противодействия нелегальной миграции как непосредственной угрозе национальной безопасности Украины.....	68
<i>Пристапуна Н. Н.</i> Кооперирование крестьянских хозяйств в Чехословакии.....	70

<i>Руденко Ю. Н.</i> Назначение восковой свечи в народных обрядах, ритуалах, быту.....	74
<i>Рышкевич О. И.</i> Взаимодействие Великого княжества Литовского и Московского государства в XVI веке в статьях журнала «Беларускі гістарычны часопіс»	76
<i>Седельник В. В., Чебуранова С. Е.</i> Проблемы генезиса и государства в работах Г. В. Мальцева	79
<i>Семёнова Л. Н.</i> Обращение к ведическому наследию славян.....	81
<i>Ховратова С. Н.</i> Исторический аспект становления института брачного договора.....	84
<i>Шкурова Е. В.</i> Некоторые особенности религиозности населения современной Беларуси	87
<i>Щёкин Н. С.</i> Национальная идентичность – фундирующий фактор развития белорусской государственности	90
<i>Юрис С. А., Юрис Т. А.</i> Историческое мифотворчество в современной художественной литературе.....	92
<i>Яхно В. Н.</i> Мифологические и фольклорные сюжеты как архитипические образы славянского менталитета	95

СЕКЦИЯ II

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ

<i>Бондарева А. М., Савенко Т. В.</i> Индикаторы развития электронного правительства Беларуси.....	101
<i>Вонсович Л. В.</i> Политические аспекты развития белорусского общества в контексте белорусско-российской интеграции	103
<i>Громыко Р. И.</i> Динамика интеграционных процессов ЕАЭС.....	106
<i>Зинченко М. Ю.</i> Развитие сотрудничества между Республикой Беларусь и Российской Федерацией в сфере исторической политики.....	109
<i>Илюкович А. А.</i> О создании Белорусско-Российской бизнес-школы.....	111
<i>Клименко В. А.</i> Профессиональная компетентность инженерно-технических специалистов на современном этапе развития экономики	113
<i>Кожевников Е. А.</i> Перспективы роста конкурентоспособности белорусской сельскохозяйственной продукции на внешних рынках	116
<i>Лапицкая О. В., Иноземцева Д. Д.</i> Перспективы развития современного хлебопекарного производства Республики Беларусь	119
<i>Митрофанова Г. В.</i> Разработка экспортной стратегии предприятия	121
<i>Соловьева Л. Л.</i> Маркетинговые аспекты выхода на внешние рынки предприятий агропромышленного комплекса	123
<i>Шарый И. Н.</i> Наука и научно-технологическая безопасность в системе стратегического планирования: анализ опыта России	126
<i>Шах А. В., Лапицкая О. В.</i> Как искусственный интеллект помогает маркетологу	129
<i>Шкабарина А. О.</i> Интеграционные процессы в логистике организаций потребительской кооперации.....	132
<i>Ярмусик Э. С.</i> Приграничный туризм как фактор развития сотрудничества Беларуси, Польши и Литвы	135
Сведения об авторах	138

**П Л Е Н А Р Н Ы Е
Д О К Л А Д Ы**

УДК 303.425

**МЕНТАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ ГОМЕЛЬСКОГО РЕГИОНА: РЕЗУЛЬТАТЫ
МОНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ****В. В. Кириенко, В. В. Клейман***Учреждение образования «Гомельский государственный технический
университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь*

Раскрыты актуальные вопросы социокультурных процессов, в том числе социального самочувствия, международной и внутривнутриреспубликанской интеграции, воспроизводства политической и социально-профессиональной культуры населения Гомельской области, приграничного с Россией и Украиной региона Беларуси.

Находясь не только на географическом, но и на геополитическом и духовно-культурном перекрестках «Востока» и «Запада», «Севера» и «Юга», Гомельская область ни этнонационально, ни социокультурно не может принадлежать только к какому-то одному полюсу. Гомельская область, ее экономика, социальные и духовные процессы и де-юре, и де-факто являются включенными в мировые экономические, геополитические, социальные отношения. Системная трансформация, охватившая политическую, экономическую, социальную и духовную сферы мирового сообщества, предопределила существенные изменения в экономической, социальной и политической сферах Гомельщины. И исторически, и в соответствии с архитектурой современных социально-экономических институтов и процессов Гомельщина являлась, является и будет являться важнейшим узловым элементом, органически, не противоречиво соединяющим противоположные полюса.

Настойчивые попытки извне навязать сценарии общественного развития белорусскому обществу и ее юго-восточному сегменту в том числе вызывают к жизни проявления элементов не обусловленного объективными причинами социального противостояния, ощущения вражды, деления жителей Гомельщины на антогонистические социальные группы. Вышеперечисленные причины обусловили необходимость изучения реальных процессов формирования политической и трудовой культуры, миграционных намерений населения Гомельской области. Особую актуальность проблемы соразмерности национально-этнической, гражданской, профессиональной и семейно-брачной идентичности жителей Гомельщины приобрели в условиях стремительного развития интеллектуализации, цифровизации экономики и современных средств социальных коммуникаций: интернет-пространства, цифровых социальных сетей, электронных гаджетов, позволивших освободиться от нравственных и системообразующих ограничений, общаться, обмениваться мнениями, де-факто создающих условия для формирования эклектичных ценностно-ориентационных систем.

Каждая новая глобальная проблема оказывает определенное влияние на социокультурную идентичность наших земляков. Так, 2020 г. проходил в контексте воздействия нового глобального вызова современности – угрозы пандемии, вызванной COVID-19, которая сегодня влияет на ценностные ориентации, социальное самочувствие, настроение, поведение, а значит, оказывает влияние и на будущее людей.

С целью проверки происходящих у населения Гомельской области изменений в мировоззренческих алгоритмах, переосмыслении и возможной переоценки значимости произошедших изменений в материальном и духовном благополучии, в понимании своего места в мире социологической лабораторией Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого в течение 10 лет в режиме мониторинга

проводится измерение происходящих в общественном сознании базовых и инструментальных ценностей, готовности к сохранению базовых ценностей и их постепенной модернизации либо радикальной реконструкции структуры общественных отношений. Оценка респондентами результативности социально-экономических преобразований, верности выбора направлений и способов развития общества индексируется через социальное самочувствие людей, их удовлетворенности базовыми сферами жизнедеятельности. Поэтому наряду с объективными количественными критериями материального и духовного развития народно-хозяйственного комплекса, одним из важнейших условий критического освоения достижений и упущений созданного базиса материального и духовного бытия является процесс измерения состояния эмоционально-нравственного, социального самочувствия населения.

Особенность Гомельской области как приграничного с Россией и Украиной региона помимо всего прочего определяется не только общей историей и однокоренными культурами белорусского, российского и украинских народов, но и кровнородственными, семейными связями. Поэтому на уровень социального самочувствия населения, а следовательно, и его политическое поведение, существенное влияние оказывает мнение, личный опыт населения приграничных регионов о социально-экономическом, культурном, демографическом положении в приграничных регионах соседних государств, полученных не только из официальных источников и средств массовой информации, но и из личного опыта, во-первых, через социально-экономическое взаимодействие на бытовом уровне (ознакомительно-туристические и шоп-туры в соседние страны), а, во-вторых, из непосредственного общения со своими родственниками, друзьями и знакомыми, после распада Советского Союза оказавшихся по разным сторонам государственных границ. Необходимость учета данных факторов обусловлена ментальными особенностями социального измерения восточными славянами собственного благополучия через сопоставление с благополучием со своими соседями: «А как у них?»

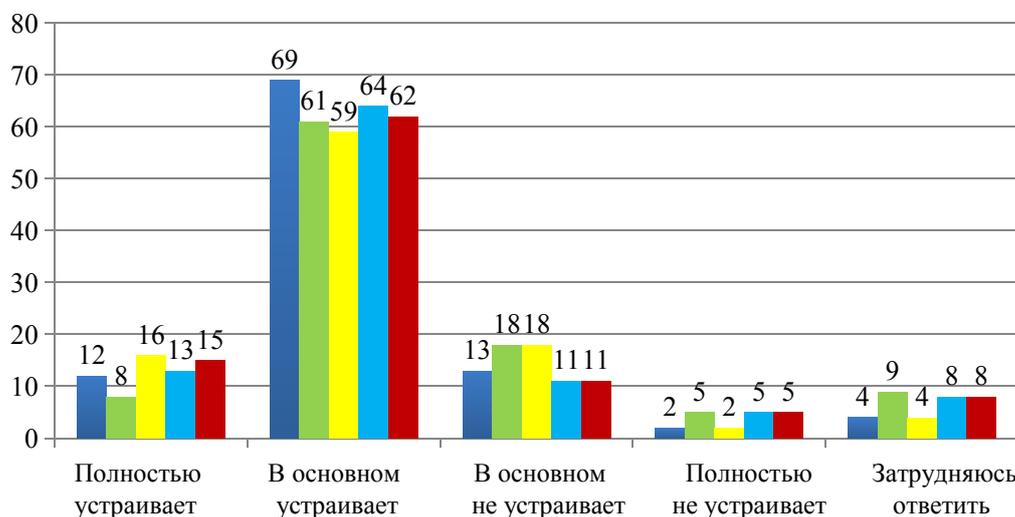

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «В какой мере вас устраивает Ваша жизнь?»:

■ – 2015 г.; ■ – 2016 г.; ■ – 2017 г.; ■ – 2019 г.; ■ – 2020 г.

Данные анкетного опроса, представленные на рис. 1, позволяют сделать вывод о том, что в 2020 г. около двух третей опрошенных совершеннолетних жителей Гомельской области (62 %) отметили, что их собственная жизнь в основном устраивает. А 15 % респондентов придерживаются мнения, что их жизнь устраивает полностью (в 2015 г. таковых было 12 %). Столь же категорично ответили, что их жизнь не уда-

лась, и полностью не устраивает 5 % респондентов (в 2015 г. к таковым себя отнесли 2 % респондентов). К категории «обделенных жизнью» примыкают и 11 % респондентов, которых их собственная жизнь в основном не удовлетворяет.

Сопоставление данных социального самочувствия респондентов накануне выборов 2015–2017, 2019 и 2020 гг. позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на то, что в жизни как страны в целом, так и каждого отдельного гражданина в отдельности во всех сферах жизнедеятельности произошли существенные изменения, индикаторы оценок социального самочувствия взрослого населения Гомельской области существенно не изменились и по-прежнему находятся в пределах социальной нормы.

Так, данные социологического исследования 2020 г. показали, что 29 % респондентов с присущим белорусам осторожным оптимизмом скорее уверены, чем не уверены в завтрашнем дне. Треть респондентов (32 %) с несколько меньшим оптимизмом оценили свою ближайшую перспективу: отчасти уверены, отчасти не уверены. Группа респондентов, пессимистически воспринимающих свою ближайшую перспективу, свой завтрашний день, – скорее не уверенных, чем уверенных и в своем будущем, состоит из 17 % совершеннолетних жителей области. Подчеркнем, что, несмотря на незначительные колебания, в период с 2015 по 2020 г. социальное самочувствие взрослого населения Гомельщины существенно не изменилось. Базовая когорта «осторожных оптимистов» в течение этого времени осталась без изменений (от 35 % в 2015 г. до 32 % в 2020 г.), не изменился удельный вес радикальных оптимистов (11 %), несущественно (ситуативно, как ответ на текущий кризис) подросла когорта радикальных пессимистов (до 11 %). В целом уровень уверенности респондентов в завтрашнем дне, зафиксированный в 2020 г., приближается к уровню 2015 г.

Результаты социологических исследований, проводимых авторами на протяжении 10 лет, подтверждают то обстоятельство, что белорусы, будучи на ментальном уровне коллективоцентристами, формируют мнение о собственном уровне достатка, сравнивая уровень своего дохода не столько со своей профессиональной компетентностью и уровнем эффективности своего труда, сколько с доходами и затратами своих соседей по двору, коллег по работе, родственников, а также исходя из сложившихся стереотипов, сформированных в том числе и средствами массовой информации, о «нормальном» уровне материального благополучия. Результаты анкетного опроса показывают, что абсолютное большинство респондентов оценили свое собственное материальное благополучие в 2015 г. (65 %), 2016 г. (51 %), 2017 г. (65 %) и в 2019 г. (60 %) как среднее («со средним достатком»), – это типично для белорусской ментальной нормы: «Так, как у людей». Выставлять напоказ свое материальное благополучие у белорусов не принято. Наиболее употребляемая норма белорусской толерантности: «Как у людей, так и у меня» либо «У меня не хуже, чем у людей». Точно так же выставлять напоказ свое отличие от соседей нежелательно: «У меня лучше других» или «У меня хуже, чем у людей». В соответствии с этой нормой в анкетном опросе 2019 г. к категории богатых отнесли себя только 1 % респондентов, а к «находящимся за чертой бедности» – 3 %.

Одна из рабочих гипотез исследования была сформирована на правомерности того, что социальное самочувствие человека или социальной группы зависит не только от уровня самооценки материального благосостояния своей семьи, но и от использования имеющихся и формирования новых возможностей для его улучшения. Анализ ответов респондентов на вопрос анкеты «Что Вы и (или) члены Вашей семьи предпринимаете для того, чтобы улучшить материальное положение?» позволяет сделать вывод о том, что для балансирования сформированных потребностей и возможностей их удовлетворения самая большая группа (40 %) опрошенных респондентов в первую очередь ориентируются на привычную для белорусов стратегию «затягивания поясов» – жить по средствам.

Метод натурального самообеспечения, балансирования потребностей семьи с имеющимися в их распоряжении возможностями для белорусов не нов (его выбрал каждый третий (33 %) респондент), они стараются больше делать для себя сами (работают на своем дачном, садовом участке, огороде, строят, шьют, ремонтируют).

Альтернативную группу образовали респонденты, выбравшие активные «рыночные» стратегии улучшения материального положения, в том числе посредством дополнительной деятельности по совместительству, по контракту (7 %), а также через поиск работы с большими заработками (4 %).

Для определения базовых детерминант социального самочувствия респондентов был сформулирован вопрос «Определите, пожалуйста, насколько удовлетворяют Вас следующие условия социальной и личной жизнедеятельности», включающий формулировку 24 групп условий, охватывающих сферу личных интересов и большинство общественных процессов.

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Определите, пожалуйста, насколько удовлетворяют Вас следующие условия социальной и личной жизнедеятельности» (индекс удовлетворенности рассчитан как разность между значениями «полностью удовлетворяют» и «полностью не удовлетворяют»), %:
 ■ – 2016 г.; ■ – 2019 г.; ■ – 2020 г.

Итак, как свидетельствуют представленные на рис. 2 данные, на протяжении с 2015 по 2019 г. население Гомельской области стабильно в высокой степени удовлетворено военной безопасностью, независимостью Беларуси, возрождением национальных традиций, культуры, духовности, состоянием религии и веры, энергетической и продовольственной безопасностью, возможностью получения образования. Несмотря на непростую геополитическую обстановку, близость к внутриукраинскому вооруженному конфликту, взаимные санкции России и Европейского Союза, опрошенные респонденты ощущают себя единой независимой нацией, находящейся в полной безопасности под надежной защитой государства. Это косвенное свидетельство высокого уровня доверия граждан правительству страны.

Во вторую группу по степени удовлетворенности вошли такие стороны жизни, по отношению к которым респонденты не испытывают явной неудовлетворенности,

но не испытывают и выраженной удовлетворенности. В эту группу вошли условия жизнедеятельности, формируемые сферой социального обслуживания населения, контролируемые государством (работа служб ЖКХ, положение с коррупцией, медицинское обслуживание, благоустройство населенного пункта, состояние законности, правопорядка). Во вторую группу вошли также условия жизнедеятельности, являющиеся следствием работы политической системы общества (процессы формирования демократии, состояние свободы слова); а также экологическая ситуация и состояние нравственности, культуры поведения. В данном случае следует учитывать, что неудовлетворительная работа жизненно важных служб и структур однозначно формирует у населения состояние неудовлетворенности, тогда как их хорошая работа может гарантировать только отсутствие неудовлетворенности.

В третью группу входят такие аспекты жизни, по отношению к которым люди испытывают очевидную неудовлетворенность. В 2016 г. в наибольшей степени респондентов беспокоил текущий уровень инфляции, уровень роста цен (-70 %). На протяжении всего 2017 г. планомерно и системно снижалась ставка рефинансирования и, соответственно, ставки по банковским кредитам и депозитам, проводились другие мероприятия по снижению уровня инфляции. В результате к 2019 г., несмотря на определенный медленный рост цен, у респондентов более чем существенно снизился уровень тревожности в отношении текущего уровня инфляции. Тем не менее в период пандемии беспокойство в отношении инфляции остается на первом месте. Это состояние объясняется сущностной характеристикой белорусского менталитета – способностью согласовывать свои потребности с имеющимися стабильными возможностями и возникающим стрессом при уменьшении, пусть и незначительном, возможностей. Следует отметить, что в 2020 г. снизилась тревога населения по поводу таких менее насущных, не ежедневной важности условий жизнедеятельности, как наличие свободных мест на рынке труда и качество решения жилищных вопросов. При этом наличием свободных мест на рынке труда в наименьшей степени удовлетворены молодые люди (возраст от 18 лет до 29 лет), тогда как военнослужащие, представители милиции и МЧС больше, чем другие группы респондентов уверены в военной безопасности страны, но больше остальных обеспокоены качеством решения жилищной проблемы.

Руководителей в большей степени, чем представителей других социальных групп не устраивают явления, препятствующие эффективной работе трудового коллектива: положение с алкоголизмом, бюрократией, наркоманией, коррупцией. В то же время они в большей степени уверены в энергетической и продовольственной безопасности страны. Правомерно предположить, что эта уверенность обусловлена объективно большим уровнем знаний руководителей о реальных механизмах, масштабах и состоянии национальной безопасности.

В процессе исследования подтвердилась рабочая гипотеза о том, что в условиях развития современных средств коммуникаций, интенсификации миграционных процессов, в том числе трудовой миграции, студенческих обменов, международного туризма, размывается содержание национально-этнической, гражданской, социально-профессиональной идентичности, возникают амбивалентные, как правило, эклектичные, социальные модели идентичности молодежи, объективно подмывающие гуманитарную безопасность Беларуси. Интенсификация интеграционных процессов приводит к конвергенции ментальных характеристик и социокультурных норм, «размыванию» пределов индикаторов национально-этнической, гражданской, профессиональной идентичности. Трансформация национально-этнической, гражданской, социально-профессиональной идентичности приводит к изменению структуры и качества поведения населения.

Для выяснения степени узнаваемости понятия «патриот» респондентам было предложено отнести себя к одной из трех категорий: «патриоты», «не патриоты» и «не определившиеся». Описывая полученные в нашем исследовании результаты самооцен-

ки жителями Гомельской области собственного патриотизма, следует отметить, что подавляющее большинство людей (54 %) с уверенностью говорят о своем патриотизме. При этом 11 % респондентов заявили, что они не считают себя патриотами, а каждый третий респондент (35 %) не смог определиться в своей личной сопричастности, в своих чувствах к месту своего рождения и проживания. Вполне допустимо, что во всех трех группах присутствует элемент нарочитой бравады, максимализации своих как позитивных, так и негативных ассоциаций.

Результаты исследования подтвердили прямую связь предметно-деятельной политической активности респондентов с их собственным ощущением патриотизма. Так, в группе «патриотов» удельный вес респондентов, знающих действующего депутата Палаты представителей Национального собрания от своего округа, почти в восемь раз превышает соответствующую долю «знающих» в группе, отнесших себя к «не патриотам». Намного меньше количество респондентов в группе «не патриотов», чем в группе «патриотов» знает, какую работу проводит в округе их депутат, а также в какой комиссии он работает.

Одним из важнейших условий формирования и поддержания чувства гражданственности, субъективной принадлежности к месту своего рождения, к своей малой родине является ощущение комплекса чувств и переживаний, синтезируемых в понятии «патриотизм». Для построения рейтингового ряда индикаторов данного понятия респондентам был предложен вопрос «Что прежде всего означает для Вас быть гражданином Республики Беларусь?» Полученные результаты анкетного опроса в зависимости от интенсивности выбора критериев гражданской идентичности и от их рейтинга позволили распределить индикаторы патриотизма на три основные группы. В первую, доминирующую группу вошли индикаторы, которые определяют ядро гражданской идентичности белорусов. Для большинства респондентов быть гражданином Республики Беларусь в первую очередь означает любить страну, ощущать себя ее частью (66 %), помнить и уважать собственных предков (57 %), любить и уважать природу своего края (56 %), бережно относиться к народным обычаям, национальным традициям, культуре (43 %). В группу базовых индикаторов, определяющих гражданскую позицию респондентов, также включено требование жить и работать в Беларуси, в неразрывной связи с близкими людьми и родной природой, общаясь с представителями своей нации, переживая с ними праздники и будни (48 %). Перечисленный набор гражданских характеристик, по мнению большинства респондентов, в первую очередь определяет сущность гражданина Республики Беларусь.

Во вторую группу вошли требования, направленные на реализацию следующих гражданских обязанностей: быть законопослушным, неукоснительно соблюдать законодательство (28 %), участвовать в выборах органов власти (27 %), своевременно платить налоги (18 %). Современная реальность заключается в том, что на такую функцию, как «защищать страну, мужчинам – служить в Вооруженных силах» указало только 23 % респондентов. В третью, наименее значимую, группу вошли факторы, которые, по мнению респондентов, в наименьшей степени определяют уровень гражданской идентичности респондентов: «говорить на белорусском языке» (7 %), «принимать участие в деятельности общественных организаций» (6 %).

Таким образом, результаты исследования показали, что значительная часть респондентов не связывают исполнение своих обязанностей перед обществом, в том числе и участие в активной общественной деятельности с функциями гражданина своей страны. Следовательно, при принятии общественно значимых решений, влияющих на судьбу страны, гомельские респонденты в первую очередь будут руководствоваться представлением о корыстных для себя лично и своего «ближнего круга» выгодах, во вторую очередь личностным ощущением любви и уважения к своей стране, к природе, к близким людям и существующим традициям и только в третью очередь к реализуемым в масштабах страны экономическим и социальным проектам.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Что прежде всего означает для Вас быть гражданином Республики Беларусь? (можно было выбрать не более шести вариантов ответа)», %:
 ■ – 2019 г.; ■ – 2020 г.

В одной из рабочих гипотез исследования предполагалось, что модус и глубина личного отношения респондентов к своей Родине, связана прямой положительной связью с уровнем их социального оптимизма, степенью удовлетворенности полнотой своего бытия и смысла жизни. Эта взаимозависимость должна особенно сильно проявляться в форме личностного, эмоционально насыщенного восприятия как собственного микромира: семьи, «ближнего» круга родственников и друзей, так и «дальнего» социального макромира: трудового коллектива, учебного учреждения, региона проживания, собственной страны, мира в целом. В конечном счете именно эмоциональное восприятие человеком элементов микро- и макромира выстраивает обобщенную картину эмоционально-личностной сопричастности и восприятия своей Родины. С целью синтеза интегрированной картины эмоционально-личностного ощущения своей Родины респондентам было предложено ответить на вопрос «Какие чувства Вы испытываете, когда говорите о современной Беларуси?»

Выстраивая индикаторы эмоционально-экспрессивных оценок настоящего и будущего Беларуси, респондентам была предоставлена возможность определить личностное отношение к месту своего рождения и проживания посредством как позитивных, так и негативных ассоциативных индикаторов. Подчеркнем, что по условиям социологического исследования, при оценке современного положения своей Родины каждый респондент мог выбрать до трех вариантов ассоциативных ощущений, поэтому полученные ответы превышают 100 %.

Представленный на рис. 4 ранговый ряд эмоционально насыщенных ассоциаций, вызванных сопричастностью к состоянию современной Беларуси, демонстрирует, что доминирующую позицию с большим отрывом от других ощущений занимает направ-

ленная в будущее ассоциация «надежда». Почти половина опрошенных (54 %) респондентов посредством этого устремленного в будущее вектора определили современное положение Беларуси. Две следующие по значимости ассоциации, возникающие при оценке гомельчанами положения белорусского государства: «уважение Беларуси» (30 %) и «гордость за Беларусь» (28 %), дополняют и одновременно предметно раскрывают смысл ассоциации «надежда». Таким образом, правомерно определить, что жители Гомельской области, базируясь на чувстве гордости за свою страну и уважении к своей Родине, надеются на процветание Беларуси. К оптимистичному блоку ассоциативных восприятий, хотя и в меньшей мере, чем доминирующее ассоциативное ядро, респонденты отнесли такие категории, как «восхищение Беларусью» (7 %) и «доверие Беларуси» (16 %).

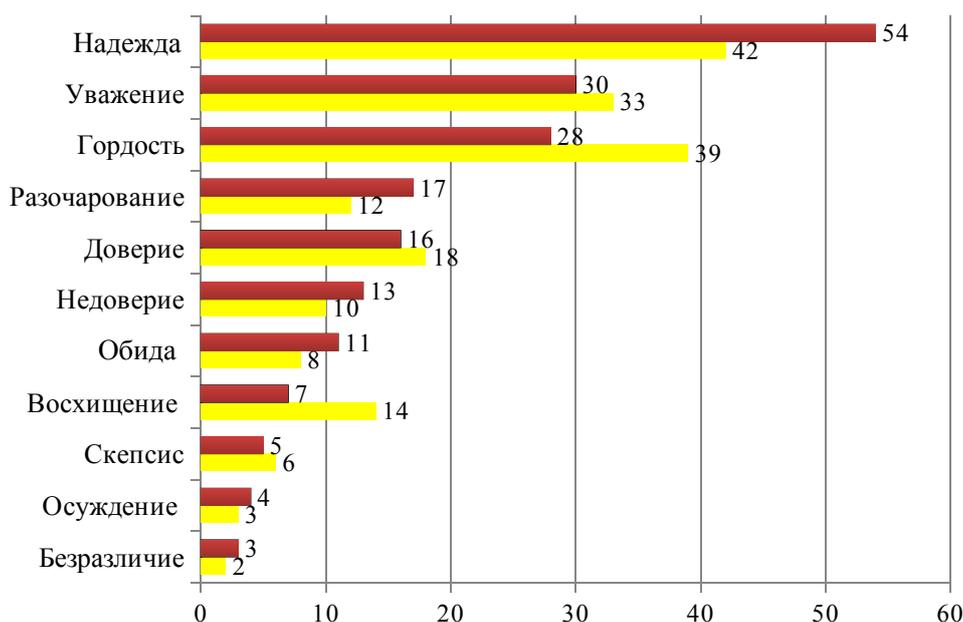

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие чувства Вы испытываете, когда говорят о современной Беларуси? (можно отметить не более трех вариантов ответа)»: ■ – 2019 г.; ■ – 2020 г.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что наряду с доминирующими положительными ассоциативными ощущениями, опрошенными респондентами были даны и негативные оценки современного положения и будущего Беларуси. Так, 17 % респондентов при оценке состояния современной Беларуси определили свое ощущение через индикатор «разочарование», 4 % респондентов через «осуждение», 13 % через «недоверие» и 5 % опрошенных в качестве оценки современного положения своей страны выбрали категорию «скепсис». Следует также выделить группу «не определившихся» респондентов, которые в качестве оценки современного положения Беларуси выбрали варианты ответов: «затрудняюсь ответить» (8 %) и «безразличие» (3 %). Государственным органам и общественным организациям, разрабатывающим и реализующим молодежные программы, следует учитывать данную эмоционально-экспрессивную полихроматическую картину восприятия респондентами своей Родины.

Процессы глобализации и цифровизации, охватившие политическую, экономическую, социальную и духовную сферы белорусского общества, актуализируют необходимость локализации критериев самоидентификации белорусов в обновляющейся системе геополитического противостояния. Выявленный в социологическом исследовании дисбаланс между формированием и удовлетворением материальных и социокультур-

ных потребностей населения требует системной и последовательной общественной и государственной корректировки. В отличие от западных цивилизаций, уже переживших апогей антагонистических противоречий между соотношением трудовой и потребительской сферами, белорусскому обществу это противоречие еще предстоит преодолеть. Как на правовом, так и на социально-нравственном уровнях потребительские запросы значительной части населения Гомельщины не уравновешены их реальными производственно-деятельными результатами. Следует подчеркнуть, что этому во многом способствует безмерная, не управляемая общественными и государственными институтами «раскрутка» мифов о «легких», не связанных с собственным трудом заработках, реклама дорогостоящих предметов роскоши, развлечений, при игнорировании демонстрации трудной (от слова «труд») и напряженной, но вместе с тем благотворной, созидательной профессиональной деятельности. В представлении гомельчан для достижения материального благополучия трудовые, деятельные мотивы являются менее актуальными, чем ирреальные «чудодейственные». Обществу в целом, а молодежи особенно, еще предстоит усвоить урок о том, что главным фактором обеспечения как материального, так и социально-духовного благополучия всех вместе и каждого человека в отдельности может быть только высококвалифицированный, скоординированный с другими интенсивный труд. Только в этом случае трудоемкий процесс профессиональной социализации в обеспечении достойного материального и социально-духовного статуса молодого человека и его семьи в будущем будет делом трудным, но оправданным.

Реальная геополитическая конфигурация, объективная необходимость многовекторной интеграции Беларуси в мировое сообщество требуют от белорусов актуализации рационально-деятельных ментальных характеристик. «На соседа надейся, а сам не плошай» – максима, которой издревле придерживались белорусы, должна помочь более рационально подходить к ожидаемой помощи извне, в том числе и со стороны братской России. «Дружба дружбой, а табачок – врозь» – это также базовый принцип белорусского менталитета. Не утрачивая собственных базовых ментальных характеристик, белорусам, в том числе и населению Гомельской области, еще предстоит сформировать осознанную потребность самостоятельно искать пути решения собственных материальных проблем. Помощь в формировании такой позиции может оказывать выстроенная с активным участием государства и молодежных организаций деятельная система молодежного самоуправления, органично сочетающая в себе как инициативу, так и реальную ответственность за принятые и реализованные решения, которая сегодня представлена молодежными общественными организациями, общественными объединениями, многочисленными «школами лидеров», молодежными советами, клубами, различными проектами. Система обучения и воспитания должна «подталкивать», стимулировать молодых людей к активно-конструктивному, творческому поиску путей улучшения собственной жизни и жизни своей страны.

Результаты социологического исследования процессов формирования политической культуры населения Гомельской области показали, что при принятии общественно значимых решений, влияющих на судьбу страны, молодые гомельчане в первую очередь руководствуются личностным отношением к малой родине, к природе, к близким людям, к обычаям и традициям предков, но в меньшей мере связывают собственную самореализацию с исполнением своих обязанностей перед обществом, в том числе и с результатами личной трудовой деятельности. Эмпирические данные, полученные в социологическом исследовании, подтверждают, что система политических отношений в Беларуси является развивающейся, динамичной. Модель белорусской государственности не рождается на голом месте, она, являясь «плотью от плоти» всего исторического процесса, несет в себе собственные ценностно-ориентационные, смыслообразующие компоненты – традиции, обычаи и предрассудки. В силу того что базовые для формирования политической куль-

туры социокультурные, ментальные нормы общества изначально этнокультурны, то их, в отличие от технологических процессов или технологического оборудования, нельзя механически переместить с территории одного государства на территорию другого. Белорусская общественная система, как и любого другого молодого суверенного государства, во-первых, обязана освоить, «впитать» в себя лучшие, уже проверенные опытом в других странах универсальные, прежде всего правовые нормативы, и, во-вторых, с учетом положительных элементов позаимствованного опыта, – обеспечить формирование своей собственной национальной культуры общественного взаимодействия.

УДК 338.2

МОТИВАЦИОННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. Н. Карчевская

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Рассмотрена теория мотивации потребностей человека А. Маслоу и ее применения для анализа мотивации туристских потребностей. Исследуется влияние на мотивацию туристов различных аспектов. Выделено пять уровней туристской мотивации. Обозначена степень необходимости той или иной потребности для туриста. Определена степень удовлетворенности туристом конкретной потребностью.

Мотивация представляет собой внутренний, сложно классифицируемый, механизм, заставляющий людей совершать различные поступки, который в отличие от целей путешествия представляет внутренние истинные причины и позволяет ответить на главный вопрос: почему туристы путешествуют [1]. В связи с этим конкурентоспособными выглядят те турфирмы, которые понимают (или стараются понять) причину путешествия индивида и его ожидания от такового [2].

В настоящее время одной из самых популярных является теория мотивации потребностей человека А. Маслоу [3]. В нашем случае речь пойдет о мотивации туристских потребностей и влиянии на них различных аспектов (см. таблицу).

Иерархия потребностей в туризме

Наименование потребности	Пример из туристской деятельности	Степень необходимости для туриста	Степень удовлетворенности туриста
Потребности в самоутверждении и развитии	Экстремальный туризм, «коллекционирование» достопримечательностей, посещение труднодоступных мест, участие в сафари-турах	Индивидуально-высокая	Очень высокая
Потребности в уважении (самоуважении)	Проживание в люкс-отелях, знакомство со знаменитостями, знание местных достопримечательностей и обычаев	Средняя	Низкая
Социальные потребности	Групповые туры, семейный туризм, безбарьерный туризм, отсутствие языкового барьера, детский отдых, событийный туризм	Зависит от категории туриста	Средняя

Наименование потребности	Пример из туристской деятельности	Степень необходимости для туриста	Степень удовлетворенности туриста
Потребности безопасности	Надежный транспорт, благоприятная эпидемиологическая ситуация, наличие охраняемых автостоянок, надежная система хранения личных вещей и денежных средств в отеле, качественное питание, низкий уровень преступности в дестинации или в пути следования	Очень высокая	Высокая
Физиологические потребности	Обеспечение питанием, наличие питьевой воды, предоставление средств размещения, наличие санузла	Высокая	Очень высокая

В основании пирамиды находятся физиологические потребности. Туристские услуги не являются предметом первой необходимости. Поэтому с развитием технологий в сфере туризма этот вид потребностей групповые туристы рассматривают как что-то само собой разумеющееся. Несколько иное отношение у индивидуальных путешественников, использующих альтернативный вариант туризма («походники», ночующие в палатках). Они отводят значительное место физиологическим потребностям в процессе путешествия. Для них потребность в отдыхе становится важнейшей мотивацией.

Потребности в безопасности влияют на вид туризма в зависимости от его организации (самостоятельное путешествие или через турфирму), определяют географию и сезон туристских поездок. К данной группе потребностей особенно чувствительны «сомневающиеся» туристы. По типу темперамента – это меланхолики, подверженные влиянию мнения других и средств массовой информации.

На третьем уровне пирамиды находятся социальные потребности. Они удовлетворяются путем организации групповых туров, семейного отдыха, отдыха для детей. Кроме того, важно в программе тура наличие массовых развлекательных мероприятий. В последнее время актуализируется развитие безбарьерного туризма: путешествие людей с ограниченными возможностями. Популярным становится клубный отдых.

Следующий уровень потребностей – потребности в признании, уважении со стороны окружающих и самоуважении. Удовлетворение этой группы потребностей достигается путем предоставления туристам возможности останавливаться в известных отелях, по соседству со знаменитыми людьми, возможность познакомиться с бытом и культурой населения, с национальными особенностями, обычаями, памятниками истории дестинации. Порой для туриста важнее статус («звездность») отеля, нежели набор предлагаемых услуг. Для некоторых туристов важно иметь возможность демонстративно тратить деньги (развлечения, игры, аукционы). Для другой группы туристов удовлетворение данной группы потребностей может быть через кредитный отдых. Для еще одной группы туристов самоуважение осуществляется через коллекционирование, т. е. посещение перечня достопримечательностей из списка «чудес света», определенного архитектурного стиля, природного типа и т. д. В целом эта группа потребностей направлена на расширение культурного кругозора туриста и включает знакомство с историческими и архитектурными памятниками, коллекциями музеев, посещение театров, религиозных и фольклорных праздников, участие в семинарах и т. п.

Потребности в самоутверждении и развитии могут удовлетворяться через участие в экстремальных турах. Это альпинизм, дайвинг, горный туризм, индустриальный ту-

ризм, спелеотуризм, джампинг, сафари и многое другое. По мере удовлетворения потребностей в самоактуализации раскрывается личность. Индивид ищет в туризме и находит способ удовлетворения своих интересов и раскрытие себя как личности.

Кроме возможности удовлетворения той или иной потребности важно знать степень необходимости этой потребности для туриста и степень удовлетворенности ею (рис. 1).

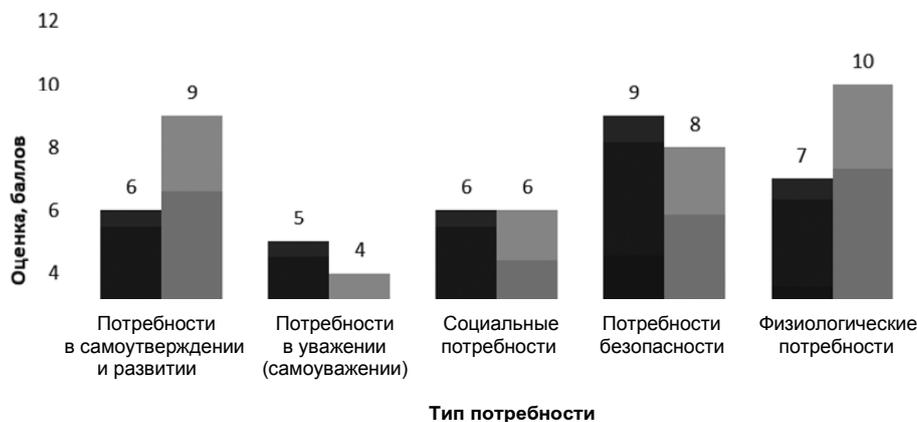

Рис. 1. Степень необходимости и удовлетворенности потребностей:

■ – степень необходимости для туриста; ■ – степень удовлетворенности туриста

Как видно из рис. 1, для туриста в первую очередь очень важны потребности в безопасности, поскольку туризм зачастую сопряжен с рядом экстремальных увлечений. Нельзя сказать, что физиологические потребности не важны для туриста. Они скорее воспринимаются как неотъемлемая часть путешествия.

По итогам своего путешествия туристы больше всего остаются довольны удовлетворением физиологических потребностей и потребностей в самоутверждении. Первое объясняется тем, что организаторы путешествий предоставляют минимальный набор услуг всегда и в хорошем качестве. Второе – тем, что для определенного туристского сегмента есть возможность проявить себя, самоутвердиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еремеев, М. А. Особенности формирования мотивации в туристской деятельности / М. А. Еремеев // Глобализация и туризм: проблемы взаимодействия : материалы I Междунар. науч. конф., Саратов, 15–16 апр. 2009 г. – С. 29–38.
2. Котов, Д. С. Управление потребительской мотивацией на рынке туристских услуг / Д. С. Котов // Вестн. ун-ета (ГУУ). – 2010. – № 10. – С. 32–35.
3. Пирамида потребностей по Маслоу // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

УДК 316.7:37.013

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

М. Я. Тишкевич

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Республика Беларусь

Рассмотрены особенности межкультурной коммуникации в образовательном процессе высшей школы. По мнению автора статьи, высшие учебные заведения Республики Беларусь реализуют образовательные и предпринимательские функции. С позиций социологического подхода автор показывает проблемы, осложняющие экспорт образовательных услуг вузами нашей страны. Опираясь на данные социологического исследования, автор статьи определяет

актуальность проблемы межкультурной коммуникации в образовательном процессе. Особое внимание уделено выявлению и характеристике различий, которые затрудняют восприятие иностранными студентами учебного материала и осложняют общение в бытовых ситуациях.

Основным источником подготовки высококвалифицированных специалистов для потребностей инновационной экономики, развития социальной сферы нашей страны является система образования. Учреждения высшего образования, как часть системы образования, обеспечивают подготовку высококвалифицированных специалистов для внутреннего рынка, осуществляют экспорт образовательных услуг. Республика Беларусь выступает участником 108 международных договоров в сфере образования, науки, молодежной политики, поэтому экспорт образовательных услуг, интеграция учебных заведений нашей страны в мировое образовательное пространство, популяризируют образовательный потенциал и повышают конкурентоспособность учебных заведений на мировом рынке образовательных услуг.

Начиная с 2015 г. система высшего образования Республики Беларусь постепенно реорганизуется в соответствии с требованиями Болонского процесса и расширяет возможности оказания образовательных услуг иностранным студентам.

В 2019/20 учебном году численность студентов, иностранных граждан, обучающихся в высших учебных заведениях нашей страны, составила 18441 человек, из которых в тройке лидеров – граждане Туркменистана – 9788 человек, Российской Федерации – 1439 и Китая – 1435 [1, с. 17]. Среди проблем, осложняющих наращивание образовательных услуг, можно выделить недостаточную информированность иностранных граждан о возможностях получения высшего образования в Республике Беларусь, недостаточное количество высококвалифицированных менеджеров в сфере рекрутинга и сопровождения экспорта образовательных услуг, недостаточно комфортные условия проживания в общежитиях некоторых вузов, проблемы межкультурной, межнациональной, межэтнической коммуникации и т. д.

Культурные и межнациональные различия, несомненно, оказывают влияние на все стороны образовательного процесса. Это различия, существующие и проявляющиеся в ментальности, образе жизни, ценностных ориентациях представителей различных наций, носителей различных культур. Такие различия могут выступать причинами конфликтов различной степени остроты между представителями различных культур. Как справедливо отметили специалисты в области межкультурной коммуникации: «Основной причиной межкультурных конфликтов являются культурные (аксиологические, нормативные, поведенческие, религиозные и пр.) различия» [2, с. 111]. При восприятии учебного материала, внеаудиторной работе, взаимодействиях в учебной группе, проживании в общежитии или вне общежития всегда присутствует высокий потенциал межкультурного и межнационального конфликта. Впрочем, известный социолог-функционалист Льюис Козер пишет: «Противоречие и конфликт не только предшествуют единству, но присутствуют в нем в каждый момент его существования... Возможно, не существует социального образования, где не были бы неразрывно сплетены центростремительные и центробежные течения» [3, с. 97]. Межкультурная коммуникация основывается на знании об иной культуре, особенностях носителей иной культуры, что особенно важно при оказании образовательных услуг. Аксиологическое измерение культурных различий осуществляется посредством изучения ценностей, детерминирующих поведение носителей различных культур, сопоставления норм и правил поведения, анализа социальных связей и отношений между представителями различных культур.

При выявлении и характеристике межкультурных коммуникационных различий в конкретных коммуникационных ситуациях и соответствующих взаимодействиях конкретных персонажей уместна высокая степень обобщения, поэтому выводы обычно

представляют в виде проявления стандартных случаев или характеристики устойчивых тенденций. В соответствии с планом работы студенческой социологической лаборатории «SOCIUM» кафедры политологии и социологии учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» в ноябре 2020 г. был проведен опрос двух целевых групп – студентов иностранных граждан ($N = 125$) и студентов граждан Республики Беларусь ($N = 175$).

Добровольность и анонимный характер стали главными условиями участия в данном опросе студентов, обучающихся на разных факультетах, по гуманитарным, естественнонаучным и техническим специальностям. Для опроса использовался онлайн сервис создания форм обратной связи, проведения опросов Google forms.

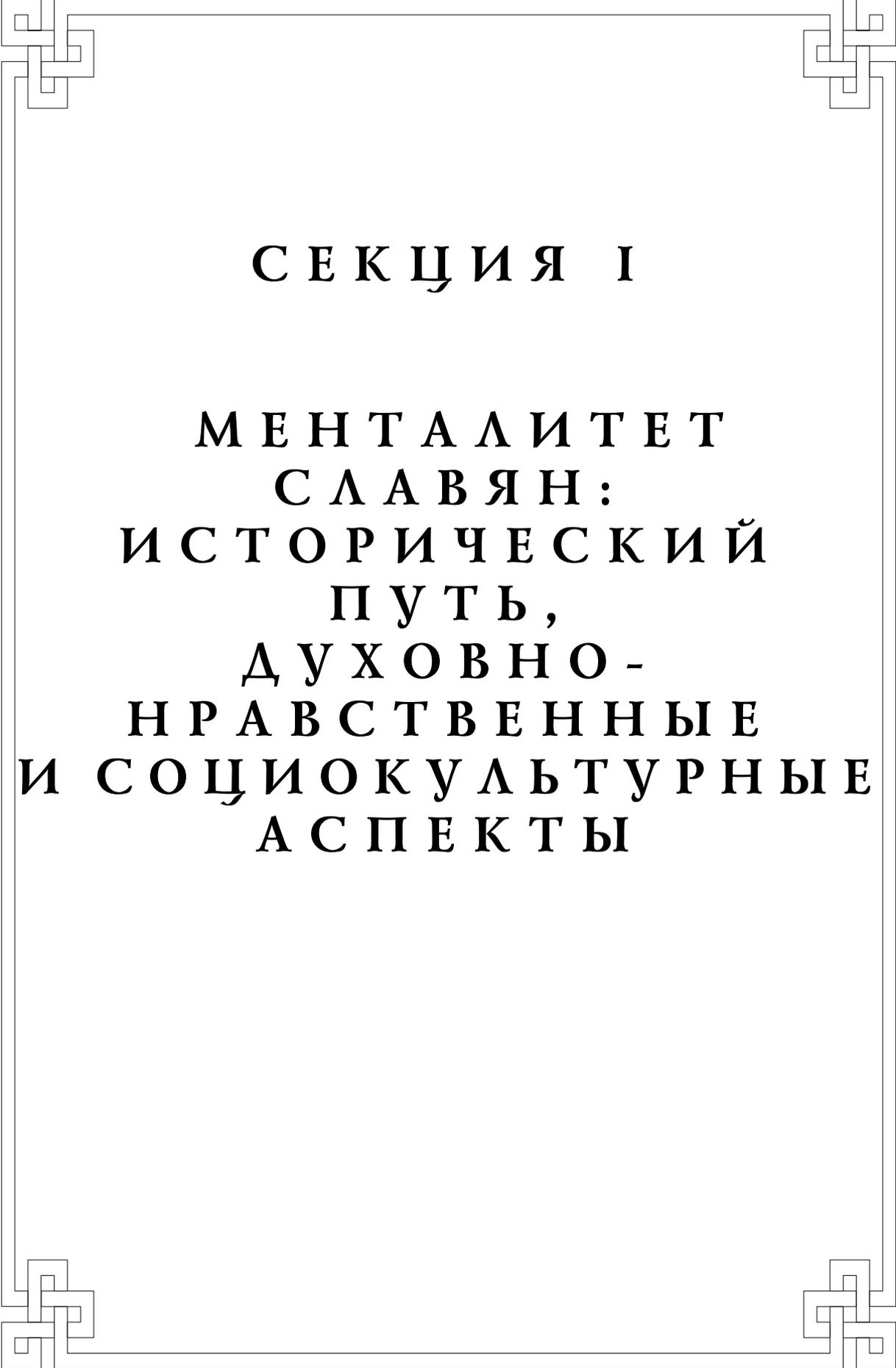
Исследование было направлено в том числе и на определение уровня сложности межкультурной коммуникации в образовательном процессе и между студентами носителями различных культур, представителями разных национальностей.

В данной статье представлены некоторые результаты исследования. На вопрос о том, что представляет собой межкультурная коммуникация, 56,4 % иностранных студентов ответили, что это общение с представителями иной культуры, 23,6 % студентов-иностранцев выбрали ответ – дружеское отношение к представителям иной культуры, 15,3 % полагают, что это дружеское отношение к иностранным гражданам и 4,7 % не смогли определиться с вариантом ответа. Ответы студентов, граждан Республики Беларусь, на вопрос о том, что представляет собой межкультурная коммуникация, распределились следующим образом: 81,8 % выбрали общение с представителями иной культуры, 15,1 % полагают, что это лояльное отношение к иностранным гражданам и 3,1 % затруднились дать ответ на этот вопрос. По вопросу актуальности для образовательного процесса вопроса межкультурной коммуникации ответ «да, актуален» выбрали 67,8 % иностранных студентов и 58,5 % белорусских студентов. Уровень сложности осуществления межкультурной коммуникации по индикатору «языковой барьер» в обучении признали «скорее сложным» и «сложным» 42,7 % иностранных студентов. Иная бытовая культура вызывает сложности у 34,8 % студентов-иностранцев. На возникновение бытовых конфликтов при проживании в общежитии по причине различных традиций и обычаев у иностранных и белорусских студентов указали 27,4 % иностранных студентов.

Таким образом, обучение студентов основам межкультурной коммуникации представляется актуальной задачей современного образовательного процесса. Актуальность данной проблематики будет только возрастать ввиду ориентации высших учебных заведений нашей страны на экспортный характер оказания образовательных услуг. Вместе с тем подавляющее большинство межкультурных конфликтов в студенческой среде между белорусскими и иностранными студентами – это конфликты коммунальные, на базе общепринятых норм и ценностей а, следовательно, такие конфликты и их разрешение носят интегративный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь в цифрах : стат. справ. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – 71 с.
2. Гузикова, М. О. Основы теории межкультурной коммуникации : учеб. пособие / М. О. Гузикова, П. Ю. Фофанова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : изд-во Урал. ун-та, 2015. – 124 с.
3. Козер, Л. А. Функции социального конфликта / Л. А. Козер ; пер. с англ. О. А. Назаровой ; под общ. ред. Л. Г. Ионина. – М. : Идея-Пресс : Дом интеллект. кн., 2000. – 205 с.

СЕКЦИЯ I

МЕНТАЛИТЕТ
СЛАВЯН:
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ПУТЬ,
ДУХОВНО -
НРАВСТВЕННЫЕ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
АСПЕКТЫ

УДК 328-053.81(476)

МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И МОЛОДЕЖИ

Е. Г. Абраменко

*Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», Республика Беларусь*

Проведен анализ молодежного парламентаризма как инструмента взаимодействия власти и молодежи. В результате исследования сделан вывод о том, что молодежные парламенты способствуют представлению интересов молодежи, расширяют возможности участия молодежи в нормотворчестве и становятся полем для выявления лидеров, интересующихся общественно-политической деятельностью.

Одним из залогов успеха национальной безопасности является молодежная политика. Участие в общественной жизни и активная гражданская позиция молодежи не сводится только к участию в выборах, но и предполагает наличие прав, свобод и возможностей для участия в процессе принятия решений и влияния на него. На сегодняшний день молодежь является особым субъектом политического процесса со специфическими интересами, мировоззрением и взглядом на политику. Зачастую именно молодежь становится ресурсом для организаторов массовых беспорядков и протестных акций. С другой стороны, именно молодежь является носителем интеллектуального потенциала, креативности и инициативности. При этом следует отметить, что политической системе необходима только наиболее подготовленная и образованная часть молодежи.

Согласно данным Межпарламентского союза, молодые люди до 30 лет составляют чуть более 2 % депутатов в мире; в около 30 % однопалатных парламентов и нижних палатах двухпалатных нет депутатов моложе 30 лет, как и в 76 % верхних палат [1]. Одной из стратегий привлечения молодых людей в парламентские структуры является развитие молодежного парламентаризма.

Молодежный парламентаризм представляет собой систему представительства прав и интересов молодежи как особой социальной группы, основанной на создании и функционировании при органах государственной власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодежи – *молодежного парламента*, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства [2, с. 14]. Среди приоритетных принципов молодежного парламентаризма можно назвать следующие:

- 1) приоритет защиты прав молодежи;
- 2) доступность и открытость системы молодежного парламентаризма для участия в ней молодых людей;
- 3) легитимность создания, функционирования и развития различных форм молодежного парламентаризма;
- 4) демократизм формирования состава различных форм молодежного парламентаризма на основе выборов и (или) конкурсов из числа молодых людей;
- 5) рациональное сочетание представительской и просветительской функций;
- 6) непосредственное участие молодежи в процессе формирования молодежной политики, принятия и реализации решений в этой сфере;
- 7) социальная эффективность и ответственность [3, с. 130].

Молодежные парламенты существуют в России, Германии, Литве, Латвии, Финляндии, Польше, Эстонии. В 2006 г. данные структуры были образованы в Австралии, Фид-

жи, Египте. По данным исследования Межпарламентского союза, в 2018 г. молодежные парламенты существуют в 72 % стран (из 150, участвующих в исследовании) [2]. Стоит отметить, что в июле 2020 г. в Малайзии был осуществлен проект первого в мире Цифрового молодежного парламента, который собрал 222 представителя молодежи на двухдневную сессию дебатов, для обсуждения и принятия новых «законов» и «политики» по экономическим и образовательным вопросам, затрагивающим молодежь в стране, через онлайн-платформу. Виртуальные парламентские кресла имитировали реальное заседание, включая голосование и принятие законопроектов. Сеанс транслировался в прямом эфире 4 и 5 июля 2020 г., собрав более 200000 зрителей за два дня [4].

В июле 2020 г. при Совете Республики Национального собрания Республики Беларусь был создан молодежный парламент. Его целью является содействие деятельности Национального собрания Республики Беларусь в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи [5].

1. *Представление интересов молодежи.* Молодежные парламентские структуры способствуют более результативному выражению проблем и интересов молодежи, а также позволяют доводить их до сведения законодательных и исполнительных органов, что, в конечном итоге, содействует достижению определенных социально-экономических результатов, развитию политико-правовой культуры и гражданской активности молодых граждан. Следовательно, молодежный парламентаризм выполняет задачу, состоящую в выработке консолидированного социального заказа молодежи государству.

2. *Участие молодых граждан в нормотворческой деятельности.* Согласно ст. 3 Конституции Республики Беларусь граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в решении государственных дел [3, с. 12]. Участие молодежных парламентских структур в подготовке и обсуждении законов, затрагивающих интересы молодежи, дают возможность молодым людям влиять на определение направлений государственной молодежной политики, а также на расходные статьи бюджета по разделу «Социальная политика» в части, касающейся реализации молодежной политики. Так, среди основных задач молодежного парламента называются следующие: участие в разработке проектов нормативных правовых актов, затрагивающих права и законные интересы молодежи; участие в формировании и реализации государственной молодежной политики; изучение существующих проблем в молодежной среде и выработка предложений по их решению [5].

Среди возможных направлений развития молодежного парламента в данной сфере является возможность его членов вносить предложения по изменению и дополнению в действующие законы.

3. *Подготовка резерва молодых кадров.* Согласно ст. 92 Конституции Республики Беларусь депутатом Палаты представителей может быть гражданин Республики Беларусь, достигший 21 года. Тем не менее, представителей молодежи в выборных органах власти не велико. В местных Советах депутатов 24 созыва молодежь до 30 лет составила 7,15 %, 25 созыва – 6,3 %, 26 созыва – 5,2 %, 27 созыва – 3,8 %, 28 созыва – 3,98 %. В Палате представителей Национального собрания Республики Беларуси II и III созывов был один депутат в возрасте до 31 года, в IV–VI созывах – 0, в VII созыве – 2. В состав Молодежного парламента включаются представители молодежи в возрасте от 18 до 31 года, являющиеся гражданами Республики Беларусь. Кандидатуры выдвигаются президиумами городских (городов областного подчинения) и районных Советов депутатов, рассматриваются и утверждаются президиумами областных и Минским городским Советом депутатов (по 10 представителей от каждой области и 10 от г. Минска) [5].

Исходя из этого молодежные парламенты становятся полем для выявления лидеров, интересующихся общественно-политической деятельностью.

Использование различных форм работы в молодежных парламентских структурах (заседаний, деятельности президиума, комиссий, присутствия членов Молодежного

парламента на открытых заседаниях Палаты представителей и Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, их постоянных комиссий) позволяет им получать не только теоретические знания об управленческой деятельности, но и применять их на практике. Осуществление практической работы молодыми людьми, их знакомство с законотворческой и управленческой деятельностью дает возможность для создания резерва подготовленных специалистов не только для регионов, но и для государства в целом. В то же время члены молодежных парламентов представляют собой группу людей с активной жизненной позицией, которая готова оказать помощь в подготовке и реализации программ органов государственной власти.

Взаимодействуя с региональными молодежными консультативно-совещательными органами с одной стороны и депутатами Палаты представителей и членами Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь с другой, члены молодежного парламента могут оперативно и эффективно передавать интересы и проблемы молодежи законодательным и исполнительным органам, что в свою очередь способствует достижению социально-экономических результатов, повышает доверие к органами власти среди молодежи, а также ее правовую культуру. Перед молодежным парламентаризмом должна стоять задача формирования консолидированного социального заказа молодежи государству.

Молодежный парламент также обладает просветительскими функциями, так как с одной стороны он содействует обучению членной структуры, а с другой – имеет возможность заниматься просветительской деятельностью в широкой молодежной среде, что будет способствовать формированию современной политической культуры, активной гражданской позиции и повышению правовой культуры молодых людей.

Таким образом, молодежный парламентаризм содействует вовлечению молодежи в парламентскую деятельность, обучению новых политиков и управленцев. Молодежные парламенты расширяют политическое пространство для молодых активистов, которые становятся связующим звеном между властью и молодежью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Youth participation in national parliaments: 2018 // Inter-parliamentary Union. – Mode of access: <https://www.ipu.org/our-impact/youth-empowerment/data-youth-participation>. – Date of access: 24.04.2021.
2. Синякова, Л. С. Инновационный потенциал молодежи российских территорий как стратегическое условие развития Российского государства (на основе опыта молодежного парламентского движения на территории Российской Федерации) / Л. С. Синякова // Молодежный парламентаризм в России на страницах Интернета (Информационно-аналитические материалы о развитии молодежного парламентаризма в Российской Федерации) / под общ. ред. В. П. Волкова. – М. : Нома, 2006. – С. 5–28.
3. Тумуров, Ж. Т. Функциональные характеристики молодежного парламентаризма в политической системе / Ж. Т. Тумуров // Вестн. Забайк. гос. ун-та. – 2015. – № 3 (118). – С. 129–138.
4. The world's first-ever youth-led digital 'parliament' goes live with Microsoft Teams // Microsoft/. – Mode of access: <https://news.microsoft.com/en-my/2020/07/17/worlds-first-ever-youth-led-digital-parliament-goes-remote-with-microsoft-teams/>. – Date of access: 24.04.2021.
5. Молодежный парламент при Национальном собрании Республики Беларусь // Совет Респ. Нац. собрания Респ. Беларусь. – Дата доступа: <http://www.sovrep.gov.by/ru/mp-ru/>. – Дата доступа: 24.04.2021.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на гос. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2007. – 48 с.

УДК 342

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ КАК ПУТЬ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Л. В. Андрущенко

*Институт управления и права Национального юридического
университета имени Ярослава Мудрого, г. Киев, Украина*

Рассмотрены актуальные правовые проблемы, положительные и негативные тенденции, связанные с интеграцией и углублением сотрудничества между Украиной и Европой в сфере высшего образования.

Право каждого на образование относится к культурным правам и свободам человека и гражданина, закрепленным в ст. 53 Конституции Украины. Реализация данного права детализирована в ряде нормативных актов – как национальных, так и международных. Кроме этого ст. 26 Всеобщей декларации прав человека определяет: «Каждый человек имеет право на образование. Образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами и должно содействовать деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира» [1].

Важной составляющей евроинтеграционных стремлений Украины была и остается интеграция и углубление сотрудничества с Европой в сфере высшего образования. Наше государство на протяжении многих лет является важным стратегическим партнером для Европы, поэтому с начала обретения независимости власть нашего государства постоянно декларирует стремление к внедрению европейских принципов во всех сферах общественной жизни. Не является исключением и сфера образования и науки, реформирование которой стало частью евроинтеграционных процессов.

19 мая 2005 г. на конференции в норвежском городе Берген Украина официально присоединилась к Болонскому процессу, что позволило осуществить структурные преобразования высшего образования по согласованной системе критериев, стандартов и характеристик и позволило нашей стране стать частью европейского образовательного и научного пространства.

Присоединение Украины к Болонскому процессу – это процесс европейских реформ, направленный на создание общей Зоны европейского высшего образования и активизировавший образовательные миграции.

Переезд выпускников украинских учебных заведений на обучение по образовательным программам в страны ЕС, особенно Польшу, в последние годы становится очень активным и распространенным. Официальной статистики нет, но по приблизительным подсчетам число украинских студентов в ЕС составляет от 60000 до 70000 и только в Польше – более 30000. Украинцы составляют 55 % всех иностранных студентов этой страны. По результатам проведенных опросов лишь 9 % из них планирует вернуться на родину, 28 % – остаться в Польше, 29 % – переехать в другую страну ЕС.

По данным Государственной миграционной службы Украины, Международной организации по миграции по состоянию на октябрь 2018 г. в Украине на учете состоят 53024 ИОБГ с целью обучения, а по состоянию на февраль 2019 г. на учете состоят 64826 ИОБГ, временно проживающие в Украине с целью обучения. Образовательные мигранты зарегистрированы в крупнейших образовательных центрах Украины: в Харьковской области (26,4 %), в Киеве (17,8 %), в Одесской (12,9 %) и в Днепропетровской области (7,4 %) [2], [3].

Мощными поставщиками мигрантов, приезжающих в Украину с целью обучения, являются Индия, Марокко, Нигерия, Туркменистан, Египет, Турция, Китай, Иордания, Израиль и Иран.

Так, по данным Государственной службы статистики Украины всего в образовательных учреждениях нашего государства по состоянию на январь 2020 обучалось 1020 г. аспирантов-иностранцев, из которых 560 – из Китая, 2 из Чехии, 50 – из Азербайджана, 6 – из Германии [4].

Анализ ситуации на канале международного студенческого обмена свидетельствует об устойчивой тенденции к росту числа иностранных граждан, получающих образование в украинских заведениях высшего образования. За последние пять лет их число увеличилось более чем на 25 %. Так, в течение 2019 г. в нашем государстве ЗВО выдали более 41000 приглашений на обучение иностранцам; обучается более 81000 иностранных студентов из 154 стран мира (2014 – 63172, 2015 – 63906, 2016 – 64066, 2017 – 66310, 2018 – 75605), образовательную деятельность, связанную с иностранными гражданами, предоставляют около 450 ЗВО (из них 88 % государственных, 12 % частных) [5].

В перспективе большинство из этих студентов останутся работать за границей, а экономика Украины теряет квалифицированную рабочую силу, уплату налогов в бюджет, развитие экономики. Следует также помнить, что наша страна инвестировала немалые средства в развитие молодых людей, из местных бюджетов финансировалось их обучение в школах и другие расходы. Учитывая приведенное выше, понятно, что явление образовательной украинской эмиграции имеет как свои положительные, так и отрицательные стороны, которых при существующем положении вещей существенно больше. Учитывая масштаб этого явления, а также значительное его потенциальное влияние на экономику страны, целесообразным является внедрение ряда мероприятий, минимизирующих негативные проявления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мониторинг миграционной ситуации и изменений в сфере управления миграцией и границами, 2018. – Режим доступа: https://dmsu.gov.ua/assets/files/migprocess/zvit_vypusk_2018_november.-PDF.
2. Мониторинг миграционной ситуации и изменений в сфере управления миграцией и границами, март 2019. – Режим доступа: https://dmsu.gov.ua/assets/files/migprocess/zvit_vypusk_2019_03.pdf.
3. Государственная служба статистики, Демографическая и социальная статистика / Образование. – Режим доступа: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/osv_rik/osv_u/vysh_osvita/arch_vysh_osvita.htm.
4. Годовой отчет Национального агентства по обеспечению качества высшего образования по 2019 / под ред. проф. С. Квит. – Киев : Нац. агентство по обеспечению качества высш. образования, 2020. – 244 с. – Режим доступа: <https://naqa.gov.ua/wp-content/uploads/2020/02/%D0%97%D0%B2%D1%96%D1%82-2020.pdf>.

УДК 316.642

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСМЫСЛЕННОСТЬ РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ В КОНТЕКСТЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Д. Чакон-Тральски

Педагогический университет имени КНО, г. Краков, Республика Польша

Б. Плишка

Силезский технологический университет, г. Гливице, Республика Польша

В. К. Борецкая

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Феномен религиозности представляет собой достаточно многостороннее явление, прежде всего его связывают с наличием либо отсутствием религиозной веры. Статья посвящена исследованию понимания сущности религиозной веры в контексте конфессиональной и религиозной принадлежности студенческой молодежи из Беларуси, России, Украины и Польши.

Особый интерес для современных исследований феномена религиозности представляет степень осмысленности религиозной самоидентификации приверженцев разных конфессий и религий. После легализации религии в постсоветский период на территории бывшего СССР многие отечественные и зарубежные религиоведы отмечают рост религиозности населения [1, с. 8], [2, с. 2], [3, с. 36–37]. Все это можно определить как процессы десекуляризации, которые проявляются в росте числа верующих и религиозных общин, взаимодействии между религиозными организациями и общественными организациями, государственными институтами, т. е. десекуляризации на уровне личности, религиозной организации, государства и общества. Данные процессы свидетельствуют о росте интереса к религии, который может проявляться на основе заинтересованности религией как культурно-историческим наследием и как потребностью во внутреннем духовном росте. Критерием оценки процессов десекуляризации на личном уровне является осмысленность религиозной веры, что выступает в качестве предмета данного исследования.

В современном социогуманитарном знании существует множество определений религиозной веры. Данное понятие определяют как веру в объективное существование сверхъестественной реальности (Бога, богов, ангелов и т. п.); в предметное содержание религиозных образов; в истинность религиозных догматов, текстов, представлений и т. д.; в авторитет – «отцов церкви», «святых», «пророков», «харизматиков», церковных иерархов, служителей культа и т. д. Религиозная вера связана с диалогичностью сознания, влияет на мотивационные и волевые процессы, что проявляется в той или иной степени в поведении человека.

Целью данного исследования является определение степени осмысленности религиозной веры у студенческой молодежи в контексте их религиозной и конфессиональной самоидентификации. Эмпирической базой исследования является выборочный социологический опрос среди студентов и магистрантов дневной и заочной форм обучения, проживающих в Гомельской области в Беларуси, Московской и Тюменской областях в России, в Киевской и Черниговской областях в Украине и воеводстве Малопольском (административный центр Краков) в Польше. Данное исследование проводилось в 2017, 2018 и 2019 гг. Выборочная совокупность включает 300 респондентов сре-

ди белорусских студентов, 150 – среди российских, 110 – среди украинских студентов и 305 – среди польских студентов. Опрошенные студенты были в возрасте от 17 до 37 лет.

При анализе конфессиональной принадлежности студентов в настоящем исследовании сосредоточимся на ответах большинства, а именно какое количество идентифицирует себя как «православные», «католики», «мусульмане», «христиане» и «атеисты». Следует учитывать конфессиональную ситуацию, складывающуюся в государствах, где проживают респонденты. В Беларуси, России, Украине религиозное большинство будут составлять православные, в Польше это будут католики.

Среди белорусских респондентов 50 % определили себя как «православные», 4,3 % как «христиане» и 30,3 % как «атеисты». Соответственно среди российских студентов 30 % декларировались как «православные», 23 % – «христиане», 13 % – «мусульмане», 23 % – «атеисты». Ответы украинских студентов несколько отличаются: 46 % написали, что считают себя «христианами», 19 % – «православными», 17 % – атеистами. Ответы польских респондентов существенно отличаются от ответов их восточных соседей, а именно 77 % считают себя католиками, 1 % опрошенных – христианами и 8,3 % – атеистами.

Наибольшее количество студентов, которые обозначили себя как «атеист», было среди белорусских студентов. Наименьшее количество респондентов, которые декларировались «атеистами», среди поляков, соответственно и большее количество респондентов, определяющих себя как приверженцы, последователи определенной конфессии, тоже было среди польских студентов.

Количественные показатели конфессиональной принадлежности

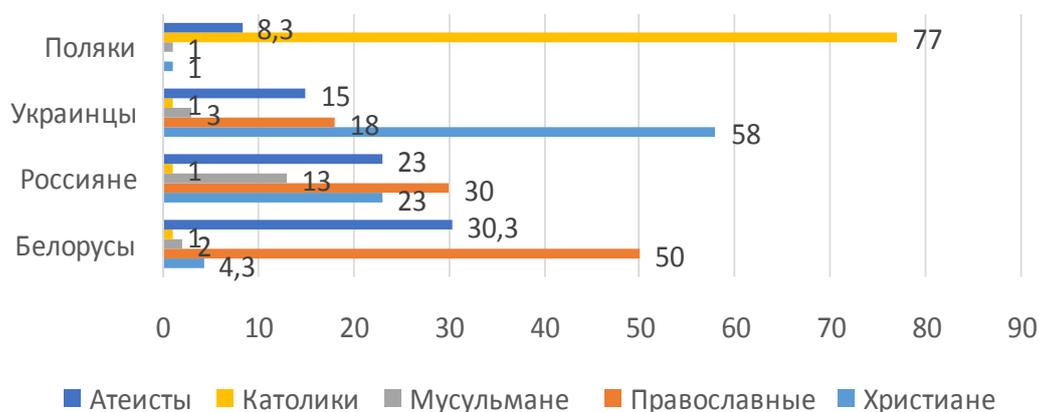

Рис. 1

Подобное расположение ответов складывается и при религиозной самоидентификации студентов. При ответе на вопрос «Считаете ли Вы себя человеком верующим?» больше всего респондентов, которые дали утвердительный ответ, было среди польских студентов (67 %). Практически половина российских респондентов (47,8 %) считает себя верующими, а наименьшее количество – среди украинских (37,5 %) и белорусских (37,7 %). Наименьшее количество респондентов, которые утвердительно заявили, что не считают себя верующими, оказалось среди польских студентов (11 %), а наибольшее количество среди белорусских (27,3 %) и украинских (27 %). Среди тех, кто затруднился с ответом, наибольшее количество было среди белорусских (35 %) и украинских (35,5 %) студентов (таблица). Следует отметить, что выраженные религиозные настроения присутствуют среди польских студентов, ответы белорусских и украинских респондентов очень похожи.

Религиозная вера влияет на волевые и мотивационные процессы верующих людей, становясь основой культового и некультового поведения, определяя аксиологические приоритеты и мировоззренческие убеждения. Респондентам было предложено выбрать суждение о религиозной вере. Определение религиозной веры как веры в существование высших сил, что в большей степени соответствует присутствующим на территории древних славян ранних религиозных, обозначили 28,8 % белорусов, третья часть россиян (32 %), четвертая часть украинцев (25 %) и десятая часть поляков (10,5 %) (рис. 2).

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Считаете ли Вы себя человеком верующим?»**

Варианты ответов	Белорусские студенты	Российские студенты	Украинские студенты	Польские студенты
Да	37,7	47,8	37,5	67
Нет	27,3	25,7	27	11
Затрудняюсь ответить	35	26,5	35,5	22
Вместе	100	100	100	100

Онтологической позиции итсизма, как веры в некую Высшую силу, своеобразной формы религиозного либерализма придерживаются 15,4 % белорусов, 9,6 % россиян, 11,5 % украинцев и 21,6 % поляков. Распределение данных показателей вероятнее всего указывает на проявление в большей степени антиклерикальных настроений среди польских студентов, чем среди их восточных соседей. Суждение «вера в реальное существование Бога», присущее последователям монотеистических религий (христианство, иудаизм, ислам), обозначили половина польских респондентов (49,5 %), четвертая часть белорусских (24,8 %), несколько больше чем четвертая часть российских (28,4 %) и украинских (28,5 %). Суждение «вера в присутствие Бога в Вашей жизни», которого придерживаются глубоко верующие люди, выбрали практически третья часть белорусов (30,8 %) и россиян (30,5 %) и только четвертая часть поляков (26,2 %) (рис. 2). Чаще других респондентов данный ответ выбирали украинцы (40 %).

Сравнивая сумму показателей конфессиональной принадлежности (христианин, православный, католик, протестант, иудей, мусульманин) с показателями религиозной принадлежности (верующий), индекс соотношения ближе к показателю 1, т. е. наибольшее совпадение наблюдается у польских респондентов 0,84 (67 к 87 %). У белорусов данный показатель составил 0,66 (37,7 к 57 %), у россиян – 0,65 (47,8 к 73 %). Наименьший показатель наблюдается у респондентов из Украины 0,47 (37,5 к 79 %), т. е. верующих меньше, чем последователей традиционных конфессий и религий.

Несколько иная ситуация складывается и при соотношении суммы показателей конфессиональной принадлежности с показателями представлений о религиозной вере. В данном исследовании авторы соотнесли показатели конфессиональной принадлежности (христианин, православный, католик, протестант, иудей, мусульманин) с суммой показателей суждений о религиозной вере, которые соответствуют позиции религиозного последователя и глубоко верующего человека (суждения: вера в присутствие Бога в Вашей жизни; вера в реальное существование Бога). Наибольшее совпадение данных показателей присутствует у белорусских студентов, индекс соотношения 0,97 (55,6 к 57 %), несколько меньше данный показатель у польских студентов – 0,95 (75,7 к 79 %). Согласно ответам украинских респондентов данный показатель составил 0,86 (68,5 к 79 %), наименьшее совпадение наблюдается у российских студентов – 0,80 (58,9 к 73 %).

Можно сделать выводы, что мировоззренческая осмысленность религиозной веры присутствует среди студенческой молодежи. В большей степени она проявляется среди белорусских и польских студентов, т. е. количество студентов, которые выбрали ответы, соответствующие позиции религиозного последователя или глубоко верующего человека, практически соответствуют количественным показателям конфессиональной принадлежности.

Количественные показатели представлений о религиозной вере

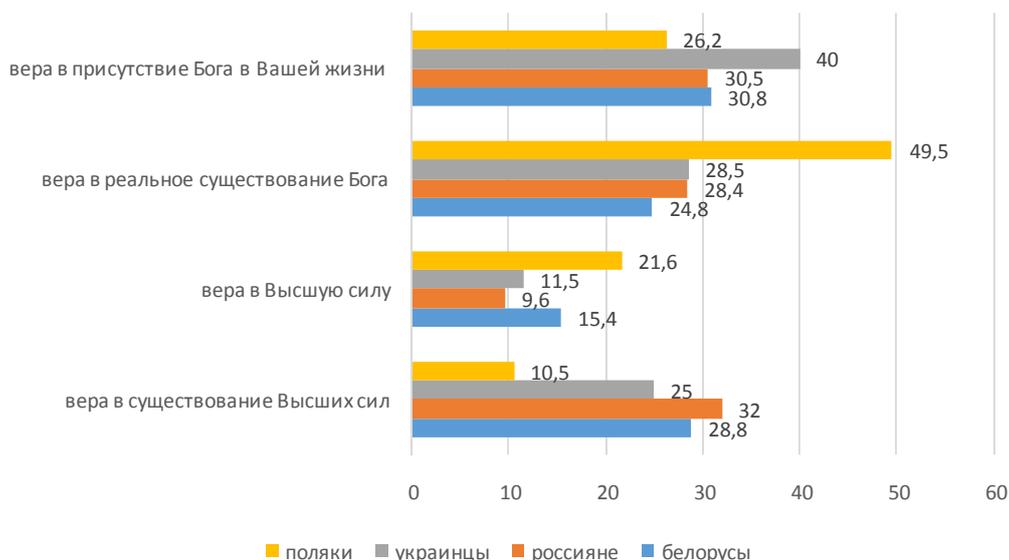

Рис. 2

Подытоживая, следует отметить, что студенческая молодежь, определяя свою конфессиональную принадлежность, понимает сущность религиозной веры как признание объективности существования Бога и как диалогичность сознания. Количество студентов, определяющих сущность веры с позиции религиозного последователя, практически соответствует количеству студентов, которые четко обозначили свою конфессиональную принадлежность. Результаты исследования показали, что знание сущности религиозной веры не гарантирует уверенности в своей религиозности. Среди студенческой молодежи из разных стран количественные показатели конфессиональной принадлежности оказались больше, чем количественные показатели тех, кто декларируется как верующий. Меньше всего «сомневающихся» в своей религиозной вере среди польских студентов, а больше всего среди украинских. При конфессиональной самоидентификации студенты в большей степени ориентируются на ментальностные, культурные коды, а затем начинают сомневаться действительно ли они являются верующими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адзіночанка, В. А. Трансфармацыі рэлігійнай сітуацыі ў сучаснай Беларусі: праблемы, перспектывы, шляхі / В. А. Адзіночанка // На пороге столетия белорусской государственности: социогуманитарный аспект : материалы межвуз. круглого стола, 6 дек. 2018 г., Барановичи, Респ. Беларусь / редкол.: А. В. Демидович (гл. ред.), А. В. Демидович (отв. ред.), З. Н. Козлова [и др.]. – Барановичи : БарГУ, 2018. – С. 7–11.
2. Королев, С. А. Секуляризация и десекуляризация в контексте концепции псевдоморфного развития России / С. А. Королев // Философ. мысль. – 2015. – № 4. – С. 1–4.
3. Карасева, С. Г. Типология религиозности в современной Беларуси / С. Г. Карасева. – Минск : БГУ, 2018. – 219 с.

УДК 316.647.5:177(476)

СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Т. Н. Боярчук

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Республика Беларусь

Осуществлена попытка выявить сущность феномена толерантности и различные ее формы проявления в социокультурном бытии современного общества. Многоаспектность содержания толерантности автор статьи проанализировал в рамках социальной философии, рассмотрев ее антропологическое измерение, которое включает онтологический, гносеологический, аксиологический и этический аспекты как основные формы объективации анализируемого феномена. Тем самым автор приходит к выводу, что культура толерантности в современном белорусском обществе необходима для повышения эффективности межэтнического и межконфессионального конструктивного диалога в социокультурном пространстве Республики Беларусь.

Сущность бытия человека как социального субъекта связана с тем, что его социализация и дальнейший процесс функционирования возможны только в процесс совместного проживания. Соответственно, особенностью социального уклада жизни людей является необходимость их взаимного существования, что реализуется в различных сферах повседневного взаимодействия: политической, экономической, правовой, религиозной, этнонациональной, бытовой и др. Разнообразие этих сфер тесно связано и с конкретными условиями развития и существования человека на каждом из перечисленных уровней, что характеризуется особенностями социокультурного уклада, способов жизнедеятельности, социально-политических и экономических условий.

В силу социокультурных и индивидуальных особенностей вследствие своеобразия условий совместного бытия у каждого субъекта взаимодействия присутствуют различные ценности, жизненные установки и приоритеты, что может провоцировать напряженность и конфликтность. Но при этом в процессе коммуникации по логике своего социально-исторического развития люди стремятся к целостности и взаимопониманию, что, безусловно, ведет к идее толерантности как необходимому условию бесконфликтного взаимодействия. Решение объективации толерантности необходимо искать в конкретных видах социализации людей и в их специфике, что определяется этнонациональными и социокультурными традициями.

Феномен толерантности достаточно сложный и многокомпонентный, так как имеет различные формы своего проявления в социальном бытии. Для того чтобы определить сущность и формы объективации толерантности в социокультурном пространстве в Республике Беларусь, необходимо выявить базовые измерения сущности идеи толерантности. Сложность и многомерность данного феномена проявляется, прежде всего, в многообразии ее понимания, видов и форм объективации.

Во многих культурах понятие «толерантность» является своеобразным синонимом «терпимости»: лат. – *tolerantia* – терпение; англ. – *tolerance, toleration*; нем. – *toleranz*; фр. – *tolerance*. В процессе историко-культурного развития и теоретического обоснования категория «терпимости» («толерантности») претерпевает изменения, что является естественным, так как трансформируется общество, в котором акцент, прежде всего, делается на человеческих взаимоотношениях. Соответственно, понятие «толерантность» по смысловой насыщенности значительно шире, нежели просто «терпимое отношение». Это своеобразная этическая доктрина современности, претендующая на центральное место в «оси координат» XXI в.

Также учитывая многоаспектность содержания толерантности, невозможно рассмотреть данное понятие без определения сущностных ее характеристик, к которым относится нравственная характеристика отдельного человека, формирование толерантного сознания людей в процессе совместного взаимодействия, толерантное общение между субъектами коммуникации, что проявляется в их поведении и отношениях. Толерантность, выступая своеобразным механизмом регуляции совместного существования людей, имеет своим основанием определенные фундаментальные структуры бытия. Эта укорененность феномена толерантности в основах человеческого существования позволяет, с одной стороны, прояснить онтологические основания толерантности, а с другой – представить бытийные истоки совместной жизни людей.

Многоаспектность содержания толерантности означает, что невозможно достаточно точно проанализировать толерантность с опорой только на одно понятие, поэтому необходимо определить основания толерантности в рамках социальной философии, что предполагает, прежде всего, рассмотрение ее антропологического измерения, включающего онтологический, гносеологический, аксиологический и этический аспекты как основных форм объективации анализируемого феномена.

Культурная антропология делает акцент на духовной детерминанте в деятельности человека. Сущностью онтологического измерения толерантности является то, что на уровне социальной онтологии толерантность понимается как «качественность» сознания, которое либо «взрачивается», воспитывается, либо дается «по природе» [1].

Ответ на этот вопрос дает А. В. Логинов при помощи соотнесения толерантности с такими понятиями как субъект, сознание, социальность. Исследователь показывает, что от методологических установок на их истолкование зависит и «место» толерантности в картине мира. Так, в частности, проблема сознания (его уровней, форм, онтологической «привязки») сразу же выводит на пласт проблем, связанных с видами и типами толерантности (религиозная, психологическая, политическая, идеологическая толерантность); вопрос о субъекте и пределах субъективности, о расхождении и совпадении индивидуального и социального влечет за собой проблему преодоления простого сведения толерантности к схемам деятельности; выделение типов социальности проясняет исторический «срез» толерантности, не отменяя в то же время задачу спецификации онтологических характеристик последней в условиях современности [2, с. 46].

Гносеологический компонент толерантности состоит в осознании и принятии человеком сложности и многомерности жизненной реальности, вариативности ее восприятия, понимания и оценивания разными субъектами взаимодействия, а также частичной относительности собственных представлений и своей картины мира. Толерантность в гносеологическом «измерении» ярче всего проявляется именно в ситуациях противоречий – при расхождении мнений, столкновении взглядов и т. д., что позволяет рассматривать это несовпадение как проявление плюрализма, богатства индивидуальных восприятий и интерпретаций.

Рассмотрение феномена толерантности в перспективе ценностной ориентации человеческого существования позволяет понять саму толерантность в качестве одной из важнейших аксиологических форм, организующих совместную человеческую жизнедеятельность. В условиях плюрализма субъектов на социокультурном уровне толерантность предстает универсальной ценностью, которую необходимо осуществлять в конкретных социокультурных условиях. Аксиологические формы создают особое «пространство» культуры, «пространство» свободного выбора идеалов и ценностей, в котором реализуется суть человеческой природы. С этих позиций толерантность необходимо понимать как свободный и ответственный выбор человека «ценностного толерантного отношения к жизни». Толерантность как ценность есть одна из основных форм существования и взаимодействия людей. Сущность данной формы толерантности

состоит в том, что она реализуется в совместном бытии людей, как терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, мнениям, идеям, верованиям и т. п. Именно ориентация на ценность чужого, иного, другого и составляет сущность толерантности как ценности [1]. Ценностно-смысловая система составляет основное содержание личностного измерения толерантности, в которой центральное место занимают ценности уважения человека как такового, ценности человека и равноправия людей по отношению к базовым вопросам выбора мировоззрения и жизненной позиции, ценность ответственности за собственную жизнь и признание таковой за каждым человеком и другие ценности современного общества.

Этический компонент толерантности плавно исходит из ее ценностной формы проявления, так как подразумевает не только уважение чужих ценностей, но и позицию, предполагающую расширение круга личных ценностных ориентаций за счет позитивного взаимодействия с другими культурами, что способствует обогащению новым и иным культурным достоянием, социальным опытом. Культурное многообразие современного социума должно передаваться от поколения к поколению, способствуя укоренению принципов взаимного интереса, сотрудничества и толерантности. Взаимодействие культур, в свою очередь, предполагает толерантное общение их представителей, являющихся носителями как соответствующих систем ценностей, идей, этических образцов, так и методов их передачи и усвоения.

Исходя из проанализированных форм объективации толерантности (онтологическая, гносеологическая, аксиологическая и этическая), на наш взгляд, аксиологическое измерение толерантности позволяет понять толерантность в качестве одной из важнейших форм объективации, организующей совместную жизнедеятельность людей и выступающей в качестве универсальной ценности человеческого существования.

Толерантность является не только нравственной характеристикой отдельного человека, это специфическая технология взаимодействия людей, что реализуется в процессе взаимодействия для достижения единых целей через уравнивание интересов, убеждение сотрудничающих сторон в необходимости поиска взаимоприемлемого диалога и сотрудничества. Культура толерантности современного белорусского общества необходима для повышения эффективности межэтнического и межконфессионального диалога.

Толерантность подразумевает конструктивное взаимодействие субъектов и социальных групп с разными ценностями, что может быть достигнуто на основе формирования установок толерантного сознания и поведения, веротерпимости и миролюбия, выработки навыков межкультурного взаимодействия. Она проявляется в праве всех индивидов быть различными, а также в обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, в уважении к разнообразию различных этнических и национальных культур, готовности к сотрудничеству с людьми, различающимися по убеждениям, обычаям и верованиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головатая, Л. В. Основные измерения толерантности / Л. В. Головатая. – Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3601. – Дата доступа: 15.04.2021.
2. Логинов, А. В. Толерантность «за» и «против» / А. В. Логинов // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 1 (13). – С. 44–49.

УДК 94(476)"18/19"

**ГАНДЛЁВАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧЫХ ТАВАРЫСТВАЎ
МАГІЛЁўСКОЙ ГУБЕРНІ
Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ СТАГОДДЗЯ****П. П. Бухавец***ААТ «Печатный двор «Гомель», Рэспубліка Беларусь*

Разгледжана развіццё гандлёвай дзейнасці сельскагаспадарчых таварыстваў Магілёўскай губерні ў другой палове ХІХ – пачатку ХХ ст. Вызначаецца роля і месца сельскагаспадарчых таварыстваў губерні ў станаўленні і развіцці мясцовага рынку сельскагаспадарчай тэхнікі, насення і штучных угнаенняў.

70-я гг. ХІХ ст. адзначыліся стварэннем сельскагаспадарчых таварыстваў у трох беларускіх губернях. У значнай ступені гэта адбылося ў рамках падтрымкі рускага землеўладання ў Паўночна-Заходнім краі. Не менш важным фактарам было разуменне палітычнай элітай Расійскай імперыі ролі сельскагаспадарчых таварыстваў у развіцці эканомікі. Таму ў 1879 г. было заснавана Магілёўскае таварыства сельскай гаспадаркі (далей – МагТСГ), якое распаўсюджвала сваю дзейнасць на ўсю губерню. Сярод задач, якія ставіліся перад аб'яднаннем, быў як пошук спосабаў набыцця якаснага насення, земляробчых прылад, так і збыту сельскагаспадарчай прадукцыі [1, арк. 36]. Разгляд гэтых пытанняў адбыўся на адным з першых пасяджэнняў агульнага сходу МагТСГ ў 1880 г. У той жа год сябрам аб'яднання І. А. Мянжынскім пры дапамозе таварыства быў створаны склад земляробчых прылад і машын, насення і штучных угнаенняў у Оршы. Толькі за перыяд з 18 красавіка па 20 кастрычніка 1880 г. былі прададзены земляробчыя прылады на суму каля 3 тыс. р. [2, с. 1–3].

У пачатку 1881 г. А. П. Сянажэцкі прапанаваў адкрыць на свае сродкі склад у Гомелі. Агульны сход падтрымаў яго прапанову і абяцаў аказаць падтрымку, дзякуючы чаму склад пачаў працу ў тым жа годзе. Сума прададзеных тавараў у 1881 і 1882 гг. перавысіла 3,5 тыс. р. [2, с. 23], [3, арк. 19 адв.], [4, с. 3].

У студзені 1882 г. у сувязі з продажам маентка і выездам І. А. Мянжынскага з Магілёўскай губерні паўстала пытанне аб працягу дзейнасці склада ў Оршы. Магілёўскае таварыства сельскай гаспадаркі, прымаючы да ўвагі адсутнасць магчымага загадчыка ў Оршы, вырашыла перанесці склад ў Магілёў. Для падтрымкі дзейнасці склада было вырашана прасіць у Міністэрстве дзяржаўных маёмасцей аб выдзяленні датацыі. Прызнаючы важнасць дзейнасці падобных устаноў, Міністэрства выдзеліла 500 р. на ўладкаванне ў 1882 г. і 600 р. на ўтрыманне ў 1883 і 1884 гг. [5, с. 2–3, 14].

Адкрыццё склада ў Магілёве адбылося ў красавіку 1881 г. і за гэты год абароты дасягнулі 7 тыс. р. [3, арк. 19 адв.]. За няпоўны 1882 г. былі прададзены 128 плугоў і 150 лемяшоў да іх, 126 кос, 32 маслабойні, 25 акучнікаў, 14 веялак, 10 сеялак, 5 жалезных барон, 5 саламарэзак, 4 малатарні і 2 конных грабель. Значным попытам карысталіся штучныя ўгнаенні: гіпс, суперфасфат і касцяная мука, якіх прадалі 1 тыс. 479 пудоў. Насення канюшыны, вікі і цімафееўкі сельскія гаспадары набылі 224 пуды. У 1882 г. сума тавараў, набытых з абодвух складоў, створаных пры МагТСГ, перавысіла 11 тыс. р. Сярод першых пакупнікоў былі і сяляне, якія набывалі галоўным чынам шведскія плугі і акучнікі, а таксама насенне канюшыны і цімафееўкі [4, с. 2–4].

У 1883 г. склад у Магілёве прадаў тавараў на суму 12 тыс. 285 р. У наступным, 1884 г., продаж са складу значна знізіўся да 7 тыс. 410 р. Далейшае пагаршэнне гандлёвай дзейнасці вымусіла МагТСГ пайсці на яго рэфармаванне. На надзвычайным пасяджэнні 7 мая 1885 г. было вырашана перадаць склад ў арэнду купцу і ўладальніку

садовай установы ў Магілёве С. Б. Язерскаму [6, с. 8]. У 1893 г. сельскагаспадарчы склад знаходзіўся ва ўласнасці С. Б. Язерскага, які быў сябрам МагТСГ [7, с. 2].

Праз адсутнасць інфарматыўных крыніц дакладна невядома, калі МагТСГ вярнулася да кіравання справамі сельскагаспадарчага склада. Зыходзячы з матэрыялаў «Обзора Могилевской губернии за 1900 год», склад знаходзіўся ў падпарадкаванні таварыства. Складам актыўна карысталіся сяляне, але ў перыяд 1905–1907 гг. гандлёвы абарот істотна знізіўся. У 1907 г. паўстала пытанне ліквідацыі запазычанасці ў памеры амаль 3 тыс. р., якая ўзнікла ад пашырэння асартыменту склада і зусім малога попыту [8, с. 92–93], [9, с. 101].

Па прыкладу Мінскага таварыства сельскай гаспадаркі ў 1908 г. склад таварыства быў перададзены Камерцыйнаму аддзелу МагТСГ. Аддзелам было пабудаванае вялікае спецыяльнае памяшканне для склада. Рэфармаванне дзейнасці склада прынесла значны эканамічны эфект ужо ў 1908 г. Толькі штучнага ўгнаення было куплена 18 вагонаў, значную частку якога набылі сяляне. За першы год існавання абароты дасягнулі 40 тыс. р. [10, с. 46], [11, с. 100].

У пачатку XX ст., апроч МагТСГ склады былі створаныя Мсціслаўскім і Рагачоўскім сельскагаспадарчымі таварыствамі. З дазволу губернатара Мсціслаўскае СГТ адкрыла філіялы склада ў 9 з 10 валасцей павета, а агульны абарот у 1900 г. дасягаў 5 тыс. р. У 1911 г. пасля з'яўлення выбарнага земства Рагачоўскае СГТ перадала склад мясцовай павятовай управе [8, с. 92–93], [12, с. 86], [13, с. 13–14]. У 1910 г. у губерні існавалі склады пры Магілёўскім і Сенненскім сельскагаспадарчых таварыствах і Смалянскім земляробчым гуртку [14, с. 6–7]. У 1911 г. Камерцыйным аддзелам пры Быхаўскім таварыстве сельскай гаспадаркі быў створаны склад. Пачынаючы дзейнасць з капіталу ў 3 тыс. 775 р., яго абароты ў 1913 г. дасягнулі 29 тыс. 693 р. [15, с. 29].

Па звестках «Памятной книжки... на 1913 год» у Магілёўскай губерні налічвалася 17 сельскагаспадарчых складоў. Асаблівасцю іх размяшчэння было тое, што яны амаль усе знаходзіліся ў павятовых цэнтрах, праз якія праходзілі чыгуначныя шляхі. У Аршанскім павеце было 5, Гомельскім і Магілёўскім па 3, Быхаўскім і Рагачоўскім па 1 складу. У Клімавіцкім, Мсціслаўскім, Сенненскім, Чавускім і Чэрыкаўскім паветах, дзе адсутнічала чыгунка, не было і складоў. Адзіным выключэннем з гэтага правіла была наяўнасць 4 складоў у Горках, што можна растлумачыць значэннем гэтага павятовага горада як буйнога цэнтра сельскагаспадарчай адукацыі. Уладальнікамі абсалютнай большасці сельскагаспадарчых складоў былі яўрэі. Толькі 3 сельскагаспадарчыя таварыствы, 2 павятовыя земскія ўправы і вучылішча ў Горках у некаторай ступені стваралі канкурэнцыю і спрыялі паніжэнню кошту на земляробчыя прылады працы [16, с. 62].

На пачатку 1915 г. у Магілёўскай губерні колькасць сельскагаспадарчых складоў значна ўзрасла і дасягнула 42. Істотны рост колькасці складоў сведчыў аб павышэнні запатрабаванасці сельскай гаспадаркі Беларусі ў падобных установах. У адрозненні ад сітуацыі, што склалася некалькі гадамі раней, склады былі ўжо у кожным павеце губерні. Іх шчыльнасць была рознай: 10 ў Аршанскім, 7 – Магілёўскім, 6 – Горацкім, 5 – Гомельскім, 4 – Рагачоўскім, 3 – Клімавіцкім, 2 – Мсціслаўскім і Чавускім, па 1 у Быхаўскім, Сенненскім і Чэрыкаўскім паветах. Сярод уласнікаў па ранейшаму значную частку складоў (17) утрымлівалі прыватныя прадпрымальнікі – яўрэі. Больш істотную ролю ў пашырэнні сельскагаспадарчай тэхнікі і штучнага ўгнаення стала адыгрываць земства, якое валодала 9 складамі. З'явіліся 6 складоў, што былі арганізаваныя мясцовымі крэдытнымі і пазыка-ашчаднымі таварыствамі. Роля сельскагаспадарчых таварыстваў знізілася. Толькі Быхаўскае ТСГ мела асабісты склад. Створаныя камерцыйныя аддзелы пры Мінскім і Магілёўскім сельскагаспадарчых таварыствах мелі па 1 складу. Земляробчыя гурткі ўтрымлівалі 3 склады [17, с. 70–72].

Такім чынам, гандлёвая дзейнасць сельскагаспадарчых таварыстваў Магілёўскай губерні заключалася як ў дапамозе, так і непасрэдным стварэнні шэрагу сельскагаспадарчых складоў. Пачатак ХХ ст. характарызаваўся пашырэннем сеткі складоў, што былі створаны павятовымі сельскагаспадарчымі таварыствамі. У апошнія перадаенныя гады сельскагаспадарчыя таварыствы фактычна адыходзяць ад гандлёвых спраў, перадаючы іх камерцыйным установам. Тым не менш, дзейнасць сельскагаспадарчых складоў пры сельскагаспадарчых таварыствах значна паўплывала на фарміраванне рынку, асабліва ў другой палове ХІХ ст. Іх функцыянаванне значна паспрыяла павышэнню канкурэнцыі, што ў сваю чаргу прыводзіла да зніжэння цаны, павышэння якасці і асартыменту ў іншых гандлёвых установах. Гэта ў канчатковым выніку спрыяла тэхнічнаму пераабсталяванню як памешчыцкіх, так і сялянскіх гаспадарак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 398. – Оп. 41. – Д. 13488.
2. Протокол 3-го очередного собрания Могилевского общества сельских хозяев 16, 17 и 18 января 1881 года. – Могилев на Днепре : скоропечатня Ш. А. Фридланда, [1881]. – 1123 с.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 2001. – Воп. 1. – Спр. 1178.
4. Протоколы 7-го и 8-го очередных собраний Могилевского общества сельских хозяев 17 января и 3 октября 1883 года. – Могилев на Днепре : тип. Я. Н. Подземского, [1883]. – 50 с.
5. Протоколы 5-го и 6-го очередных собраний Могилевского общества сельских хозяев 17 января и 18 октября 1882 года. – Могилев на Днепре : скоропечатня Ш. А. Фридланда, [1882]. – 17 с.
6. Major. Mohylów białoruski / Major // Kraj. – 1885. – № 28. – S. 8.
7. Протоколы заседаний общего собрания Могилевского общества сельских хозяев 25-го, 26-го февраля 1893 г. – Могилев : типо-лит. Я. Н. Подземского, [1893]. – 8 с.
8. Обзор Могилевской губернии за 1900 год. – Могилев : тип. губ. правл., 1901. – 106, [48] с.
9. Обзор Могилевской губернии за 1907 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету. – Могилев : тип. губерн. правления, 1908. – 106, 156 с.
10. Землевладелец. Несколько слов о Могилевском сельскохозяйственном обществе / Землевладелец // Вестн. Могилев. земства. – 1914. – № 1–2. – С. 45–48.
11. Обзор Могилевской губернии за 1908 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету. – Могилев : губерн. тип., 1909. – VI, 111, 164 с.
12. Лялин, А. Обзор деятельности уездных земств Могилевской губернии в 1913 году / А. Лялин // Вестн. Могилев. земства. – 1914. – № 15. – С. 83–89.
13. Труды Мстиславского общества сельского хозяйства в 1895 г. – Могилев : губерн. тип., 1897. – 34, LV с.
14. Обзор Могилевской губернии за 1910 г. Изд. Могилев. губ. стат. ком. – Могилев : губерн. тип., 1911. – VI, 107, 161 с.
15. Быховское общество сельского хозяйства // Вестн. Могилев. земства. – 1915. – № 10. – С. 28–30.
16. Памятная книжка Могилевской губернии на 1913 год / Изд. Могилев. губерн. стат. ком. – Могилев : губерн. тип., 1913. – [2], VIII, [1], IX–XXXI, [21], 275, 175 с.
17. Памятная книжка Могилевской губернии на 1915 год / Изд. Могилев. губерн. стат. ком. – Могилев : губерн. тип., 1915. – XIV, 270, 195 с.

УДК 374.32

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА 2017–2020 ГОДОВ (ПОЛИТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А. В. Гавриков

*Государственное научное учреждение «Институт социологии
НАН Беларуси», г. Минск*

Рассмотрен вопрос электорального участия и доверия граждан в период электорального цикла 2016–2020 гг. На основе количественных данных показан рост политической активности населения и трансформация политического участия в республике в 2016–2020 гг.

Реальная практика реформирования постсоветских и постсоциалистических государств наглядно продемонстрировала, что простой «выход» за пределы «устаревших» политических норм для того, чтобы стать такими же, как развитые демократии, весьма сложен и находится по многим позициям в состоянии политического антагонизма в постсоветских странах. Как заметили белорусские социологи В. В. Кириенко и В. В. Клейман, «в результате наступает такое несоответствие между предполагаемыми социальными целями и полученными результатами. В таком случае не отдельный человек, а общество в целом вынуждено жить в двух мирах: в одном – «правильном», но нереальном, и во втором – «неправильном», но реальном» [1, с. 102].

Уровень политического участия населения в традиционном политическом поле Республики Беларусь между избирательными кампаниями в 2015–2019 гг., несмотря на некоторые всплески гиперактивности части населения, был на уровне 3–5 %, что в соответствии с концепцией английского социолога Г. Бэнга (использующейся зарубежными социологами для замера политической активности населения) для страны с населением 8–10 млн является невысоким. Согласно последним социологическим данным ИАЦ при Администрации Президента Республики Беларусь, касающихся исследования социально-политических институтов и политического участия (выборка – 1314 респондентов), уровень доверия политическим институтам был достаточно высок, однако практически никак не был проявлен в реальном участии населения в деятельности этих институтов, которые, как показали последующие события, не имели практически никакого влияния на политические изменения в национальном масштабе. В 2017 г:

– 47 % респондентов выразило доверие политическим партиям (поддерживающим правительство);

– 10 % – оппозиционным партиям;

– профсоюзам, входящим в ФПБ – 51 %, и не входящим в ФПБ – 20 %;

– БРСМ – 50,5 % и РОО «Белая Русь» – 34 % [2, с. 58].

По данным ИАЦ при Администрации Президента Республики Беларусь (выборка – 1414 человек) в 2017 г. респондентами были поддержаны следующие не согласованные с властью акции прямого действия протеста (рис. 1):

**Акции прямого действия,
подтвержденные респондентами в 2017 г.**

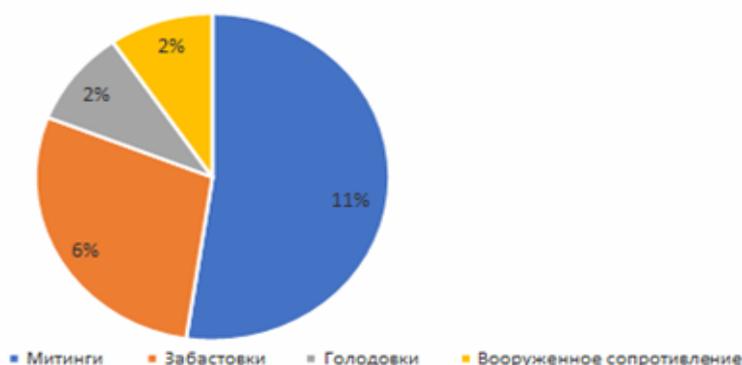

Рис. 1

Исследуя несанкционированные публичные мероприятия февраля–марта 2017 г., направленные против Декрета Президента Республики Беларусь № 3 «О предупреждении социального иждивенчества», выборочная совокупность 2500 респондентов (1500 – весенний замер и 1000 – осенний) из 94 населенных пунктов. Ошибка репрезентативности – 2,2 % весной и 2,55 % осенью, показатель недостижимости составил 19 %. В таблице представлены следующие данные, которые приводит ЦСПИ БГУ.

Распределение ответов на вопрос: «Как вы относитесь к акциям протеста, которые проходили в городах Беларуси в марте 2017 г.?», % [3, с. 36]

Переменная	Процент
Положительно	12,0
Скорее положительно	22,4
Скорее отрицательно	17,5
Отрицательно	27,0
Безразлично	18,3
Нет ответа	2,8

Такой разброс мнений показывал потенциальный рост поддержки акций прямого действия в дальнейшем, минуя участие в институциональной политической борьбе (в политических партиях, общественных объединениях, организациях), что нашло свое отражение в событиях после 9 августа 2020 г. в массовых акциях протеста.

Политическое поле страны 2017–2019 г. находилось в состоянии умеренной стабильности, в которой никакого внимания не привлекли к себе выборы в местные советы депутатов 2018 г. В такой ситуации в 2019 г. главным политическим событием являлись парламентские выборы. По данным мониторинга 2019 г. Институтом социологии НАН Беларуси (выборка – 1188 человек): 34 % респондентов считали эти выборы важным или скорее важным событием в стране, в то время как 42 % не считали данное событие важным [4], что показывает приоритет президентских выборов как главного политического события 2017–2020 гг., которому уделяло наибольшее внимание население, и каких-либо политических изменений в трансформацию политического поля парламентская кампания не привнесла. Подтверждением того, что граждане Белару-

си уделяли больше внимания президентской кампании, является то, что большинство респондентов по социологическим исследованиям ГНУ «Институт социологии Беларуси» 2019 г. не знали своего депутата (93 %) и 89 % населения не может оценить его работу, что вызывает высокий уровень неопределенности политического поведения: 89 % респондентов не смогли ответить на вопрос, будут ли они голосовать за действующего депутата в предстоящей парламентской кампании [4].

В апреле 2020 г. по данным ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» ситуация в стране оценивалась респондентами как: напряженная – 12,9 % и скорее напряженная, в то время как стабильную или скорее стабильную ее характеризовало 30 % респондентов [5].

Электоральное ожидание от избирательной кампании было весьма скептически: ожидалось, что она существенно или скорее улучшит ситуацию в стране 6,6 и 22,7 % ожидало скорее ее ухудшения или существенного ухудшения и 47 % респондентов не могло ответить на этот вопрос. На фоне такой политической обстановки 53 % ощущало или скорее ощущало социальную напряженность в стране [5].

Уже в мае 2020 г. в Беларуси начались в связи с президентской кампанией акции протеста. По данным ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» отрицательно к досрочным выборам относились 23,9 % и безразлично 25,2 %, в то время как положительно 15,4 % и скорее положительно 7,2 % [5].

С 9 августа 2020 г. ситуация в стране характеризуется как политически не устойчивая. Впервые за долгое время политические вопросы в ответах респондентов преобладают над экономическими, социальными, культурными и др. Вопрос личной безопасности себя и близких волнует 39,2 %, внешняя угроза целостности Республики Беларусь – 23,7 %, применение непропорционально жестких мер в отношении митингующих и задержанных – 40,4 %, разделение общества на своих и чужих – 34,7 %, в то время как эпидемиологическая ситуация в стране волнует 30,2 %, угроза потери работы – 8,8 %, характер взаимоотношений в семье – 7,9 % [6].

Несмотря на то, что доминирующее количество респондентов не допускало участия в акциях прямого действия, 10,2 % были готовы участвовать в санкционированных властью демонстрациях и митингах, не допускало 75,6 и 14,1 % не могло ответить. Результат в значительной степени не оправдал социологические ожидания – чему могут быть подтверждением события 16–25 августа 2020 г. [6].

В несанкционированных акциях прямого действия свое участие допускало лишь 3,8 и 84 % не допускали свое участие в несанкционированных акциях, при этом в апреле 2020 г. 34 % респондентов ответили, что не интересуются политикой [6].

Последние события показывают, что сегодня Беларусь находится в сложной поствыборной ситуации, требующей безотлагательной реализации мер по разработке и реализации политической и социально-экономической стратегии, способной дать мощный импульс развитию общества и государства. Все большее количество граждан начинает осознавать, что без серьезных экономических и политических реформ государство вряд ли выйдет на траекторию устойчивого экономического и политического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириенко, В. В. Стратегии протестного поведения жителей Гомельской области / В. В. Кириенко, В. В. Клейман // Традиции и перспективы развития белорусской социологии: к 30-летию Института социологии НАН Беларуси : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 5–6 нояб. 2020 г. / НАН Беларуси, Ин-т социологии ; ред. кол. : Д. К. Безнюк (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Медисонт, 2020. – С. 102–104.
2. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2017 г. / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск, 2018. – 119 с.

3. Современное белорусское общество: социологическое прочтение. БГУ в Государственной программе научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества на 2016–2020 гг. / А. Н. Данилов [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. – Минск : БГУ, 2018. – 111 с.
4. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за 2019 г. / Материалы респ. мониторингов (2018, 2019 гг.).
5. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за 2020 г. / Материалы респ. мониторингов (2020 г., апрель–май).
6. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за 2020 г. / Материалы респ. мониторингов (2020 г., август–сентябрь).

УДК 271.2"19"(476)

ГОМЕЛЬСКИЙ ПРОТОИЕРЕЙ ПЕТР РЫЛЛО (1884–1937) КАК СВИДЕТЕЛЬ ЭПОХИ

И. А. Грищенко

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Представлены сведения об обретенной рукописи гомельского протоиерея Петра Рылло, которая проанализирована как исторический источник. Записки священника охватывают период с начала XX в. до середины 1920-х гг.

Обнаруженные в 2016 г. дневниковые записи гомельского священника Петра Рылло (1884–1937) являются ценным историческим источником, а их обретение – редкой удачей. Рукопись датирована 1932 г. Петр Кузьмич Рылло в 1920-е гг. был настоятелем Никольской (Полесской) церкви. Его записки охватывают период с начала XX в. до середины 1920-х гг. Значительную их часть составляют воспоминания о событиях Первой мировой войны. Отдельные страницы были посвящены проблеме обновленческого раскола 1920-х гг. в Русской Православной Церкви. Такого рода источники имеют свою специфику. Как правило, это эмоционально окрашенная подача исторических событий, субъективная их оценка (если вообще можно говорить об объективности в оценке истории). Анализируя такие документы, следует учитывать личность автора и обстоятельства, при которых велся дневник.

Эту рукопись Петр Рылло завещал своим шестерым детям (две дочери и четверо сыновей). Причин для записи воспоминаний было несколько. Во-первых, священник отдавал себе отчет в том, на какое непростое и трагичное время пришлось его пастырское служение и как могла закончиться его жизнь. Во-вторых, личной драмой его жизни стали непростые отношения с супругой, которые побудили Петра Кузьмича обратиться к детям, попытавшись если не реабилитироваться в их глазах, то хотя бы прояснить свою позицию в этих отношениях. Насколько тяжело переживал П. К. Рылло семейную драму, свидетельствует тот факт, что значительную часть дневника занимают его воспоминания о Первой мировой войне, и не только по причине эпохальности этого исторического события. Время пастырского служения в качестве полкового священника им самим было определено, как самое счастливое (!). Имелся в виду душевный подъем, духовный настрой, позволившие священнику почувствовать свою причастность к мировой истории. Трудности семейной жизни оказались для П. К. Рылло психологически более тяжким бременем, чем тяготы армейского быта. Служение на передовой, в прифронтовой полосе, в лазарете наполняло его жизнь смыслом.

Петр Кузьмич Рылло – потомственный священник, его отец служил в Могилеве и Могилевском уезде. По окончании в 1909 г. Могилевской духовной семинарии он принял священнический сан и получил назначение в Холмскую епархию [1, л. 1–4]. В годы

Первой мировой войны Петр Рылло служил полковым священником Российской Императорской армии. За проявленное мужество в прифронтовой полосе, еще до начала службы в армии, он был награжден орденом св. Владимира. В воспоминаниях священника показана изнанка войны: мародерство, глумление над святынями, жестокость по отношению к военнопленным и беженцам, подлость и предательство имели место по обе стороны фронта. И, напротив, многие эпизоды, описанные гомельским священником, подтверждают известную истину: такие человеческие качества, как милосердие, благородство души не зависят ни от национальной, ни от конфессиональной принадлежности. Война застала Петра Рылло на Холмщине. Во время боев на русско-австрийской границе священнику приходилось спасать мирных жителей от грабежей и насилия со стороны как австрийских, так и русских солдат. По признанию священника, никогда он не чувствовал такой теплой молитвы, как во время праздника Покрова в Богородицком храме Кржешова под артобстрелом австрийцев. Впрочем, обостренное религиозное чувство нередко соседствовало с ожесточением людей, толкавшим их на святотатство, как, например, надругательство над Святым Крестом, который австрийцы (все-таки христиане!) поместили в нужник.

Петр Рылло неоднократно подавал прошение о командировании его на фронт. В октябре 1915 г. в Гомеле священник получил от протопресвитера Георгия Шавельского назначение в 14-й стреловой полк генерала В. И. Гурко, который входил в 4-ю стрелковую железную дивизию под командованием генерала А. И. Деникина. Будучи полковым священником, Петр Рылло испытал все тяготы окопной войны: отпевал, совершал молебны под обстрелом вражеской артиллерии, подносил патроны, помогал в лазарете врачам и санитарам.

В 1920-е гг. Петр Рылло служил в Никольской (Полесской) церкви г. Гомеля. В 1922–1924 гг. он пребывал в обновленческом расколе. Из дела о закрытии военной Георгиевской церкви в Гомеле известно, что в 1923 г. протоиерей Петр Рылло был уполномоченным ВЦУ (обновленческое Высшее Церковное Управление) по Гомельской епархии [2, л. 42]. Обновленческое церковное движение 1920-х гг. – спецоперация, организованная ВЧК-ОГПУ с целью подрыва Русской Православной Церкви изнутри. При оценке обновленчества следует учитывать, что в его рядах были и рядовые священники, далекие от политики, и карьеристы, и идейные модернисты. В Гомеле подавляющее большинство священнослужителей поддержали обновленческий Синод. Но после освобождения патриарха Тихона многие вернулись в Патриаршую Церковь. Немаловажную роль в процессе восстановления церковного единства сыграла позиция мирян. В середине 1920-х гг. гомельский обновленческий уполномоченный в донесении отмечал: «Обновленческое духовенство должно выдавать себя староцерковниками, чтобы не встретить оппозиции со стороны прихожан» [3, с. 93]. На запрос духовенства Стародубского уезда, находившегося на распутье и не определившегося в отношении обновленчества, протоиерей Петр Рылло летом 1924 г. сообщал, что все гомельские священники отказались подчиняться обновленческому Синоду и присоединяются к Патриаршей Церкви [4, л. 173].

Осенью 1924 г. настоятель Никольской (Полесской) церкви г. Гомеля Петр Рылло от себя лично и от имени прихожан послал телеграмму Святейшему Патриарху с просьбой принять их в молитвенно-каноническое общение. Таким образом, протоиерей Петр Рылло в своем возвращении под патриарший омофор обошел посредничество авторитетных гомельских священников. У Петра Рылло несчастливо сложилась семейная жизнь. Жена неоднократно писала на своего мужа-священника доносы, в том числе и на имя епископа Тихона (Шарапова), прибывшего в Гомель для борьбы с обновленчеством. Архиерей, не разобравшись в сути конфликта супругов, протоиерея Петра Рылло на время запретил в служении. П.К. Рылло неоднозначно оценивал действия

епископа Тихона (Шарапова), называя его «жестоким монахом». Честь священника была восстановлена благодаря прихожанам Никольской церкви и компромиссу: Петр Рылло должен был публично покаяться на второй день Пасхи 1925 г., что тот воспринял болезненно [1, л. 72–76].

В начале 1929 г. над Полесской церковью нависла угроза закрытия. Группа верующих посетила обновленческого «епископа» Досифея (Степанова), изъявив «желание войти в его ведение, т. е. признать себя обновленцами, лишь бы спасти церковь от закрытия». Досифей (Степанов) ходатайствовал перед гомельскими властями о приостановке закрытия церкви и передаче ее в его ведение. Какую позицию занял тогда настоятель церкви Петр Рылло, – не ясно. На документе красным карандашом стоит резолюция «Отказать», а на обороте тем же карандашом фамилия настоятеля «Рылло» [5, л. 3–3 об.]. Процесс закрытия Полесской церкви сопровождался осадой церковной территории. При строительстве здания для Западных железных дорог в июле 1929 г. затронули церковный двор. Были уничтожены плодовые деревья, поломана ограда, строительные материалы складывались вокруг церкви [5, л. 83]. На жалобы верующих власти не реагировали, так как участь церкви была уже решена. После закрытия Полесской церкви протоиерей Петр Рылло служил в Преображенской церкви г. Гомеля. В августе 1937 г. он был арестован и Постановлением Особой Тройки НКВД БССР от 30 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в ночь на 1 ноября того же года [6, с. 104–105].

Последние страницы своих воспоминаний гомельский священник посвящает Брусиловскому прорыву. То, что Петр Рылло, не выдерживая хронологии повествования, с событиями 1920-х гг. опять возвращается к Первой мировой войне, свидетельствует о сильном впечатлении и потрясении от пережитого тогда. П. К. Рылло негативно оценивает революционную агитацию среди солдат. На страницах дневника он вспоминает братание с австрийцами на Пасху 1916 г. Закончилось все тем, что австрийцы нанесли удар по русским позициям, выяснив, когда будет производиться смена полков. В 1917 г. братание на фронтах приняло массовый характер и сопровождалось активным товарообменом. Не удивительно, что новость о революции в Петрограде была встречена немцами и австрийцами с радостью. Социально-экономические, политические причины революции 1917 г. – видимая поверхность айсберга. Ни один внешний фактор не способен сыграть решающую роль, если не затронут духовный код народа. А. И. Деникин приводит в своих мемуарах характерный эпизод: «Один из полков 4-й стрелковой дивизии искусно, любовно, с большим старанием построил возле позиций походную церковь. Первые недели революции... Демагог-поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм – это предрассудок. Поставил самовольно в нем роту, а в алтаре вырыл ровик для...» Генерала не удивляет, что в полку нашелся негодяй-офицер, что терроризированное начальство молчало. Его поражает другое: «Почему 2–3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни?» [7, с. 7].

Как ни парадоксально, но субъективный взгляд гомельского священника Петра Рылло на трагические события отечественной истории позволяет более объективно оценить ее некоторые страницы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дневник протоиерея Петра Рылло (рукопись 1932 г.) // Арх. Гомел. епархии.
2. Переписка с губисполкомом, уисполкомами и отделениями милиции о закрытии молитвенных домов. 1923–1925 // Гос. арх. Гомел. обл. (ГАГО). – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 30.
3. Шиленок, Дмитрий, священник. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939): («Обновленческий» раскол в Белоруссии) / священник Дмитрий Шиленок. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2006. – 217 с.

4. Информационные сводки ОГПУ. 1924 // Гос. арх. обществ. организаций Гомел. обл. (ГАООГО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2431.
5. Материалы о регистрации религиозных обществ по Гомельскому округу. 1928–1929 // ГАГО. – Ф. 161. – Оп. 1. – Д. 176.
6. Слесарев, А. В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953) : биограф. справ. / А. В. Слесарев. – Жировичи : Изд-во Минс. духов. акад., 2017. – 339 с.
7. Деникин, А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 / А. И. Деникин. – Минск : Харвест, 2003. – 464 с.

УДК 373.167.1

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ В МЕНТАЛЬНОСТИ СЛАВЯН

Л. И. Грошева, И. Л. Грошев

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова,
Российская Федерация*

И. А. Грошева

*Филиал Автономной некоммерческой организации высшего образования
«Институт деловой карьеры» в Тюменской области,
Российская Федерация*

Рассмотрена специфика социальной дистанции славянского населения относительно тюркских, иранских и африканских народов. Проанализированы особенности разграничения допустимости межличностного взаимодействия с точки зрения идентичности или дифференцированности культурного кода. Отмечены базовые различия в восприятии русскими и белорусами представителей исторически и культурно отдаленных национальных групп.

Жизнь в условиях пандемии претерпела ряд существенных изменений, которые так или иначе характеризовались наличием ограничений в сфере мобильности, коммуникаций, реализации трудовых и досуговых интересов. В разрезе межнационального взаимодействия свою роль сыграло превалирование интернет-коммуникаций и информирования, которое в большинстве случаев выступило в качестве единственного диверсифицированного источника информации.

Проблема интернет-пространства в сфере формирования конструктивной системы межнационального сотрудничества заключается в ряде негативных тенденций, характеризующих риски развития мультикультурного общества.

1. Сообщения, касающиеся описания этнических групп, зачастую не характеризуются комплексным подходом и представляют собой дискретные признаки или отличительные черты, которые не всегда понятны читателю вне контекста (обряды кражи невесты и прочее). Данный факт стимулирует сторонних читателей составлять представление о народах на основе сегментированных данных и конструировать стереотипическое представление о качестве и характере культурного кода.

2. Сообщения политической направленности, касающиеся военных конфликтов и противостояний, склонны соотносить преступность или терроризм с представителями определенных национальных групп, проживающих на описываемой территории (курды, афганцы и т. д.). Ввиду интенсификации внимания к отдельным группам негативная коннотация текстов логически распространяется на всех представителей этноса вне зависимости от места их проживания и профессиональной деятельности.

3. Этнические сообщества открытого типа, использующие исключительно национальный язык без соответствующего перевода на общедоступную лексику, оказывают интеграционное воздействие внутри группы, однако в ряде ситуаций их материалы интерпретируются в массовых сообществах искаженно и в ряде случаев служат источником межнациональных конфликтов в информационном поле. В большинстве случаев подобная ситуация обусловлена техническими ошибками перевода, однако гипотетически возможно намеренное конструирование смыслов, коррелирующих с установками заинтересованных субъектов [2, с. 170].

Необходимость противодействия возможному манипулированию обусловлена постоянным развитием средств информационного обмена, что несет в себе не только положительный потенциал для взаимного ознакомления культур, но и угрозу роста националистических настроений как среди мигрантов, так и в сообществе коренных групп населения.

Отмеченные проблемы зачастую усугубляются наличием конкретных установок у национальных групп, соответствующих их представлениям о собственном народе и «иных» представителях. Если представления доминируют над реальной оценкой конкретных индивидов, то результатом данного явления станет формирование устойчивых стереотипов, на борьбу с которыми должна быть направлена одна из управленческих функций руководителя.

Национальный (этнический) стереотип в большинстве случаев представлен обобщенным образом собственной и «чужой» этнической общности и включает в себя упрощенное знание о привычках в поведении, традициях и психологических особенностях представителей каждого конкретного народа [1, с. 849].

Основа стереотипа в отношении национальности представлена примитивным восприятием национальных специфических черт через ряд упрощенных признаков, которые, как правило, не способны дать объективное представление о ее представителях. В отдельных случаях это приводит к тенденции усиления мотивации этнических групп активно обозначать и преувеличивать свою значимость относительно окружающих путем присвоения своей группе абсолютизированных положительных качеств, что формирует диспропорции в получении благ и реализации возможностей [3, с. 48]. Поверхностные представления о национальной специфике как собственной, так и «чужой», могут стать причиной развития этноцентризма, а при условии политизации межнациональных отношений будут являться стимулом для формирования националистических настроений.

Анализ качества коммуникации между представителями национальных сообществ и внутри микрогрупп производился на основе предположения о разности в уровне доверия, построенном на наличии коммуникативного опыта, предустановок и стереотипов.

Таким образом, оценка по методике Э. Богардуса (с применением методики обработки Н. Паниной) была произведена авторами в марте–ноябре 2020 г. отдельно для каждой национальной группы из восьми отобранных для исследования ($N = 400$, по 50 представителей в каждой национальной группе: русские, белорусы, татары, казахи, киргизы, таджики, афганцы, представители Центральной Африки). В системе оценок также присутствовала и собственная национальность для определения нулевого или исходного значения идентичности, а также вероятности наличия внутренних предустановок дистанцированности.

Пилотажной группой для исследования выступила микрогруппа русских, так как получение обратной связи от испытуемых было в наибольшей мере освобождено от различных стереотипических и коммуникативных барьеров. Как пилотажная, так и непосредственная отработка инструментария показала идентичные результаты.

Относительно группы русских оправдалось ожидание наиболее приемлемого отношения к собственной группе и к представителям славянского сообщества (оценка русских и белорусов находится в категории идентичности до 2,5 балла – позиция «брат»). Это подтверждает незначительную социальную дистанцию внутри славянской группы, что вызвано как схожестью культурного кода, так и общим языком, привычками и образом жизни. В поле открытости были включены такие национальные группы как татары, казахи, киргизы (оценка в категории открытости до 5 баллов – позиция «друг»). Следует подчеркнуть, что указанные тюркские группы преимущественно исповедуют ислам, что накладывает на национальный фактор и проблемы межконфессионального взаимодействия. Национальная изолированность (позиция «чужой») характерна в отношении представителей народов Африки, что, однако, говорит о наличии относительного принятия значительно отличающейся культуры. Крайняя степень враждебности, выражающаяся в склонности к ксенофобии у русских представителей, проявляется по отношению к афганскому населению, что может быть вызвано военной спецификой публикуемых сообщений об афганском сообществе и историческим опытом взаимодействия.

Национальная группа белорусов также продемонстрировала восприятие русского населения как идентичного собственным представителям (показатель до 2,5). Данные показатели в том числе коррелируют со стереотипическими установками «братских» народов у обеих национальных групп. Однако следует отметить, что их уровень открытости ниже соответствующего показателя у группы русских (оценка русских в восприятии белорусов составила 2,1 балла, в то время как русские отметили белорусов как более желательных представителей – 1,8 балла). Подобная разница в целом незначительная, однако она предполагает более закрытый уровень коммуникаций в среде белорусских представителей.

В группу открытости 2,5–5 баллов были отнесены татары и казахи, которые рассматриваются с позиции «друга» и в целом воспринимаются положительно как в ходе общения, так и в процессе совместного выполнения задач. В то же время в диапазон потенциальных врагов белорусы отнесли значительную часть исследуемых представителей. Если киргизы и представители Африки в представлении опрошенной группы могут выступать в качестве соседей по государству, но на условиях национальной изолированности, то таджики и афганцы рассматриваются как более реальная угроза, что послужило причиной наибольшего уровня дистанцированности. Граждане Афганистана попадают в категорию крайней ксенофобии, что должно быть учтено при формировании многонациональных коллективов.

Исследование показало, что в среднем славянские группы характеризуются высоким уровнем принятия национальных групп, которые ввиду исторических условий находились в достаточно тесном контакте в различных сферах деятельности. Среди русских представителей высок уровень принятия коренных групп в региональном разрезе государства, в то время как белорусы также наиболее положительно нацелены на национальности, сотрудничество с которыми характеризуется устойчивыми показателями. Мультикультурный состав России оказал влияние на качество социальной дистанции его населения. По этой причине русские проявляют больший уровень доверия к тюркским группам, однако в то же время ввиду миграционных особенностей настороженно рассматривают представителей иранских сообществ. Негативные установки относительно представителей Афганистана в целом обусловлены военным опытом взаимодействия, которое раскрывается в рамках изучения истории в учебных заведениях. Однако в большей мере стереотипические представления основаны на особенностях трансляции образа посредством современных СМИ. В рамках дополнительных вопросов шкалы афганское сообщество у русских и белорусов ассоциируется с военными

действиями, терроризмом и транспортировкой наркотических веществ, что по мнению респондентов чаще всего упоминается в новостных сводках.

Несмотря на преимущественно конструктивные результаты оценки социальной дистанции, было диагностировано наличие ряда стереотипических установок, которые нуждаются в системной коррекции. Институционализация информирования, сотрудничество с национальными сообществами, а также противодействие распространению неверифицированных данных являются основными задачами системы гражданского контроля, построенного на взаимной поддержке населения и специализированных государственных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васин, С. М. Особенности адаптации персонала многонациональной организации / С. М. Васин, Ю. Е. Прохорова // КЭ. – 2017. – № 8. – С. 847–853.
2. Иванов, В. В. Гармонизация межнационального общения как фактор стабилизации регионального социума на Северном Кавказе / В. В. Иванов // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 8 (50). – С. 169–171.
3. Степанова, Е. А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа / Е. А. Степанова. – М. : Права человека, 2001. – 272 с.

УДК 94(476.2)«1943–1945»:343.35

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ БССР 1943–1945 ГОДОВ: «ПАРТИЗАНСКИЙ ВЕКТОР»

С. А. Елизаров

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Раскрываются вопросы кадрового обеспечения местных органов советской государственной власти на освобожденных от нацистской оккупации белорусских территориях. Отмечается, что в условиях дефицита управленцев главным источником руководящих кадров были бывшие партизаны, не имевшие необходимого опыта управленческой работы в мирных условиях. По мере прибытия из частей Красной Армии и тыловых районов СССР руководителей с довоенным опытом только небольшая часть партизанских кадров сохранила свои должности.

По мере освобождения от нацистской оккупации на белорусских землях возродалась партийно-государственная властная вертикаль в ее довоенном виде. Прежде всего необходимо было решить кадровую проблему – подобрать работников на основные руководящие должности районного и областного звеньев: председателей, их заместителей, секретарей, заведующих отделами исполкомов.

За годы войны в составе группы управленцев областного и районного уровней прошли значительные изменения, ограничившие возможности их использования на прежних должностях после освобождения Беларуси: из 39 довоенных председателей облисполкомов и их заместителей 11 ушли в Красную Армию, 3 – выполняли спецзадания в тылу врага, 15 находились в распоряжении ЦК КП(б)Б, 7 работало в восточных областях СССР, 3 – погибли. Из 223 председателей городских и районных исполкомов 70 ушли в Красную Армию, 43 выполняли спецзадания в тылу противника, 39 находились в резерве ЦК КП(б)Б, 20 работало в восточных областях СССР, 12 погибло, 30 пропало без вести [1, л. 17].

На начало 1945 г. из требуемых по штатам 1225 руководящих советских работников реально имелось 991. Оставались не занятыми должности семи председателей райисполкомов и 176 их заместителей, 56 председателей районных плановых комиссий и т. д. Большинство этих вакансий было в восточных областях республики [1, л. 17].

В западных же регионах ситуация выглядела гораздо лучше – здесь партийные и советские органы были укомплектованы практически полностью. Эти регионы, где процессы советизации до начала Великой Отечественной войны только начались и где были сильно развиты не только антисоветские настроения, но и активность антисоветских вооруженных формирований различного направления (от бывших коллаборантов до отрядов Армии Краевой), прежде всего вызывали беспокойство партийно-советского руководства, и именно сюда в первую очередь направлялись имевшиеся в наличии кадры-руководители. В соответствии с решениями ЦК КП(б)Б от 31 октября 1944 г. и 26 апреля 1945 г. отделу кадров ЦК КП(б)Б поручалось отобрать и направить в районы западных областей Белорусской ССР 515 человек. В результате с октября 1944 г. по октябрь 1945 г. туда было послано 618 человек, из них на партийную работу – 418, на советскую – 200 [2, л. 88].

Осложняло подбор кадров отсутствие у большинства кандидатов на руководящие должности опыта мирной работы на управленческих должностях. Из назначенных к началу 1945 г. председателей районных и городских исполкомов 82 % заняли эту должность впервые, еще 12,6 % имели лишь стаж работы до 2 лет [1, л. 17–18].

К активной работе по подбору кадров местных руководителей БССР приступили с началом освобождения белорусской территории в 1943 г. Прежде всего ориентировались на руководящий состав подпольных организаций, командно-политический состав партизанских отрядов и бригад, а также возвращение из тыловых районов СССР местных руководящих работников.

В первые месяцы главным источником пополнения состава районных и городских исполкомов стали бывшие партизаны и подпольщики. За все время освобождения Беларуси (с осень 1943 г. по август 1944 г.) по данным отдела кадров ЦК КП(б)Б с частями Красной Армии соединились 187 партизанских бригад и отдельных партизанских отрядов общей численностью около 214 тыс. человек, из них более 93 тыс. человек было направлено в Красную Армию, более 12 тыс. – в НКВД, НКГБ и погранвойска, 2219 – на руководящую областную и районную партийную, советскую и хозяйственную работу и т. д. [1, л. 4].

В результате к началу 1945 г. 76,4 % председателей городских и районных исполкомов составили бывшие партизаны. Примерно такая же ситуация была и среди председателей сельсоветов: среди них 71,2 % впервые заняли эту должность, партизаны составили 71,2 %.

Отсутствие опыта работы на партийных и государственных должностях и необходимых для гражданской работы организационных управленческих качеств руководителя советского типа были основной причиной большой текучести среди местных руководящих кадров.

В связи с дефицитом квалифицированных и опытных управленцев в 1944 г. сменяемость районных кадров руководителей была на относительно низком уровне: сменилось лишь 19 % секретарей горкомов и райкомов партии, 24,1 % председателей райисполкомов, 13,9 % председателей райпланов, 23,8 % заведующих райфинотделами, 22,9 % – райземотделами.

Но в 1945 г. ситуация изменилась – появляется возможность замены партизанских кадров работниками, демобилизованными из рядов Советской Армии или прибывшими из тыловых районов СССР и имевшими опыт партийной и советской работы в мирных условиях: за 1945 г. сменилось 37,2 % секретарей райкомов и горкомов партии, 53,1 % председателей городских и районных исполкомов, 50,9 % – райпланов, 58,5 % заведующих райземотделами, 39,0 % – райфинотделами [3, л. 30].

Наиболее сложная ситуация наблюдалась среди председателей сельсоветов: в 1945 г. их сменилось 53,7 %, при этом один раз – 39 %, два раза – 5 %, более трех

раза – 1,3 %. Из потерявших свои должности 86 % было снято как «не справившиеся с работой и по другим причинам» и только 14 % выдвинуто «на другую работу» [2, л. 19–20].

Ведущими для замены были причины, связанные с отсутствием опыта работы на партийных и государственных должностях и необходимых для гражданской работы организационных управленческих качеств: как «не справившиеся с работой» было освобождено от должностей 12,3 %, «освобождены и отозваны для более рационального использования» (что означало чаще всего перевод с административно-управленческой на хозяйственную работу) – еще 9,2 % [3, л. 33].

По статье «скомпрометировавшие себя» в 1945 г. было снято с работы 3,3 % работников районного уровня номенклатуры ЦК КП(б)Б. Ряд партийных и советских руководителей, чьи стиль и методы руководства сложились в условиях вооруженной борьбы с оккупантами, и в новых условиях продолжали использовать прежние, ставшие привычными, насильственные средства. Кроме того, часть из них не выдержала испытания мирным временем и должностями: получив большие полномочия, они почитали, что вправе самостоятельно, вне рамок закона, материально компенсировать опасности и тяготы своей прежней подпольной и партизанской деятельности. Резкой критике таких руководителей-партизан подверг на республиканском совещании работников отделов кадров партийных комитетов 16 июля 1945 г. Первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко: «У нас есть еще товарищи, которые, кичась своими заслугами, позволяют себе нарушение революционной законности, самоуправство... их не спасет ни количество орденов, ни высокое звание... Мы не будем искать способов облегчения... наказания в связи с прежними заслугами» [4, с. 3].

К тому же система прежнего довоенного жесткого контроля сверху донизу была ослаблена, в результате чего создавалась возможность «проникать на партийные и государственные посты людям явно непригодных для такой работы, а подчас и прямым ворам и жуликам, которые, пробравшись в государственный и партийный аппарат, пользуясь бесконтрольностью со стороны партийных органов, имеют возможность воровать там» (Н. Е. Авхимович, секретарь ЦК КП(б)Б) [3, л. 22].

В отчетах отдела кадров ЦК КП(б)Б содержится немало примеров нарушений законности районными руководителями: «...грубый произвол и издевательства над населением», «грубое извращение устава сельскохозяйственной артели», «нарушение советских законов и зажим критики и самокритики», «недостойное поведение в быту», «присвоение трофейных коров», «неправильное проведение хлебозаготовок под силой оружия и избиения крестьян и систематическое пьянство», «самоснабжение, присвоение государственных ценностей, трофейного имущества и спекуляцию» и т. п. «Примерами» в этом чаще всего служили секретари райкомов и горкомов партии, за которыми следовали и советские руководители. За 1945 г. (из известного автору) только решениями ЦК КП(б)Б за подобного рода нарушения были сняты с занимаемых должностей, привлечены к партийной и уголовной ответственности партийные и советские руководители 10 районов.

Таким образом, в период освобождения территории Беларуси от нацистской оккупации существовали объективные сложности при формировании кадрового состава местной вертикали власти и управления. Большинство прежних руководителей оказалось вне пределов Беларуси (в частях Красной Армии, в тыловых районах СССР) и объективно реальным кадровым источником в первое время после освобождения белорусской территории от нацистской оккупации оказались партизаны и подпольщики, доказавшие своим участием в борьбе с оккупантами преданность идеалам социалистической Родины. Они сделали многое для решения первоочередных задач жизнеобеспечения населения, восстановления производственной и социальной сфер. Вместе с тем большинство из них не имело необходимого управленческого опыта и организацион-

ных навыков работы в государственных органах власти и управления. По оценке работников отдела кадров ЦК КП(б)Б, из подобранных из числа партизан председателей районных и городских исполкомов в 1943–1944 гг. лишь 36,2 % работали «не плохо» [2, л. 17]. Часть новых руководителей использовали свое новое служебное положение в корыстных целях. Испытание мирным временем прошли далеко не все, кто показал себя с лучшей стороны в период борьбы с оккупантами. Те качества, которые были востребованы в ситуации вооруженной борьбы с врагом (решительность, бескомпромиссность, готовность жертвовать и своей жизнью, и жизнью других ради достижения победы), вступали в противоречие с необходимостью действовать в рамках существовавшего советского законодательства, руководить убеждением и умением, а не ставшими привычными приказом и принуждением. По мере прибытия из частей Красной Армии и тыловых районов СССР людей с довоенным опытом руководящей работы в органах государственной власти и управления только меньшая часть партизанских кадров сохраняла свои должности, основная же их часть заменялась и переводилась на другие участки работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 41. – Д. 303.
2. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 41. – Д. 395.
3. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 41. – Д. 302.
4. О работе отделов кадров партийных органов. – Минск : Госизд-во БССР, 1945. – 108 с.

УДК 94(430):27(470)

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И НЕМЕЦКИЙ НАЦИЗМ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ВОЗМОЖНОСТЬ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

А. П. Елопов

*Учреждение образования «Белорусский государственный
университет транспорта», г. Гомель*

Статья содержит принципиальную оценку политики нацистской Германии по отношению к Русской православной церкви. Автор утверждает, что надежды части православных верующих СССР на возрождение церковной жизни под властью немецких оккупантов имели призрачный характер. Нацистская идеология была враждебна русскому православию не менее, а даже более советского коммунизма, поскольку радикально отрицала христианскую систему ценностей и обосновывала уничтожение народов, духовно окормляемых РПЦ.

Русская православная церковь (РПЦ) внесла весомый вклад в победу советского народа над немецко-фашистскими захватчиками и на современном этапе проводит большую работу по сохранению памяти о Великой Отечественной войне. Но именно верность исторической правде не позволяет нам забыть о том, что часть православного духовенства и активных мирян в 1941 г. приветствовала гитлеровское нашествие на СССР. На что надеялись эти люди, и насколько оправданными были их надежды?

Довоенная политика советского государства (насильственная коллективизация, массовые репрессии и т. д.) оставляла после себя слишком много обид, разочарований и жажды мщения. По наблюдению отечественного историка, «самым характерным для населения Беларуси 1930-х являлось ожидание войны, разговоры о которой велись постоянно: крестьяне сначала ждали прихода поляков, потом немцев и японцев и даже англичан» [6, с. 117], считая, что в условиях военного времени непопулярные порядки (колхозы и др.) будут отменены.

Особое недовольство верующих (а к ним, согласно общесоюзной переписи населения 1937 г., относилось не менее половины советских граждан) вызывали гонения на религию, в частности, на православие. По подсчетам Комиссии по реабилитации Московской Патриархии, к 1941 г. в СССР за веру было репрессировано 350 тыс. православных христиан (в том числе не менее 140 тыс. священнослужителей) [8, с. 93]. Во многих областях огромной страны, в том числе на территории БССР (без Западной Белоруссии) накануне Великой Отечественной войны не осталось ни одного легально действующего православного храма.

Начавшаяся война полностью развеяла иллюзию торжества атеизма в советском обществе. Произошел настоящий взрыв религиозных чувств в народе. Особенно очевидным это было на оккупированной территории СССР, где верующие всего за три года в условиях голода и разрухи восстановили более 40 % от дореволюционного количества церквей [8, с. 182]. Во вновь открытых храмах совершалось порой по несколько тысяч крещений и венчаний в течение недели; после долгого перерыва стало возможным невозбранное преподавание Закона Божия детям и взрослым. Что касается оккупационных властей, то в большинстве случаев они к происходящему относились нейтрально, а в некоторых – даже демонстрировали свое одобрение.

С учетом таких настроений и обстоятельств неудивительно, что среди православных христиан нашлись те, кто поспешил увидеть в начале реализации «Барбароссы» милость Божью по отношению к народам СССР. Один из них, архимандрит Иоанн (Шаховской), в будущем известный духовный писатель, в июне 1941 г. опубликовал статью со следующими словами: «Промысл избавляет русских людей от новой гражданской войны, призывая иноземные силы исполнить свое предназначение. Право на операцию свержения III Интернационала поручается искусному и опытному в науке своей германскому хирургу. Лечь под его хирургический нож тому, кто болен, не зазорно...» [2, с. 101].

Впрочем, число подобных заявлений со стороны православного духовенства, находящегося во владениях Третьего Рейха, было не так уж и велико. Сам Иоанн (Шаховской) кроме процитированной статьи ничего более в поддержку германского оружия не написал. И дело здесь не столько в том, что поход немецких войск на восток к концу осени 1941 г. утратил свой триумфальный характер, сколько в том, что постепенно обнажилась антихристианская и людоедская сущность нацизма.

Уже после войны широкой общественности стали известны многочисленные высказывания А. Гитлера, полные презрения к христианству. Так, например, нацистский вождь считал Священное Писание христиан сплошным шарлатанством. Он говорил, что те «...набожные люди, которые <...> прибегают к помощи Библии, делаются умственно неполноценными. Ведь они вынуждены вносить в эту еврейскую дребедень некий смысл, которого там вообще нет» [3, с. 346]. Христианские ценности равенства и братства, всепрощения и сострадания рассматривались Гитлером в качестве «псевдобольшевизма», не менее опасного для европейской культуры, чем настоящий большевизм Ленина и Сталина.

Считаясь до известной степени с консерватизмом немецкого общества, Гитлер высказывал столь шокирующие идеи лишь в узком кругу своих приближенных. Официально нацистская партия стояла на позиции «позитивного христианства», в котором, однако, ничто не напоминало Евангелие Христово. Гитлеровский министр по делам церкви Ганс Керрль провозглашал: «Национал-социализм – это волеизъявление господа бога, воля бога воплощается в немецкой крови. Истинным олицетворением христианства является партия, а партия – и в первую очередь фюрер – призывает немецкий народ поддержать истинное христианство. Фюрер – выразитель новой божественной воли» [4, с. 304].

Наряду с атеистами (к ним, скорее всего, принадлежал сам Гитлер и совершенно точно – влиятельный секретарь фюрера М. Борман) и искренними сторонниками «немецкого христианства» (одним из них считался В. Кубе) в НСДАП имелись поклонники языческой мистики и оккультизма (например, рейхсфюрер СС Г. Гиммлер и главный нацистский идеолог А. Розенберг). Всех их объединял расизм, который «...составляет краеугольный камень нацизма точно так же как марксизм – краеугольный камень большевистского тоталитаризма» [5, с. 242]. По мнению православного богослова и священника С. Булгакова, именно благодаря своей расистской доктрине нацизм превратился в самую острую форму антихристианства за всю мировую историю. Большевики противопоставили христианской вере голое неверие и прямое насилие, а нацисты – религиозный соблазн, достойный апокалиптического «сына погибели». В Третьем Рейхе «религия расизма победно заняла место христианского универсализма» [1, с. 363].

Расовая доктрина нацизма продиктовала беспощадное отношение к восточным славянам, заложенное в печально-знаменитый план «Ост». В свете данного факта становится очевидным, что все якобы дружественные жесты, допущенные немецкими оккупантами в адрес Русской православной церкви, изначально имели лицемерно-пропагандистский характер. В оперативном приказе № 10 от 16 августа 1941 г. шеф РСХА (Главного имперского управления безопасности) Р. Гейдрих указывал: «О воссоздании прежней Патриаршей Русской Церкви не может быть и речи. Особо следует следить за тем, чтобы не состоялось, прежде всего, никакого оформленного организационного слияния находящихся в стадии формирования церковных православных кругов. Расщепление на отдельные церковные группы, напротив, желательно. Равным образом не надо препятствовать развитию сектанства на советско-русском пространстве» [7, с. 184–185].

Гейдрих же издал секретную директиву от 31 октября 1941 г., где говорилось о необходимости «освободить» православие от еврейского влияния, поскольку «ясно, что заключение “избранного богом народа” в гетто и искоренение этого народа <...> не должно нарушаться духовенством, которое, исходя из установки православной церкви, проповедует, будто исцеление мира ведет свое начало от еврейства. <...> разрешение церковного вопроса в оккупированных восточных областях является чрезвычайно важной задачей... Эта задача имеет, однако, своей предпосылкой закрытие находящихся в восточных областях Церквей, зараженных еврейскими догматами» [7, с. 192].

Чем дальше шла война, тем более бесцеремонно вели себя гитлеровцы по отношению к РПЦ – поощряя деятельность раскольников, заставляя священнослужителей участвовать в своих идеологических акциях, даже пытаясь внести изменения в богослужебный и канонический строй церкви. Когда же пришла пора им отступить под ударами Красной Армии, захватчики совершенно распоясались и перестали считаться с чувствами верующих. Они грабили, оскверняли, взрывали и поджигали православные храмы. Согласно отчету Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, всего за годы войны гитлеровцы уничтожили или повредили 1670 православных церквей и 69 часовен [8, с. 146].

Конечно, и в победившем СССР положение РПЦ оставалось далеко не благополучным. Многие приходы, открывшиеся во время войны, позднее были закрыты, а на рубеже 1950–1960-х гг. антирелигиозная компания в стране достигла новых высот. И все-таки советский период отечественной истории, завершаясь, подвел нас ко Второму Крещению Руси (в терминологии современных православных авторов). В случае же победы гитлеровской Германии над Советским Союзом любая Русь, хоть Святая, хоть грешная, должна была бы исчезнуть навсегда, а христианское наследие Европы превратилось бы в никчемный мусор под ногами строителей грандиозной языческой империи. Согласиться с такой перспективой Русская православная церковь не могла, поскольку не отказывалась быть «русской» и «православной».

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков, С. Н. Расизм и христианство / С. Н. Булгаков // Тайна Израиля: «Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX – первой половины XX вв. – СПб. : София, 1993. – С. 352–405.
2. Митрофанов, Г., протоиерей. Трагедия России : «запретные» темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике / протоиерей Г. Митрофанов. – СПб. : Моби Дик, 2009. – 240 с.
3. Пикер, Г. Застольные разговоры Гитлера / Г. Пикер. – Смоленск : Русич, 1993. – 472 с.
4. Пленков, О. Ю. Третий Рейх. Арийская культура / О. Ю. Пленков. – СПб. : Нева, 2005. – 480 с.
5. Пленков, О. Ю. Третий Рейх. Социализм Гитлера / О. Ю. Пленков. – СПб. : Нева, 2004. – 480 с.
6. Романова, И. Народная молва о власти большевиков (На примере 1930-х годов) / И. Романова // Деда : дайджест публ. о белорус. истории ; сост. и науч. ред. А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2010. – С. 116–129.
7. Шкаровский, М. В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов : сб. док. / М. В. Шкаровский. – М. : Крутицкое Патриаршее подворье. Об-во любителей церков. истории, 2003. – 368 с.
8. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / М. В. Шкаровский. – М. : Крутицкое Патриаршее подворье. Об-во любителей церков. истории, 2000. – 400 с.

УДК 316.75:316.614

ПОНИМАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В СРЕДЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

Н. М. Звёздкин

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», г. Минск

Произведен социологический анализ представлений о патриотизме среди белорусской молодежи на современном этапе развития общества. Выявлено соотношение между общепринятой нормативной трактовкой содержания патриотизма и фактическим пониманием данного феномена молодым поколением, на основании чего обозначены актуальные пути развития сферы патриотического воспитания в системе государственной молодежной политики.

Патриотическая проблематика не теряет своей актуальности в различных исторических, социально-политических и экономических условиях. Обусловлено это потребностями социальных систем в поддержании собственной устойчивости и развитии. Обеспечение данных процессов во многом относится к сфере патриотизма как социального феномена.

В связи с поливариантностью представлений о сущности патриотизма существует множество подходов к определению данного явления.

Так, в философском словаре патриотизм характеризуется как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы Родины» [1, с. 358].

По мнению В. Г. Моисеенко, патриотизм представляет собой «сложную систему мировоззренческих взглядов и социальных установок, ценностных ориентаций личностей и социальных общностей, нравственных и духовных ценностей, убеждений и чувств, детерминирующих любовь к Родине и своему народу, готовность к их защите и самопожертвованию во имя их процветания» [2, с. 5].

С точки зрения М. Ю. Узгорок, патриотизм является ценностью культуры и представляет собой уникальный социальный феномен, обеспечивающий процесс самоорганизации общества в направлении сохранения своей идентичности и оптимизации прогресса [3, с. 3].

В самом общем виде структуру патриотизма можно рассматривать в составе патриотических чувств, патриотических ценностей, патриотических отношений, патриотических действий и поступков [4, с. 24].

Не вдаваясь в дискуссию о наиболее содержательных дефинициях феномена патриотизма, можно прийти к выводу, что понятие «патриотизм» неразрывно связано с моральными и социокультурными ценностями личности и социальных групп, а его социальный смысл отражен в идентификации, интеграции и мобилизации общества, что позволяет рассматривать данное явление как важнейший источник солидарности.

Таким образом, феномен патриотизма обладает выраженным ценностным измерением, в связи с чем целесообразно рассматривать его особенности посредством социологического анализа сложившейся патриотической аксиосферы в том или ином обществе.

На основании вторичного анализа данных социологических исследований, осуществленных белорусскими учеными за последние два десятка лет, можно прийти к выводу, что восприятие молодым поколением сути патриотизма преимущественно заключается в чувстве любви к месту рождения, уважении к истории родного края, осознании необходимости его защиты. В то же время довольно слабо проявляется восприятие молодежью ценностных составляющих патриотизма в его современном понимании, которое выражается в стремлении к активной личной деятельности на благо страны и общества. Необходимо отметить, что подобные выводы согласуются с результатами социологического исследования, проведенного в ноябре 2020 г. центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета. В целом, можно констатировать, что постсоветское поколение обладает достаточно специфическим восприятием патриотизма, которое по ряду направлений не совпадает с артикулированным системой образования идеалом действенной любви к Родине.

При этом именно деятельностное осмысление патриотизма является незаменимым его атрибутом. Так, по мнению Д. Е. Яковлева и Г. Ф. Шиловой, современные формы патриотизма должны обладать активно-деятельностной направленностью, преобразующей чувства и эмоции в конкретную социальную деятельность человека на благо своего Отечества [5, с. 93].

Важно отметить, что несмотря на устоявшуюся тенденцию низкого уровня востребованности активистских форм проявления патриотизма среди молодежи, ряд современных исследователей отмечают определенные тенденции постепенного возрастания глубинного внутреннего запроса современного молодого поколения на активные формы проявления гражданственности и патриотизма.

Так, с точки зрения Л. И. Щербаковой и В. И. Филоненко, одним из усиливающихся трендов патриотизма молодежи является переход общества от адаптивных к солидаристским практикам отношения к социальной реальности [6, с. 114]. Если адаптивные практики предполагают преимущественно приспособление к социальной реальности, в том числе и к негативным изменениям, то солидаристские – выражаются в совместных действиях, направленных на преобразование социальной действительности. В связи с этим можно говорить о возвращении востребованности деятельного патриотизма. В свою очередь, перевод проявлений патриотизма в плоскость постоянной жизнедеятельности, создает условия для расширения его социальной базы.

Ссылаясь на данные социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в феврале 2021 г. в рамках изучения вопросов сохранения исторической памяти и патриотизма, С. Алейникова приходит к выводам, что патриотизм современных белорусов проявляется преимущественно в привязанности к родной земле, дому, родным и близким (малой родине), а также в готовности брать на себя ответственность за достижение собственного благополучия. Согласно приведенным экс-

пертом данным, ответы респондентов на вопрос «Что для Вас значит быть патриотом?» распределились следующим образом: любовь к белорусской культуре, истории и языку – 33,7 %, готовность в трудные времена защищать Беларусь, даже рискуя собой – 31,2 %, преданность Беларуси – 29,7 %, активная деятельность на благо Беларуси – 28,9 %), знание и любовь к истории Беларуси – 25,9 %, готовность жить и работать только в Беларуси – 25,4 %, уважение к культуре народов, живущих в Беларуси – 23,8 %, уважение к государственным символам Беларуси – 17,1 %, стремление разговаривать на белорусском языке – 6,8 %, предпочтение товаров белорусского производства – 5,4 % [7]. На основании полученных данных эксперт приходит к выводу о востребованности в обществе «деятельного» патриотизма, заключающегося в равнодушном отношении к окружающей социальной реальности.

В целом, необходимо отметить, что современное молодое поколение белорусов потенциально не менее восприимчиво к идеалам достижения общественного блага, чем старшие поколения. Также важно обратить внимание, что социализация современных молодых людей происходит в координатно иных социально-экономических, социально-политических, информационных условиях, чем поколения «советских» предшественников, в связи с чем вполне закономерно, что осознание сущности патриотизма и его проявлений претерпевают определенные трансформации.

Подводя итог, можно констатировать, что у современной белорусской молодежи присутствует определенный внутренний запрос на деятельностное проявление патриотизма. При этом важным фактором развития и конструктивного проявления личностью своих внутренних задатков является среда, в которой происходит гражданская социализация человека. В связи с этим важнейшей задачей системы патриотического воспитания и государственной молодежной политики является создание условий, позволяющих наиболее эффективно раскрыть потенциал современного молодого поколения в интересах личности, государства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1987. – 590 с.
2. Моисеенко, В. Г. Формирование патриотических ценностей военнослужащих органов пограничной службы Республики Беларусь: социологический аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.05 – Политическая социология (социологические науки) / Моисеенко Владимир Григорьевич ; Гос. науч. учреждение «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси». – Минск, 2017. – 26 с.
3. Узгорок, М. Ю. Расширение сферы проявления патриотизма как культурной ценности: (на материале современной белорусской культуры) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 – Теория и история культуры / Узгорок Марина Юрьевна ; Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы». – Гродно, 2013. – 23 с.
4. Мусина, В. Е. Патриотическое воспитание школьников : учеб.-метод. пособие / В. Е. Мусина. – Белгород : НИУ «БелГУ», 2013. – 156 с.
5. Яковлев, Д. Е. Приоритеты патриотического воспитания детей в духовно-пространственной среде России / Д. Е. Яковлев, Г. Ф. Шилова // Власть. – 2016. – № 9. – С. 93–97.
6. Щербакова, Л. И. Деятельный патриотизм как фактор творческого развития российской молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности: противоречия формирования / Л. И. Щербакова, В. И. Филоненко // Власть. – 2019. – № 1. – С. 112–119.
7. Белорусский патриотизм – какой он? – Режим доступа: <https://bisr.gov.by/mneniya/beloruskiy-patriotizm-kakoy>. – Дата доступа: 12.04.2021.

УДК 340:351/354

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

С. П. Кацубо

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Рассмотрены некоторые аспекты информационно-правового обеспечения государственного управления с целью повышения эффективности взаимодействия органов государства с гражданами и принятия мер, призванных обеспечить доступность, простоту, оперативность решения насущных проблем каждого человека.

Основной целью органов государственной власти Республики Беларусь является проведение такой политики, реализация таких проектов, которые бы последовательно улучшали качество жизни людей, максимально обеспечивали решение вопросов, с которыми повседневно сталкиваются граждане. В повышении эффективности государственного управления решающее значение имеет качество его инструментов, в том числе состояние ресурсного обеспечения, видами которого наряду с иными являются правовое и информационное обеспечение.

Государством в этом направлении принят ряд мер, призванных обеспечить доступность, простоту, оперативность решения насущных проблем каждого человека.

В частности, принят ряд нормативных правовых актов: Законы Республики Беларусь от 6 июня 1996 г. «Об обращениях граждан», от 28 октября 2008 г. «Об основах административных процедур»; Директивы Президента Республики Беларусь от 11 марта 2004 г. № 1 «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины», от 27 декабря 2006 г. № 2 «О мерах по дальнейшей деbüroкратизации государственного аппарата»; Декрет Президента Республики Беларусь от 14 января 2005 г. № 2 «О совершенствовании работы с населением», указы Президента Республики Беларусь от 12 мая 2005 г. № 220 «О некоторых мерах по упрощению порядка совершения нотариальных действий», от 13 сентября 2005 г. № 432 «О некоторых мерах по совершенствованию работы с гражданами в государственных органах, иных государственных организациях», от 15 октября 2007 г. № 498 «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц», Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 26 мая 2005 г. № 544 «Об утверждении положения о порядке ведения делопроизводства по обращениям граждан в государственных органах, иных организациях и о мерах по совершенствованию работы с обращениями граждан», Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 мая 2009 г. № 39 «Об утверждении инструкции о порядке ведения делопроизводства по административным процедурам в государственных органах, иных организациях» и др.

В соответствии с действующим законодательством осуществляется комплекс мер, направленных на надлежащую организацию работы государственных органов, иных государственных организаций с гражданами, в частности, совершенствуется работа по принципу «одно окно» при осуществлении административных действий; оптимизирован режим работы государственных органов, иных государственных организаций с учетом потребностей граждан, совершенствуется справочно-информационное обслуживание населения.

Так, например, Гомельским областным исполнительным комитетом работа с обращениями граждан и юридических лиц рассматривается как одно из важнейших направлений в деятельности органов власти и направлена на повышение исполнительской дисциплины.

лины чиновников. Организованы ежедневные консультативные приемы граждан специалистами структурных подразделений облисполкома и других государственных органов в здании облисполкома. Аналогичные приемы проводятся руководством горрайисполкомов, администраций районов г. Гомель, их заместителями, дополнительно организованы выездные приемы граждан, «дни сельских советов», «дни открытого письма».

Проведена работа по созданию и внедрению информационно-справочной аналитической системы исполнения административных процедур (инфокиосков, ИСАС «1W»), предназначенных для предоставления справочной информации без посещения кабинета чиновника. На портале Гомельского облисполкома в целях системного информирования населения о работе государственных органов с гражданами созданы и размещены разделы и баннеры «Дебюрократизация административных процедур», «ГУ юстиции Гомельского облисполкома», «Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь», «Справочная информация», содержащие информацию о законодательных актах, регулирующих работу с обращениями граждан, адреса, телефоны государственных органов, осуществляющих административные процедуры, порядок их осуществления, тексты правовых актов и образцы заявлений. В разделе «Важные телефоны» размещены телефоны первой необходимости, экстренной помощи, аварийных, диспетчерских служб.

Также на Интернет-портале облисполкома имеется информация о графиках ежемесячных приемов населения руководством облисполкома, приемов в выходные дни, консультативных приемов, а также о работе прямой линии на Гомельском областном радио «Гомель, FM» в рамках программы «Задай вопрос власти». В разделе «Принцип «одного окна» посетители портала могут получить информацию о нормативно-правовой базе и процедурах осуществления всеми службами облисполкома действий по принципу «Одного окна». По каналам обратной связи в разделах «Электронная приемная», «Горячая» («прямая») линия», «Задай вопрос власти», «Диалог с властью» Интернет-пользователи имеют возможность обратиться и получить оперативные ответы на волнующие их вопросы. Имеется информация о перечне административных процедур, выполняемых учреждениями согласно Указу Президента Республики Беларусь от 10 марта 2006 г. № 152.

Отмечается, что в процесс построения эффективной системы государственного управления необходимо вовлекать не только чиновников, но и гражданское общество, создавая условия гражданам выступать не только в качестве потребителей государственных услуг, но быть также и их активными участниками – осуществлять обратную связь о качестве работы государственных органов и организаций, давать комментарии и рекомендации. В соответствии с п. 4.2 Директивы Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 2 «О дебюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения» [1] в Республике Беларусь разработана и внедрена система рейтинговой оценки гражданами эффективности деятельности организаций, оказывающих услуги, обеспечивающие жизнедеятельность населения, качество осуществления административных процедур путем анкетирования, проведения опросов в глобальной компьютерной сети Интернет и иных мероприятий с использованием информационных и телекоммуникационных технологий. Ведется работа по функционированию механизма электронного правительства, который позволяет обеспечить новое качество государственного управления и повысить эффективность деятельности органов государственного управления посредством применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [8, с. 65–66].

По мнению ряда экспертов, общественный мониторинг является важнейшим показателем эффективности функционирования органов управления и неотъемлемой составляющей высокого качества оказания государственных услуг. Возможность граждан

влиять на процесс принятия тех или иных управленческих решений в сфере государственного управления в значительной мере повышает степень доверия и лояльности к действующему правительству [6].

Российскими авторами, исследующими природу и механизмы правового обеспечения государственного управления, предложена структура правового обеспечения государственного управления, в которую включен такой вид, как информационно-правовое обеспечение [5, с. 12–13]. Многими исследователями подчеркивается, что в условиях информатизации эффективность деятельности органов государственного управления все больше будет определяться состоянием информационного обеспечения процессов управления и тем, насколько данный вид ресурсного управления будет интегрирован в управленческую деятельность в целом [3], [8], [10], [11].

В Республике Беларусь в целях эффективного информационно-правового обеспечения государственных органов и организаций решением Главы государства более 20 лет назад создана государственная система правовой информации. Задачи по обеспечению функционирования и развития этой системы обеспечиваются Национальным центром правовой информации Республики Беларусь. Можно назвать и другие, не менее важные условия инновационной деятельности органов местного управления и самоуправления: кадровые, организационно-диагностические, психологические, социально-культурные, научно-методические, нормативно-правовые, финансовые, материально-технические, ресурсные.

Весьма важным является обеспечение отраслей экономики и сферы управления высококвалифицированными специалистами, руководителями, обладающими необходимым минимумом экономико-правовых знаний. Для реализации поставленных задач и приоритетных направлений развития требуются руководители и специалисты, обладающие глубокими и обширными знаниями в области рыночной экономики, а также владеющие навыками их практического применения в условиях глобализации, представляющей собой процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации [9]. В настоящее время в республике создана правовая база для повышения эффективности управления, позволяющая органам власти адаптировать кадровый корпус управленцев к требованиям сегодняшнего дня и достаточно активно влиять на кадровые процессы. Как пример можно привести опыт Гомельского исполнительного комитета по организации регулярных встреч руководства исполкома с Советом директоров г. Гомеля, которые проводятся с целью определения конкретных действий в складывающейся конкретной ситуации и оперативного принятия эффективных мер по улучшению ситуации в рамках выработанной стратегии. Сложившаяся система работы с кадрами органов государственного управления во многом способствовала стабилизации социально-экономических процессов в городе.

Одним из факторов повышения эффективности управленческих решений является правовая компетентность кадров, которая влияет на процедуру принятия управленческих решений. Если управленческие решения выходят за пределы правовой компетентности, то при этом с неизбежностью отмечается неполнота, избирательность в зависимости от ситуации, что может привести к потере управляемости, конкуренции неформальных правил, которые представляются эффективными, но содержат риск потери авторитета управления и связанного с ним механизма правового контроля [4].

Особой правовой компетенции требуют процессы правовой интеграции с участием Республики Беларусь. Следует согласиться с общим утверждением известных юристов и представителей высших органов управления, что перспективное влияние данных процессов на государственное управление видится в его качественном улучшении, совершенствовании законодательства, что возможно путем занятия своей ниши в едином интеграционном поле, накоплении положительного опыта и его разумном применении [3], [8], [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. О дебиюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения : Директива Президента Респ. Беларусь, 27 дек. 2006 г., № 2 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 2. – 1/8173.
2. О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 712 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Василевич, С. Г. Правовое обеспечение эффективного государственного управления / С. Г. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2015. – 226 с.
4. Гиммельрейх, О. В. Правовая компетентность в структуре управленческой деятельности: анализ научных подходов к определению понятия и роли / О. В. Гиммельрейх // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
5. Кленов, С. Н. Правовое обеспечение государственного и муниципального управления : учеб. пособие / С. Н. Кленов, П. Е. Кричинский, С. Н. Новиков. – М. : ИНФРА-М, 2015. – 268 с.
6. Михайловский, И. А. Общественный контроль деятельности государственных органов и организаций как метод влияния на принятие управленческих решений / И. А. Михайловский, А. В. Невмержицкая // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
7. Республика Беларусь – 25 лет созидания и свершений. Т. 1 Государствообразующие процессы. Государственное строительство (этапы становления). Институты власти и управления. Национальная правовая система. Конституционные права и свободы граждан. Гарантии их обеспечения. Население. Государственные языки. Административно-территориальное устройство / А. Г. Боброва [и др.] ; редсовет: В. П. Андрейченко [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2020. – 631 с.
8. Чупракова, И. А. Информационно-правовое обеспечение государственного управления: к определению понятия и сущности / И. А. Чупракова // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
9. Чуприс, О. И. Правовая интеграция государств и отдельные направления развития государственного управления в Республике Беларусь / О. И. Чуприс // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
10. Яковчук, В. И. Государственно-административное управление : учеб. пособие / В. И. Яковчук. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2017. – 381 с.
11. Ярковая, С. В. Инновационные процессы в системе местного управления и самоуправления как основа развития гражданского общества / С. В. Ярковая // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

УДК 32

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В «СЛОВЕ О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» ИЛАРИОНА

Р. Н. Козыренко

Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

Проанализированы представления Киевского митрополита Илариона о справедливости, изложенные в политико-правовом трактате «Слово о законе и благодати» в контексте представлений о будущем Древнерусского государства. Выявлены доминирующие представления мыслителя о справедливости.

На современном этапе развития истории политической мысли Беларуси особое значение приобретает исследование генезиса и эволюции представлений о справедливости в период вхождения белорусских земель в состав Древнерусского государства, способствующее выявлению содержания идеи справедливости в социально-политических воззрениях мыслителей Беларуси с древнейших времен по настоящее время. Научный анализ справедливости как категории политической науки обусловлен пониманием сохраняющейся в политической теории преемственности в ее основных категориальных понятиях.

Первым дошедшим до нас общественно-политическим произведением Древнерусского государства признан созданный между 1037 и 1050 гг. одним из первых древнерусских мыслителей – Киевским митрополитом Иларионом политико-правовой трактат «О Законе Моисеем данном и о Благодати и Истине в Иисусе Христе явившихся и о том, как Закон отошел, а Благодать и Истина всю землю исполнили, и вера на все языки простерлась и на наш народ русский. Похвала государю нашему Владимиру, им же мы крещены были; Молитва Богу от всей земли нашей Господи, благослови Отче» [1, с. 16], впоследствии озаглавленный переписчиками как «Слово о Законе и Благодати».

«Слово», как всякое средневековое произведение на конфессиональную тему, созданное церковным иерархом в жанре церковной проповеди, включает в себе представления его создателя о *должном*. Иларион, в русле возникшей с принятием православного христианства идеи собственного пути развития Древнерусского государства, последовательно излагает свое видение относительно того, каким должно быть будущее этого государства, связанное с особой предначертанной Руси исторической миссией и укреплением института великокняжеской власти.

Главной темой «Слова», представляющего программу независимости Древнерусского государства от Византии, является прославление Русской земли. Иларион полагает, что наступило время свободного приобщения всех народов к христианству. Представляя крещение Руси как одно из звеньев общего процесса христианизации народов, Иларион утверждает, что все народы проходят путь от рабства к свободной жизни, которую дает им христианство. Принятие Русью христианства – залог ее религиозной независимости и равноправия. Таким образом, исходя из общей схемы равноправия христианских народов, обосновывается религиозная независимость и самобытность русского народа, отрицается правомерность притязаний Византии на гегемонию над народами, принявшими христианство, а также необходимость политической опеки Византии над Русью.

В первой части «Слова» Иларион сопоставляет сопряженные и противопоставленные друг другу Закон и Благодать и показывает во взаимодействии сопряженные Закон и Истину.

Исследуя содержание средневековых представлений о законе и истине, Н. М. Золотухина отмечает, что после принятия Русью христианства термин «Закон» подвергался сакрализации и начинал употребляться для обозначения величин высокого порядка: Законы Бога, Законы Ветхого и Нового Заветов, Законы Иисуса Христа, Законы Вселенских соборов, иногда – законы государя, но, как правило, в абстрактном, собирательном значении. Понятия «истина» и «справедливость», в свою очередь, трактовались согласно православному вероучению: «Истина есть Христос», а справедливость – имманентно присущее свойство Бога и всего, сопричастного Ему, поэтому оба эти понятия имели вечный и неизменный характер [2, с. 102, 110].

По мысли Илариона, ветхозаветный закон, связанный с иудейской традицией и с темой рабства, охватывает узкий круг людей и ограничен исторической деятельностью одного народа («племя Авраамово») для «предуготовления к Истине и Благодати»: «Прежде Закон, потом Благодать; прежде тень, потом Истина» [3]. Принесенная после Закона Христова Благодать, воплощающая сущность христианства, «больше первого стала», «всю землю объяла, и, как вода морская, покрыла ее» [3]. Благодать безгранична, имеет вселенское универсальное значение. Иисус, в котором Истина и Благодать присутствуют изначально и который не может лишиться Благодати, указывается в качестве носителя воплощенной в Новом завете Истины, распространителя ее на всех людей независимо от их национальности.

Как отмечает О. Б. Сокурова, «возникает иерархия, в которой над *Прошлым ветхозаветным* (Закон) возвышается *Настоящее новозаветное* (Благодать), и над ним зи-

ждется *Вечность* (Царство будущего века)» [4, с. 9]. В этой иерархии «ветхозаветный закон – слуга новозаветной *благодати*, а сама благодать – слуга *будущему веку*» [5, с. 9].

По мысли Илариона, достижение Благодати доступно каждому. Однако Благодать не распространяется на язычников, сколь бы благородными они не были, поскольку дается человеку при крещении. Таким образом, условием обретения человеком Благодати Иларион называет принятие православия.

Люди всегда будут поступать справедливо («не теснится в Законе человечество, но в Благодати свободно ходит» [3]) только в случае сознательного и свободного следования в своем поведении заповедям Христа. Главной целью жизни человека является достижение Небесного царства, поэтому путь к обретению связанной с достижением христианином высокого нравственного статуса Благодати, предоставляющей личности духовную свободу и способность постижения Истины, не определяется заботами о земном самоутверждении, ибо люди спасаются Истиной и Благодатью.

Таким образом, Закон, призванный определять внешние поступки людей на той ступени их развития, когда они еще не достигли совершенства, – ступень к постижению Истины, а Благодать – путь к ее постижению.

Во второй части «Слова», посвященной принятию русским народом православия, Иларион восторженно описывает распространение христианства на Руси: «И подобало Благодати и Истине над новыми народами воссиять», «Ибо вера благодатная по всей земле распространилась и до нашего народа русского дошла» [3].

В третьей части «Слова» в контексте религиозного-христианского обоснования династического принципа воздаются выливающиеся в апофеоз могущества Древнерусского государства похвалы принявшему христианство и крестившему Русь князю Владимиру I Святославовичу, его отцу Святославу и мудрому сыну Ярославу (Георгию).

Образ принявшего христианство князя Владимира рассматривается Иларионом в тесной взаимосвязи с образом самого Бога. Владимир предстает как справедливый, мудрый, славный правитель, которому присущи христианское смирение и страх перед Богом, советовавшийся с высшим православным духовенством по вопросам установления законов для принявшего христианство русского народа. Владимир-христианин всегда следовал путем правды и истины («правдою был облечен, <...> истиною обут» [3]), выступал в соответствии с установленным им на основе христианского учения законом защитником несправедливо обижаемых и угнетаемых.

По мнению Илариона, крещение языческой Руси, без которой она не в состоянии познать истинного Бога и получить Благодать, – исключительно результат воли и дальновидности самого князя Владимира, а не влияния Византии. Пребывание Древнерусского государства в Благодати обеспечивается направленной на обеспечение интересов всех подданных деятельностью идеального, справедливого князя, законы которого также должны быть справедливыми.

Илариону присуще понимание справедливости как одной из важнейших нравственных характеристик идеального правителя-христианина и отождествляемой с ним «праведной» христианской государственной власти, теоретически обосновываемой через соотношение Закона и Благодати. Прославляя князя Владимира как справедливого правителя, Иларион наделяет справедливостью не только реализующего Божественную волю носителя суверенной княжеской власти, но и саму княжескую власть, выдвигая таким образом требование справедливости к сильной государственной власти в целом. Желая видеть и в дальнейшем во главе Древнерусского государства справедливого правителя-христианина, Иларион описывает как достойного продолжателя дел Владимира его сына Ярослава, «которого Господь создал преемником твоему владычеству: не нарушающим твоих уставов, но утверждающим; не умаляющим хранилищ твоего благоверия, но умножающим» [3].

Таким образом, в «Слове о Законе и Благодати» представления о справедливости неразрывно связаны с идеей равноправия русского народа среди других христианских народов, его самостоятельного развития, а также с идеей отождествляемой с личностью идеального правителя сильной государственной власти, преемственность которой в христианском государстве обеспечивается высоким уровнем его политической организации и установленных на основе христианского вероучения законов. Возможность для людей поступать справедливо и достигать справедливости обретается только с принятием христианского вероучения, обязательным условием при этом является неукоснительное следование христианина в своем поведении и поступках новозаветным правилам этого вероучения.

Изучение содержащихся в «Слове о Законе и Благодати» представлений о справедливости способствует выявлению содержания идеи справедливости в социально-политических воззрениях мыслителей Беларуси с древнейших времен по настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев, И. А. История политических и правовых учений России / И. А. Исаев, Н. М. Золотухина. – 2-е изд. – М. : Юристъ, 2003. – 415 с.
2. Золотухина, Н. М. Средневековые мыслители России о правде, законе, справедливости, истине и благодати / Н. М. Золотухина // Тр. Ин-та гос-ва и права РАН. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 102–142.
3. Святитель Иларион Киевский. Слово о законе и благодати // Азбука веры. – 2021. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Kievskij/slovo_o_zakone_i_blagodati/?=%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%BE#s3. – Дата доступа: 23.04.2021.
4. Сокурова, О. Б. Первое «Слово» русской литературы: историко-культурный аспект / О. Б. Сокурова // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – № 4 (38). – С. 8–10.
5. Сокурова, О. Б. Темы и идеи «Слова о Законе и Благодати» в истории отечественной культуры / О. Б. Сокурова // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. – 2011. – Вып. 2. – С. 38–46.

УДК 930(470)(476):94(476)

ОТРАЖЕНИЕ СОВМЕСТНОГО ПРОШЛОГО БЕЛОРУСОВ И РОССИЯН В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

П. С. Крючек

Учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет», г. Минск

Распад СССР и возникновение на постсоветском пространстве ряда независимых государств способствовали пересмотру устоявшихся представлений об совместной истории бывших советских народов, характере взаимоотношений между ними.

В статье показано, что в оценке различных аспектов общей истории белорусов и россиян в современной белорусской историографии существуют различные подходы. При этом сохраняется и усиливается тенденция к идеологическому окрашиванию ряда сюжетов совместного прошлого.

У белорусов и русских единые исторические корни. Оба народа принадлежат к восточнославянской цивилизации. Тем не менее, в силу определенных исторических условий в конкретные периоды судьбы их расходились, они развивались отдельно, сохраняя свою восточнославянскую идентичность, но вырабатывая отличительные особенности.

Опыт исторического и культурного взаимодействия России и Беларуси в прошлом и настоящем приобретает особую актуальность в контексте непростых взаимоотношений наших государств в последние десятилетия, процессов национальной идентифика-

ции восточнославянских народов, предубеждений, накопившихся в политически ангажированной литературе.

Возникновение на постсоветском пространстве ряда независимых государств в результате распада СССР способствовало пересмотру устоявшихся представлений об совместной истории бывших советских народов, характере взаимоотношений между ними. В новых суверенных государствах начала активно пропагандироваться национальная версия истории. Не стала исключением и белорусская историография. В начале 90-х г. XX в. были предприняты попытки с новых позиций пересмотреть ключевые проблемы отечественной истории – происхождения белорусского этноса, истоков белорусской государственности, места и роли Великого княжества Литовского в исторических судьбах белорусского народа и др. Коснулись эти изменения и оценки истории белорусско-российских отношений. В частности, были сделаны попытки преодолеть известные штампы и стереотипы о ментальности русских и белорусов, этногенезе этих славянских народов, истоках белорусской государственности, взаимоотношениях белорусов и русских на различных этапах истории. В оценке различных аспектов нашей общей истории в современной белорусской историографии можно выделить, как минимум, три основных направления.

Первое направление связано с тем, что на смену существовавшей идеализации белорусско-российских отношений, их якобы бесконфликтности, стали выходить работы, в которых стала наблюдаться другая крайность – утверждения об извечном антагонизме между русскими и белорусами, о постоянном стремлении сначала московских, а затем и российских властей захватить белорусские земли, аргументируя эти устремления вхождением этих земель в IX–XII вв. в состав древнерусского государства. При этом Москва рассматривала себя как естественный правопреемник Киева в деле «собира- ния» всех русских земель. С таких позиций различные аспекты совместной истории Беларуси и России рассматривали В. Орлов, А. Тарас, В. Деружинский и др. В работах этих авторов подвергается сомнению общее происхождение белорусов и русских, преувеличивается роль Полоцкого княжества как первого белорусского государства, феодальные междоусобицы и распри позднего средневековья интерпретируются как меж- этнические столкновения. Особый акцент при этом делается на войны между Великим княжеством Литовским, которое объявляется белорусским государством, и Московским княжеством, которое однозначно представляется агрессором.

Следует отметить, что такая риторика характерна в основном для работ историко- публицистического характера, которые рассчитаны на неподготовленного читателя и не основываются на глубоком анализе исторических источников. Для профессиональных историков характерен более взвешенный подход к оценке исторического прошлого белорусов и россиян. Тем не менее в исследованиях историков данного направления акцент делается на спорных моментах наших взаимоотношений, преобладает в основном негативная оценка роли России на переломных этапах нашей совместной истории.

В таком духе, например, выдержана монография Е. Онищенко «Беларусь во времена Екатерины II (1772–1796 гг.)» [1]. Несмотря на обилие введенного в научный оборот документального материала, автору не хватило объективности при анализе ситуации, которая сложилась в Речи Посполитой во второй половине XIX в. В частности, главным виновником разделов Речи Посполитой, по его мнению, является Россия, а Пруссия и Австрия лишь поддержали действия последней. Вся политика России на включенных в ее состав белорусских землях определялась такими понятиями как «унификация, инкорпорация, русификация».

К аналогичному выводу пришла и С. Куль-Сильвестрова в работе «Беларусь на рубеже веков и культур: Формирование культуры Нового времени на белорусских землях (вторая половина XVIII – 1820-е гг.)» [2]. Автор утверждает, что вхождение Бе-

ларуси в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой затормозило процесс формирования культуры Нового времени.

Историки первого направления предприняли попытки пересмотреть роль униатской церкви в культуре Беларуси. Конечно, нельзя отрицать значение униатства в развитии просвещения, образования и культуры. Однако вряд ли следует идеализировать деятельность этой церкви. Представлять ее некой «национальной религией белорусов», тем более трактовать ее в качестве «способа вхождения белорусов в семью европейских народов», на чем настаивает С. Морозова в монографии «Униатская церковь в этнокультурном развитии Беларуси (1596–1839 гг.)» [3], все же нельзя.

В русле этой же тенденции просматривается еще одна тенденция – стремление взвалить всю ответственность на Московское княжество за все войны и другие феодальные усобицы, которые велись между ним и Великим княжеством Литовским.

Подобные трактовки совместного прошлого белорусов и россиян способствовали в какой-то степени активизации в белорусской историографии идей западнорусизма, которые в свою очередь составили в ней второе направление.

Как известно, впервые в научный оборот понятие «Западная Россия» ввел белорус по происхождению, российский историк М. Коялович. Он и его последователи утверждали, что Белоруссия является неотъемлемой частью России, а сами белорусы – самобытной ветвью русского народа. Но если М. Коялович призывал к единству всего русского народа, с сохранением и развитием самобытности его ветвей, то правые монархисты делали упор на избавление от этой самой самобытности, полагая, что только на основе полного единства всех русских можно добиться прогресса.

Современный «западнорусизм» пропагандирует идеи так называемого «русского мира» и представлен довольно широким составом ученых и преподавателей белорусских вузов. Идеи западнорусизма разделяют В. Черепица, Я. Трещенок, П. Петриков, Н. Малишевский и некоторые другие.

Одной из основных задач современного «западнорусизма» является восстановление и развитие русской составляющей самосознания белорусов, а также общерусское наполнение Союзного строительства. Апелляции к совместному прошлому в рамках данного направления имеют две основные цели: легитимация на историческом материале представления о белорусском народе как неотъемлемой части русского суперэтноса и, соответственно, де-легитимация «врагов» и «чужеродной» интерпретации белорусского прошлого. Главным тезисом для представителей данного направления является утверждение, что белорусы – это часть русского суперэтноса, а Беларусь, как Россия и Украина, составляют часть единой русской цивилизации.

Ярким представителем «западнорусизма» в современной белорусской историографии является Л. Криштапович. В своих работах он отстаивает идею цивилизационного единства русских, белорусов и украинцев. Автор выяснил характерные признаки русской цивилизации (исторический, мировоззренческий, экономический), которые, по его мнению, являются сущностными определениями и национального самосознания белорусского народа [4], [5].

Преобладающим в современной белорусской историографии является третье направление, к которому можно отнести представленное большинство академических историков. Его представители, опираясь на широкую источниковедческую базу, применяя современный методологический инструментарий, стремятся объективно и всесторонне раскрыть единые исторические корни русских, белорусов и украинцев, процессы формирования данных этносов, характер взаимоотношений между ними. Особое внимание при этом уделяется белорусско-российским связям. Такой взвешенный, научный подход характерен для многих обобщающих работ и учебных пособий. Белорусские историки стараются объективно и всесторонне раскрыть наиболее важные

аспекты белорусско-российских отношений в разные периоды истории, выявить их уроки и определить современные проблемы взаимопознания.

Особое место здесь занимает многотомный коллективный труд «История белорусской государственности» [6]. В издании раскрыты предпосылки и закономерности национального самоопределения белорусского народа, показана роль Полоцкого княжества как первой формы государственности на белорусских землях, значительное внимание уделено вопросам, связанным с созданием Великого княжества Литовского и политического статуса в этом государстве белорусских земель, показано, как идеи белорусской государственности вызревали в условиях Российской империи.

Достаточно широко представлена литература, раскрывающая историю белорусской советской государственности в составе СССР. Проанализированы процессы, связанные с созданием БССР, взаимоотношениями БССР с другими советскими республиками, государственной национальной политикой БССР.

Таким образом, можно констатировать, что современный этап развития историографии совместного прошлого характеризуется плюрализмом мнений и подходов при сохранении ангажированности описания именно данной проблемы. При этом сохраняется и усиливается тенденция к идеологическому окрашиванию ряда сюжетов совместного прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анішчанка, Я. К. Беларусь у часы Кацярыны II (1772–1796 гг.) / Я. К. Анішчанка. – Минск : Веды, 1998. – 258 с.
2. Куль-Сяльвестрава, С. Я. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII – 1820-е гг.) / С. Я. Куль-Сяльвестрава. – Минск : Універсітэцкае, 2000. – 320 с.
3. Марозава, С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.) / С. В. Марозава. – Гродна : ГрДЗУ, 2001. – 352 с.
4. Криштапович, Л. Е. Беларусь и Россия: историософское и цивилизационное единство / Л. Е. Криштапович. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. – 94 с.
5. Криштапович, Л. Е. Беларусь как русская святыня / Л. Е. Криштапович. – Минск : Ковчег, 2013. – 134 с.
6. История белорусской государственности : в 5 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2018.

УДК 94:325.2:355.01(470):327.5((47+57):480)«1939–1940»

ПОЗИЦИЯ РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ (1939–1940 ГОДЫ)

О. В. Марченко

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Республика Беларусь

Рассмотрена позиция представителей одной из самых массовых политических организаций русского зарубежья – Русского Обще-Воинского Союза в событиях советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Акцентируется внимание на их усилиях по созданию «русских народных отрядов», формировавшихся из антисоветски настроенных военнопленных красноармейцев, принявших участие в военных действиях на стороне Финляндии.

Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) являлся одной из самых массовых и влиятельных организаций русской политической эмиграции в зарубежье. Численность его рядов составляла 60 тысяч человек. Руководство организации исключало возможность какого-либо компромисса с Советской властью и выступало за насильственный, вооруженный путь ее свержения.

Функционировать РОВС стал с 1924 г. после издания соответствующего приказа 1 сентября этого же года генералом П. Н. Врангелем. Отличительной особенностью организации являлось то, что из ее рядов исключались лица, занимавшиеся активной политической деятельностью. Для РОВС была характерна строгая централизация системы управления. Руководство организацией осуществлялось непосредственно из штаба П. Н. Врангеля. РОВС подразделялся на отделы, которые возглавлялись председателями. Их назначение производилось высшим руководством. РОВС состоял из пяти отделов. Так, например, I отдел курировал русских военных, находившихся на территории Англии, Франции, Италии, Чехословакии, Дании, Финляндии; II отдел – в Германии и Венгрии; III отдел – в Данциге, Польше, Литве, Латвии, Эстонии. В свою очередь, IV отделу были подчинены военные лица и воинские организации в Греции и Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС); V отделу – в Болгарии и Турции [1, с. 10–11]. В дальнейшем организационная структура РОВС претерпела существенные изменения. Несмотря на их характер, русские военные в Финляндии продолжали подчиняться I отделу вышеотмеченной организации. Официальным печатным органом организации являлся журнал «Часовой», который стал выходить в свет с января 1929 г. Его главными редакторами были В. Орехов и Е. Тарусский [2, с. 43–44].

В ноябре 1939 г. началась советско-финляндская война, которая завершилась в марте 1940 г. Не остались в стороне от ее событий и представители РОВС. Они активно поддержали Финляндию в противостоянии с СССР. Руководство РОВС на страницах журнала «Часовой» решительно выступило с осуждением вторжения советских войск на территорию Финляндии. По его мнению, действия советского правительства следует рассматривать как попытку осуществления социальной революции, целью которой является «советизация» страны – географического соседа СССР. В сложившихся условиях русские военные выражали полную моральную поддержку финскому руководству в противоборстве с советским режимом [3, с. 1–2].

При этом руководство РОВС было вынуждено первоначально занять нейтральную позицию в войне между СССР и Финляндией. Причиной являлось то, что выходцы из России, проживавшие на территории различных европейских стран, должны были руководствоваться нормами местного законодательства и подчиняться им. Поэтому вмешательство в военные действия могло бы спровоцировать соответствующие контрмеры со стороны того или иного европейского государства. В сложившихся условиях, по мнению руководства РОВС, наиболее оптимальным условием борьбы против Советской власти явился бы полный разрыв мировым сообществом дипломатических отношений с СССР и, соответственно, международная изоляция агрессора. При этом отмечалось, что русская политическая эмиграция, в том числе и военная, не вступит в конфликт, «...пока одна из сторон не объявит о том, что в числе целей войны есть и борьба с узурпировавшими власть большевиками» [4, с. 2].

Впоследствии позиция РОВС по поводу дальнейшего развития событий советско-финляндской войны подверглась существенным изменениям. Главный редактор журнала «Часовой» В. Орехов, выразивший на его страницах официальную позицию руководства организации, заявлял, что русская эмиграция должна принять активное участие в ней на стороне Финляндии. По его мнению, поражение СССР в войне будет способствовать подрыву внутренних позиций Советской власти. Во-первых, представители молодого поколения наглядно убедятся в слабости советского строя, а во-вторых, неудачи на фронте могут способствовать возникновению антисоветских настроений в рядах Красной Армии, что может привести в дальнейшем к дестабилизации положения в стране [5, с. 3].

Глава РОВС генерал А. П. Архангельский отмечал, что представители русской политической эмиграции, в том числе и самой организации, окажут помощь Финляндии в войне при соблюдении следующего условия – сохранении ее государственного сувере-

нитета. В случае благоприятного развития военных событий выходцы из России планировали перенести борьбу при помощи финского народа на территорию СССР с целью ликвидации Советской власти. Это позволило бы русской политической эмиграции избежать возможности в дальнейшем оказаться в зависимости от какого-либо европейского государства, намеревавшегося в будущем напасть на СССР.

А. П. Архангельский выступил с обращением к Верховному главнокомандующему армии Финляндии фельдмаршалу К. Г. Маннергейму, в котором была представлена форма оказания помощи финнам со стороны РОВС. Русские военные предлагали прислать специалистов, которые должны были осуществлять диверсии в тылу Красной Армии и организовывать восстания на советской территории. Однако К. Г. Маннергейм отказался от данной помощи. Он мотивировал свой отказ тем, что Советская власть рассматривает военное противостояние обоих государств как гражданскую войну, борьбу красных против белых. Таким образом, выступление русских военных на стороне Финляндии в военных действиях против СССР способствовало бы подрыву национального единства. Его обеспечение возможно только при ведении национально-освободительной войны против русских [6, с. 25–27].

Бывшим личным секретарем И. В. Сталина и техническим секретарем при Политбюро ЦК ВКП(б) Б. Бажановым, осуществившим побег из СССР за рубеж в 1928 г., было выдвинуто предложение по созданию Русской Народной Армии. По его мнению, ее ряды должны были формироваться из оказавшихся в финском плену красноармейцев, разочаровавшихся в Советской власти. В дальнейшем при вступлении Русской Народной Армии на территорию СССР предполагалось, что она должна была пополняться за счет антисоветских элементов из местного населения [7, с. 295–296].

Вскоре состоялась личная встреча Б. Бажанова с главою РОВС генералом П. А. Архангельским, на которой были обсуждены условия дальнейшего сотрудничества. По мнению русских военных, среди пленных красноармейцев должна была проводиться целенаправленная агитация. В случае ее успеха предполагалось создание из военнопленных небольших «русских народных отрядов». Их основными задачами являлись проведение диверсий в тылу Красной Армии и привлечение красноармейцев на сторону РОВС. В дальнейшем предполагалось, что «русские народные отряды» должны были послужить основой для Русской Народной Армии [6, с. 27–28].

15 января 1940 г. в Сен Микеле состоялась встреча Б. Бажанова с К. Г. Маннергеймом. Ее результатом являлось получение им санкции со стороны финского правительства на создание антисоветских военных формирований. Б. Бажанов провел соответствующие агитационные мероприятия в одном из лагерей, где находилось порядка 500 пленных красноармейцев. Среди них были представители различных национальностей. Через неделю работы Б. Бажановым были отобраны 200 человек, выразивших желание вступить в ряды «русских народных отрядов». Они были переведены в другой лагерь. Позднее из их числа было сформировано пять небольших отрядов. Их командирами были назначены офицеры, представлявшие РОВС. Следует отметить, что данный шаг был обусловлен личным выбором со стороны пленных красноармейцев. Они выразили желание, чтобы ими в бою командовали не офицеры Красной Армии, попавшие в плен к финнам, а именно офицеры-белогвардейцы. В военных действиях против Красной Армии принял участие только лишь один отряд, в состав которого входило 40 человек. Его действия были признаны успешными со стороны руководства РОВС. Благодаря умело проведенной агитации на сторону вышеотмеченной организации перешло 300 красноармейцев [6, с. 28].

Аналитики РОВС скептически оценивали боеспособность Красной Армии в советско-финляндской войне. Они акцентировали внимание на низкую боевую подготовку ее командного и рядового состава, отсутствие зимнего обмундирования и горячего

питания. Подавляющее количество военнослужащих было представлено туркменами, башкирами, киргизами, не знавшими русского языка, что ограничивало возможности управления воинскими соединениями [8, с. 3–4].

Таким образом, РОВС, первоначально занимавший нейтральную позицию в советско-финляндской войне, впоследствии принял активное участие в ней, сражаясь на стороне Финляндии. Организации удалось во взаимодействии с Б. Бажановым сформировать несколько отрядов из советских военнопленных, один из которых принял участие в военных действиях. Собранные аналитиками РОВС данные, касающиеся боеспособности Красной Армии, а также практический опыт перевербовки пленных красноармейцев для последующего участия в военных действиях против СССР был позже использован политическими и военными лидерами гитлеровской Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг.: документы и материалы / А. Ф. Киселев [и др.] ; под общ. ред. А. Ф. Киселева. – М. : Владос, 1999. – 776 с.
2. Шинкарук, И. С. «Часовой» – историко-публицистический журнал военной эмиграции / И. С. Шинкарук // Российское зарубежье: итоги и перспективы изучения : науч. конф., Москва, 17 нояб. 1997 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т ; редкол.: С. В. Карпенко [и др.]. – М., 1997. – С. 43–45.
3. Советское вторжение в Финляндию // Часовой. – 1939. – № 246. – С. 1–2.
4. Орехов, В. Будем достойны русского имени / В. Орехов // Часовой. – 1939. – № 246. – С. 2.
5. Орехов, В. Мысли белогвардейца / В. Орехов // Часовой. – 1940. – № 247. – С. 2–3.
6. Архангельский, А. П. Финский опыт РОВС-а / А. П. Архангельский // Вестн. РОВС : изд. Рус. Обще-Воин. Союза. – 2004. – № 8–9. – С. 25–28.
7. Бажанов, Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина / Б. Бажанов. – М. : Софинта, 1990. – 319 с.
8. Орехов, В. Война в Финляндии / В. Орехов // Часовой. – 1940. – № 247. – С. 3–4.

УДК 342

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ КАК НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ УГРОЗЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ

В. И. Олефир

*Институт управления и права Национального юридического
университета имени Ярослава Мудрого, г. Киев, Украина*

После открытия границ бывшего СССР Украина стала страной с благоприятными условиями для поиска и развития нелегальных каналов миграции. Сделан обзор направлений усовершенствования действующего законодательства Украины, улучшения работы Государственной миграционной и Государственной пограничной служб в целях противодействия нелегальной миграции.

Развитие Украины как правового демократического государства имеет перед собой ряд вызовов. В частности, участие нашего государства в международных миграционных процессах, борьба с нелегальной миграцией, обеспечение приоритета прав и безопасной жизнедеятельности человека нуждаются в решительных шагах, а именно – реформировании судебных и правоохранительных органов, создании законодательной базы, взаимодействии с правоохранительными органами других государств, внедрении автоматизированных систем учета и обмена информацией.

Нелегальная миграция является составной частью общеизвестного явления, которое обозначается термином «миграция населения», который означает «перемещение, переселение». В контексте международных миграций – для большинства стран мира это привычное явление, однако для Украины оно стало актуальным и острым с начала

1990-х гг., с открытием границ бывшего СССР, ведь Украина в силу своего географического положения является как транзитной территорией для мигрантов из других стран мира на пути к Европе, так и страной, которая принимает мигрантов.

Неопрровержимым остается и тот факт, что граждане Украины сами активно мигрируют (образовательная, трудовая миграция). В силу вышеизложенных обстоятельств Украина стала страной с благоприятными условиями для поиска и развития нелегальных каналов миграции. Следует отметить, что она связана с разными дестабилизирующими факторами. Развитие подпольного рынка труда является одним из них, где противодействие усложняется тем, что большинство мигрантов попадают к странам пребывания на легальных условиях и только впоследствии переходят на нелегальное положение. Так, определенная часть граждан Украины, которые выезжают на заработки за границу, находятся там или занимаются оплачиваемой деятельностью без надлежащих разрешений и документов. Почти каждый четвертый трудовой мигрант работал за рубежом, не имея ни одного правового статуса или имея лишь туристическую визу. Кроме этого территория Украины используется для незаконного транзита мигрантов в европейские страны.

Международный опыт свидетельствует, что нелегальная миграция является серьезной политико-правовой проблемой для каждого государства. Поэтому урегулирование миграционных вопросов является важной составляющей развития партнерских отношений между Украиной и странами Европейского Союза.

Продолжает увеличиваться количество мигрантов с неурегулированным статусом. Подавляющее большинство мигрантов с неурегулированным статусом (92 %) – нарушители сроков пребывания [2].

Учитывая ежегодный рост количества нелегальных мигрантов, которые пересекают украинские границы, вопрос противодействия нелегальной миграции становится ключевым в обеспечении государственной безопасности. Особенно принимая во внимание те факторы, что нелегальные мигранты участвуют в незаконном обращении наркотиков и оружия, выполняют функции курьеров преступных группировок.

Следует отметить, что защита государственной границы Украины является неотъемлемой частью общегосударственной системы обеспечения национальной безопасности и заключается в скоординированной деятельности военных формирований и правоохранительных органов государства, организация и порядок деятельности которых определяются.

Именно государственная граница определяет пределы государственной территории страны, пространственные рубежи действия государственного суверенитета Украины и является обязательным признаком объективной стороны состава преступления, которая характеризует место его совершения.

Пункты пропуска через государственную границу Украины – это территории или часть территории пограничной железнодорожной, автомобильной станции, морского речного порта, аэропорта (аэродрома) с комплексом зданий, сооружений и инженерно-технических средств, где осуществляются определенные законодательством виды контроля с целью пропуска через государственную границу лиц, транспортных средств, грузов и другого имущества. В пункте пропуска определяются места для непосредственного пересечения государственной границы, а также зоны пограничного, таможенного и других видов контроля [3].

Следовательно, пересечение государственной границы вне пунктов пропуска может означать, что лицо пересекло его: а) вне места расположения пункта пропуска; б) вне места, определенного в пункте пропуска для непосредственного пересечения государственной границы; в) хотя и в отмеченном месте, но во время, когда пункт пропуска не функционировал.

Неконтролируемая миграция может вызывать и рост межэтнического напряжения в обществе. Кроме этого трудовые, социальные права нелегальных иммигрантов не обеспечены, члены их семей не имеют гарантий получения образования и медицинской

помощи. Это, в свою очередь, провоцирует формирование преступных группировок по национальному признаку, способствует росту ксенофобии в обществе.

Нелегальная миграция может стать фактором эпидемиологических угроз. Очень часто они прибывают из критических регионов, где господствует антисанитария. В разных частях мира частыми есть случаи распространения таких специфических болезней, как, африканская лихорадка Эбола, малярия и быстрое распространение Covid-19. Это актуально для Украины в том числе.

Кроме того, и сами украинцы достаточно часто страдают от преступной деятельности, связанной с переправкой мигрантов. В частности, достаточно часто украинцы становятся жертвами «преступных группировок», которые обещают украинскому моряку официальное трудоустройство и работу по контракту, «а за то под принуждением и угрозой смерти силы вынуждают переправлять через море «нелегалов» в Европу». По данным Уполномоченного по правам человека, состоянием на 2018 г. в Греции удерживалось около 200 наших соотечественников, которые ехали на заработки и из-за своей неосведомленности лишь в море выявили в трюмах мигрантов. За каждого перевезенного «нелегала» украинцам в Греции угрожает до 10 лет лишения свободы [1].

Изложенные факты доказывают, что усовершенствование действующего законодательства, улучшение работы Государственной миграционной и Государственной пограничной служб, диджитализация всех видов информации, внедрение автоматизированных систем обмена информацией, обеспечение квалифицированными кадрами, усовершенствование международного сотрудничества, приведение национальных статистических и информационных баз к требованиям ЕС даст возможность усилить противодействие нелегальной миграции и обеспечить надлежащий контроль за пересечением государственной границы, соблюдением миграционного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уполномоченный Верховного Совета Украины по правам человека. – Режим доступа: <https://ombudsman.gov.ua/ua/all-news/pr/111018-nk-upovnovazhenij-lyudmila-denisova-pidpishe-memorandum-z-predstavnikom-a>.
2. МОМ Миграция в Украине : цифры и факты, 2019. – Режим доступа: https://iom.org.ua/sites/default/files/ukr_ff_f.pdf.
3. Закон Украины «О государственной границе Украины» / Ведомости Верхов. Совета Украины (BBC). – 1992. – № 2. – Ст. 5. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1777-12#Text>.
4. Государственная миграционная служба Украины : отчет из мониторинга миграц. процессов, 2019. – Режим доступа: <https://dmsu.gov.ua/diyalnist/monitoring-migracijnij-nix-procesiv/zvit-z-monitoringu-migracij-nix-procesiv.html>.

УДК 338.43.02(437)

КООПЕРИРОВАНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Н. Н. Приступа

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», г. Минск

Раскрыта сущность первого этапа создания единых сельскохозяйственных кооперативов в Чехословакии в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Проанализирована законодательная основа этого процесса. Определены типы создававшихся единых сельскохозяйственных кооперативов. Показана реакция крестьян на проводившуюся в стране коллективизацию. Прослежена эволюция политики чехословацких коммунистов в отношении кооперирования крестьянских хозяйств.

В октябре 1948 г. Национальное собрание Чехословацкой Республики приняло Закон «О первом пятилетнем плане экономического развития Чехословацкой Республики». Планом предусматривался рост сельскохозяйственного производства на 37 %. Его валовая

стоимость в 1953 г. должна была составить 105 млрд чехословацких крон: валовая стоимость продукции растениеводства – 55,2 млрд крон (на 11 % больше, чем в 1948 г.); животноводческой продукции – 49,8 млрд крон (на 86 % больше, чем в 1948 г.) [1]. Таким образом, что акцент делался на стремительное развитие животноводства, механизацию и электрификацию сельского хозяйства, строительство водохозяйственных сооружений и расширение площади прудов, поддержку всех форм сельскохозяйственных кооперативов, предоставление крестьянам возможности использовать высококачественный посевной материал и обеспечение необходимым количеством кормов и удобрений. Однако государственные инвестиции в сельское хозяйство составляли всего лишь 26,8 млрд крон, что значительно меньше аналогичных вложений в промышленность (131,9 млрд крон) [1]. Становится очевидным, что такой приоритет в государственном финансировании не позволит выполнить запланированные показатели.

Тогда же началась разработка плана по кооперации сельского хозяйства. 23 февраля 1949 г. после незначительных поправок Закон № 69 «О единых сельскохозяйственных кооперативах (ЕСХК)» был одобрен Национальным собранием. В соответствии с ним ЕСХК должен был заменить все существовавшие типы кооперативов, за исключением потребительских, ремесленных, торговых и жилищных. Декларировалась добровольность членства в них.

В законе прописывалась процедура формирования единого кооператива: создание подготовительного комитета (5–10 чел.) из членов уже существовавших сельскохозяйственных кооперативов и других лиц, занятых в сельском хозяйстве; его утверждения Центральным районным советом кооперативов; после принятия положительного решения вносилась запись в государственный реестр; затем проводилось Общее собрание членов кооператива [2]. Вовлечение крестьянства в кооперацию сопровождалось «ограничением кулака»: «по кооперативному уставу, утвержденному правительством, в руководстве кооперацией кулаки не должны составлять свыше 5 % к общему составу. Остальную часть в правлениях кооперативов должны составлять бедняки и середняки» [3, с. 104].

Первые ЕСХК были созданы по инициативе крестьян весной 1949 г., однако, как отмечал президент Чехословакии и председатель Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) К. Готвальд, при подготовке и проведении коллективизации старались не «шуметь, чтобы не напугать крестьян» [3, с. 104]. На первом этапе возникали кооперативы типа I и II, в которых еще существенным был фактор частной собственности на землю. От совместной организации посева, уборки урожая и использования техники в ЕСХК I-го типа происходил переход к кооперативам II-го типа, когда распаивались границы участков и вводилось совместное возделывание сельскохозяйственных культур. Крестьяне получали часть урожая в соответствии с размером их участка, с которым они присоединились к кооперативу. Животноводство оставалось частным.

Общенациональная кампания по переходу к кооперативам высших типов (III и IV), в которых уже преобладала общественная форма производства, началась в 1950 г. III-й тип ЕСХК характеризовался совместным растениеводством и животноводством. Вознаграждение за труд членам этого типа кооперативов, в основном, производилось в форме так называемых рабочих единиц (трудодней) и только небольшая часть финансовых ресурсов составляла компенсацию за использование земли, переданной ЕСХК. IV-й тип отличался тем, что его члены получали вознаграждение только в зависимости от количества и качества работы, выполненной для кооператива, независимо от внесенного размера участка земли [4].

Власти старались избегать использования термина «колхоз». Как отмечал председатель внешнеполитической комиссии Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков В. Григорьян, «у меня создалось впечатление, что Готвальд и некоторые другие руководители КПЧ не только боятся приступить к

практической работе по социалистической переделке деревни, но они боятся вслух произнести слово колхоз» [3, с. 104]. Это же подтверждал заместитель председателя Национального собрания Чехословакии В. Прохазка («слова «колхоз», «коллективизация» являются чуть ли не запретными словами в Чехословакии, которых боялись касаться» [3, с. 203]). Такой же подход был актуален и в отношении применения в публичном пространстве термина «кулак», к последним, как сообщала сотрудница Министерства внутренних дел Миллерова, причисляли «всех крестьян, владеющих наделом земли более 15 га» [3, с. 28].

Среди не только рядовых коммунистов, но и некоторых лидеров КПЧ не было твердой уверенности в необходимости создания кооперативов в Чехословакии. Так, председатель Национального собрания Чехословакии О. Йон «пытался осторожно внушить мысль» послу СССР в Чехословакии М. А. Силину «о неприемлемости колхозов в Чехословакии и ссылаясь на «особую» психологию чешского и словацкого крестьянина, на «особые» условия развития механизации земледелия в ЧСР и т. д.» [3, с. 148]. Он также отмечал, что для крестьянок идея кооперации выглядела более привлекательно, так как «товарищества облегчают труд женщин: строят прачечные, бани и механизуют прежде всего тот труд, который выполняют крестьянки» [3, с. 149].

Поэтому неудивительно, что первая волна кооперации сельского хозяйства весной 1949 г. спровоцировала сопротивление крестьян и это заставило коммунистов пересмотреть как формы проведения коллективизации деревни, так и ее сроки. С целью пропаганды преимуществ социалистического хозяйствования ставка была сделана на создание двух-трех образцовых кооперативов в каждом районе [4]. Однако, по наблюдениям Генерального консула СССР в Братиславе Н. Г. Новикова, «в настоящем смысле образцовых единых сельскохозяйственных кооперативов в Чехословакии и, в частности, в Словакии еще нет» [3, с. 196].

Одним из методов популяризации колхозов являлись поездки чехословацких крестьян в Советский Союз (к примеру, поездка крестьянской делегации 30 июня 1950 г. и «несколько позже» трех делегаций «по 30 человек из машинно-тракторных станций, госимений и агрономов» [3, с. 352]). Но и здесь были определенные сложности в сравнении с другими странами этого региона. М. А. Силин видел в этом отчасти и вину самого К. Готвальда, который был «убежден, что чехословацким крестьянам, пожалуй, нечему учиться в колхозах в СССР, их, чехословацких крестьян, трактором или с/х машинами не удивишь, а чешские крестьяне живут богаче многих крестьян других стран» [3, с. 191].

В 1950 г. было принято решение об ускоренном создании ЕСХК. Так, министр сельского хозяйства Чехословакии Ю. Дюриш в беседе с М. А. Силиным в сентябре 1950 г. сообщил, что «сельское хозяйство Чехословакии в этом году добилось определенных успехов, и что сейчас уже почти в 3000 селениях распаханы межи и будут организованы коллективные посевы, что составит около 1 миллиона гектаров» [3, с. 392]. Он также отметил серьезные трудности в работе машинно-тракторных станций (МТС) и заявил, что Министерство сельского хозяйства Чехословакии «решило пригласить из Советского Союза советника для организации работы МТС», а также «группу советских колхозников, которые ознакомятся с работой чехословацких единых сельскохозяйственных кооперативов и окажут им практическую помощь» [3, с. 392].

Уже в конце января 1951 г. в Чехословакии насчитывалось 7110 ЕСХК. Из них 2026 – II-го типа, 1688 – III-го типа, 154 – IV-го типа [4]. Власти активно поддерживали создание ЕСХК III-го и IV-го типов административно-командными методами. Тем не менее, со временем становилось все более очевидным, что темп коллективизации неуправляем, поэтому возникли многочисленные ЕСХК со сложными внутренними условиями, неудовлетворительными экономическими результатами, а иногда и фактически недееспособными. Это косвенно подтверждал и Ю. Дюриш в беседе с советником по-

сольства СССР в Чехословакии П. Крекотенем: «сейчас вопрос дальнейшего вовлечения крестьян в ЕСХК не является актуальным» [3, с. 479]. Предполагалось, что осенью 1951 г. будут распаханы межи только в 200 селах. Основным вопросом для чехословацких кооперативов объявлялось их «организационно-хозяйственное укрепление»: «Все внимание сейчас уделяется укреплению кооперативов третьей типа, для того чтобы эти кооперативы получили самый высокий урожай и тем самым богатый трудодень. Если это нам удастся, то середняк пойдет в кооператив высшего типа, и тем самым будет решена задача кооперирования деревни» [3, с. 480].

Такой подход к кооперированию сельского хозяйства в совокупности с гипертрофированным вниманием к развитию тяжелой промышленности не мог не сказаться как на объемах производства продовольствия, так и на снижении потребления. Стала остро ощущаться нехватка продуктов питания, вновь были введены карточки. Однако гарантированная (карточная) система снабжения населения продовольствием и товарами первой необходимости распространялась на ограниченные слои населения, прежде всего на трудовое население городов. В конце 1951 г. правительство предприняло попытку сократить число лиц, получавших карточки, за счет семей, живших в сельской местности и имевших небольшие наделы земли, главный доход которым давала работа в городах [3, с. 569]. Это стало причиной первых забастовок и волнений, в том числе и в сельской местности («члены партии сдавали свои партийные билеты» [3, с. 567]). По свидетельству министра информации Чехословакии В. Копецкого, в трудное положение попали некоторые ЕСХК, когда «их члены оказались без продовольствия» [3, с. 567].

Выход из трудностей виделся в переходе к крупному социалистическому производству в деревне. В этой связи и в 1952 г., и в первой половине 1953 г. отмечался быстрый рост кооперативов. По его темпам «Словакия опережала Чешские земли» [5, с. 130]. Однако уже во второй половине 1953 г. экономическая ситуация в стране настолько ухудшилась, что наблюдался рост протестной активности населения. Как отмечал корреспондент газеты «Правда» в Чехословакии В. А. Тарасов, при богатом урожае «крестьянство саботирует уборку»; «сотни кооперативов развалились»; крестьяне ожидали «правительственного решения о роспуске кооперативов»; в некоторые районы направлялись трудящиеся из городов, но это вызывало недовольство среди крестьян. Так, к примеру, в Прешовском районе, «вооружившись косами, вилами и другими орудиями, они проводили заводских бригадников» [3, с. 811]. В другом районе оказали сопротивление при попытках «выселить кулака»: «никто в этот день не вышел на работу» [3, с. 812]. И таких примеров было немало. Это также стало тем фактором, который заставил чехословацкие власти провести корректировку экономической политики.

Таким образом, кооперирование крестьянских хозяйств происходило в сложных экономических и политических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Vládní návrh. Zákon ze dne 1948 o prvním pětiletém hospodářském plánu rozvoje Československé republiky (zákon o pětiletém plánu). – Prague. – 1948. – Mode of access: https://www.psp.cz/eknih/1948ns/tisky/t0106_01.htm. – Date of access: 15.04.2021.
2. Zákon č. 69/1949 o jednotných zemědělských družstvech. – Prague. – 1949. – Mode of access: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/1949-69>. – Date of access: 15.04.2021.
3. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы : в 2 т. / Т. В. Волокитина (отв. ред.) [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2002. – Т. 2: 1949–1953 гг. – 928 с.
4. Туру JZD // Zákon o JZD. – Mode of access: <https://www.ustrcr.cz/data/pdf/citanka-kolektivizace/typy-jzd.pdf>. – Date of access: 15.04.2021.
5. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории : в 2 кн. / отв. ред. В. В. Марьина. – М. : Наука, 2005. – Кн. 2. – 558 с.

УДК 392:398.3(665.18)

НАЗНАЧЕНИЕ ВОСКОВОЙ СВЕЧИ В НАРОДНЫХ ОБРЯДАХ, РИТУАЛАХ, БЫТУ

Ю. Н. Руденко

Киевский кооперативный институт бизнеса и права, Украина

Показана роль восковой свечи, которая была одним из определяющих символов сакрально-ритуальной культуры украинцев. Восковая свеча занимала первое место среди ритуальных предметов, которые в течение длительной исторической традиции использования приобрели разнообразное ритуальное, магическое, защитное, лечебное назначение.

В народных обрядах, ритуалах, быту свечи использовались достаточно широко и сопровождали верующего человека от рождения до окончания земной жизни. Важное значение придавалось материалу, из которого делали свечи. Издавна во многих культурных традициях воск считался святым и жертвенным продуктом, он сохранял долю вложенных в него волшебных свойств.

Среди ритуальных предметов, которые в течение длительной исторической традиции использования приобрели разнообразное ритуальное, магическое, защитное, лечебное назначение, первое место занимает восковая свеча. Огонь восковой свечи как один из первоэлементов мироздания был первоначальным знаком жизненной и исцеляющей энергии Солнца и солнечных лучей, символом жизненной силы, плодородия, очищения.

Огонь был неотъемлемым атрибутом ритуалов еще в языческие времена. В дохристианский период, в эпоху родового быта, наши предки в большинстве случаев отдавали своих покойников огню – сжигали и верили, что души с огнем улетают на небо, на юг, где вечное лето, вечнозелено, высокоурожайно, куда птицы, вестники неба, улетают на зиму, а оттуда приносят весну [1, с. 34]. Огонь считали живым существом, которое рождается, растет, живет, умирает и снова возрождается – признаки, по которым можно предполагать, что огонь – земное воплощение Солнца, следствие божественного деяния.

Наши предки верили, что огонь имеет очищающую силу и является святым. Огонь, по древнеукраинским представлениям, величайший дар, принесенный людям в подарок Богом. Огонь алтаря – символ и проводник невидимого небесного огня, объединял семью, племя, народ и сделал их центром, в котором проявляется Святой Дух, живущий на земле.

Огонь восковой свечи – священный, был самой большой жертвой Богу и царству небесному предков. Зажигая свечу, хозяин обязательно набожно повторял: «Свети, праведное солнце, святым душам и нам, живым, грей землю-матушку, наши нивы, наш скот!» [3, с. 231].

В народных обрядах, ритуалах, быту свечи использовались достаточно часто. Свеча сопровождала верующего человека в таинстве крещения. Такую свечу иерей подавал новокрещенному или крестным родителям в правую руку [6, с. 67].

Венчальная свеча – обязательный атрибут важнейших свадебных обрядов. Она освещала таинство изготовления каравая, его украшения, обряд «соревнования» каравая, ритуальную трапезу, распределение каравая, изменение девичьего головного убора на женский [8, с. 89]. Согласно народным приметам, если во время венчания у жениха или невесты погаснет свеча – это знаменует скорую смерть. Венчальная свеча облегчит роды и уменьшит страдания больного. Если в доме появился новорожденный – она поможет отогнать нечистую силу. Если в доме умирающий – она отгонит демонов, чтобы те не похитили душу [5, с. 76].

Для настоящего христианина свеча имеет достаточно четкое прямое и символическое назначение. Как символ веры, украинский народ ставит свечи перед иконами и держит зажженные в руках во время богослужений на праздники.

Накануне Рождества Христова на празднично накрытый стол клали хлеб. У некоторых регионах Украины был обычай вставлять в него высокую восковую свечу. В Галичине и Лемковщине свечу ставили в сосуд с ярым зерном, которое впоследствии подмешивали к посевному зерну. Зажженная свеча горела весь вечер. Зажженную свечу на Святой вечер нельзя гасить, потому что это символ жизни, т. е. «солнца праведного», она должна догореть до конца. Когда же случайно кто-то погасит свечу, то верили, что в семье в следующем году будет мертвец. О свечах упоминается в колядках, как о небесном даре: «Сошли ангелы с неба к земле, принесли дары Деве Марии: три свечи восковые ...» [5, с. 78].

Иорданская свеча давала ребенку ум и смелость. Огонь Иорданской свечи благословен солнцем Дажьбога и богиней воды Даной, которая когда-то на Крещение пришла в этот мир, потому такая свеча отводила бурю, гром, пожар, всякие напасти и страхи. Она также была символом плодородия, и потому ее зажигали на свадьбе. Огнем такой свечи поджигали у виска волосы, чтобы росли густыми и красивыми, чтобы голова просвещалась разумом, а человек был счастливым [3, с. 122].

В ритуальной практике украинцев высокий семиотический статус, который нашел реализацию в целом наборе универсальных знаковых функций (защита от грома, остановки пожара, вложения в руки умирающим и зажигание при умерших, защита от нечистой силы, сглаза, болезней), имела сретенская («громнична», «громова», «grimница») свеча. Ею освящали хозяйство, зажигали в тяжелые моменты жизни, верили, что она может сохранить от бури, грома, ливней, наводнения, пожаров. Обычай освящать свечи на Сретение начался в XVII в. На праздник Сретения Господня (15 февраля по новому стилю) по всей Украине освящали восковые свечи, которые выполняли функцию оберега.

Благовещенской свечой слегка поджигали волосы: на счастье и здоровье.

Братская (мирская) свеча изготавливалась всей общиной и, бывало, весила под два пуда. Эту свечу поочередно сохраняли все жители села. Согласно поверья, пчелы давали много меда и воска тому, кто в этот год держал у себя братскую свечу. Такую свечу называли также васильевская, благовещенская, юрьевская, никольская, ильинская и т. д. – в зависимости от праздника, в которое ее зажигали. Свечу зажигали «на углу» в канун праздника, и хозяин с семьей, а также братчиками и их семьями пировали с водкой, а на следующее утро свечу относили в церковь к обедне для освящения и снова возвращали в дом, чтобы она горела на повторном пиру, при «застолье свечи»; наконец ее переносили в дом хозяина-братчика, чья очередь пришла [6, с. 123].

Страстная свеча (четверговая) – символ очистительного огня. Она отводила пожар от двора, ее также вкладывали в руки умирающему человеку. Огонь свечи «отгоняет смерть» в Великий четверг. Это – заклинание мороза, зимы и смерти, которым очищалась земля от всякой нечисти. Благочестивые люди старались запастись страстной свечой, которую зажигали во время «Страстей» в течение 12 лет. У кого была такая свеча, у того хозяйство шло на прибыль. Страстную свечу прятали как «мать огня домашнего» и использовали ее в различных случаях как символ защиты от зла [3, с. 121]. Согласно верованиям, «четверговая» свеча прогоняла ведьм и нейтрализовала подарки колдунов. Чтобы не пустить нечистую силу в дом, «четверговой» свечой выжигали кресты на окнах, дверных косяках. Если свеча спокойно и ясно горит – к счастью в доме. Если она внезапно погасла – к незванным гостям. Самому ее задувать нельзя – придет несчастье [5, с. 76]. На Полесье известен обычай: в Чистый четверг с освященной четверговой свечой нужно идти в хлев, чтобы увидеть «лису» (ласку) и по ее цвету определить, какой масти надо держать скот. На Харьковщине, «чтобы увидеть домового,

надо перед Пасхой, придя с страстей, полезть с страстной свечой на чердак, – и увидишь его в красной рубашке».

Пасхальная свеча считалась оберегом от кротов. Утром до восхода солнца хозяин с непокрытой головой нес в зубах на поле половину пасхальной свечи, чтобы кроты вымерли. Крестьяне, которые имели пчел, в Великую субботу старались украсть в церкви воду для освящения и воск от пасхальной свечи. Водой кропили пчел, а воском окуривали, чтобы были здоровы и давали много меда. Кусочек воска такой свечи клали в ульи, чтобы пчелы также радовались, как люди радуются Пасхе [4, с. 107].

Современная наука утверждает, что энергия огня исцеляет болезни, а горение восковой свечи очищает окружающее пространство не только от негативной психоэнергетики, но и от дурных мыслей и чувств [7, с. 65].

Таким образом, важную роль среди обрядовых атрибутов играла восковая свеча, которая была одним из определяющих символов сакрально-ритуальной культуры украинцев. В народных обрядах, ритуалах, быту свечи использовались достаточно широко и сопровождали верующего человека от рождения до окончания земной жизни. Важное значение придавалось материалу, из которого делали свечи. Издавна во многих культурных традициях воск считался святым и жертвенным продуктом, он сохранял долю вложенных в него волшебных свойств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виклади давньослов'янських легенд, або міфологія / уклад. Я. Головацький. – К. : Довіра, 1991. – 94 с.
2. Воропай, О. Звичаї нашого народу : етнографічний нарис в 2-х т. / О. Воропай. – К. : Оберіг, 1991. – Т. 1. – 440 с.
3. Килимник, С. Український рік у народних звичаях в історичному освітленні / С. Килимник. – Т. III. – К. : Обереги, 1994. – 400 с.
4. Кондратович, О. Народний календар Волинського Полісся від свята до свята / О. Кондратович. – Луцьк, 2009. – 198 с.
5. Кравченко, В. З побуту й обрядів північно-західної України / В. Кравченко // Збірник Волинського науково-дослідного музею. – Житомир, 1928. – Т. 1. – С. 67–114.
6. Маговій, Г. Народ у народних святах / Г. Маговій. – Чернівці : Факел, 1997. – 510 с.
7. Мовна, У. Виробнича та духовна спадщина традиційного бджільництва українців Корсунь-Шевченківського і Канівського районів Черкаської області / У. Мовна. – Л., 2011. – 83 с.
8. Пархоменко, Т. Ритуальне застосування свічки у весільних обрядах / Т. Пархоменко // Народна творчість та етнологія. – 2004. – № 5. – С. 89–92.

УДК 94(474.5+470)"1500/1600

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI ВЕКЕ В СТАТЬЯХ ЖУРНАЛА «БЕЛАРУСКИ ГІСТАРЫЧНЫ ЧАСОПІС»

О. И. Рышкевич

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Республика Беларусь

Проанализированы публикации в журнале «Беларускі гістарычны часопіс», в которых рассматривались причинно-следственные связи непростых взаимоотношений ВКЛ и Московского государства в период конца XV–XVI вв. Автор отмечает, что исследователи в своих работах уделяли особое внимание событиям военного характера, так как в это время шла борьба за возвышение одного из данных государств.

История взаимоотношений Великого княжества Литовского и Московского государства в конце XV–XVI вв. является объектом пристального внимания современных

белорусских исследователей. Значительная роль в освещении проблематики принадлежит исторической периодике Республики Беларусь и в частности научно-методическому журналу «Беларускі гістарычны часопіс».

Проблемно-тематический диапазон статей затрагивает как общие сюжеты развития дипломатии ВКЛ рассматриваемого периода, так и более частные проблемы дипломатической и военной истории княжества.

Общим проблемам внешнеполитической деятельности ВКЛ посвящена статья А. Янушкевича «Правовые и институциональные основы внешнеполитической деятельности Великого княжества Литовского в конце XV–XVI веке» [1]. В центре исследования автора находится вопрос взаимодействия великого князя литовского и специального института его советников – господарской Рады – по вопросам реализации внешнеполитической деятельности княжества. Особое внимание А. Янушкевич уделяет правовому положению сторон и их реальному участию в данном процессе [1, с. 79].

Истории организации и функционирования дипломатической службы в ВКЛ посвящена статья В. Тищенко «Дипломатическая служба ВКЛ в конце XIV – первой трети XVI в.» [2]. В исследовании автора подчеркивается, что дипломатическую службу ВКЛ в этот период возглавлял великий князь. Только он мог представлять государство на международной арене. Но все важнейшие решения дипломатического характера принимались монархом после консультаций с Радой ВКЛ. В этот период дипломатическая служба ВКЛ имела разветвленную структуру, определенную иерархию дипломатов, разработанную документацию и этикет [2, с. 79].

В 2006 г. Б. Сидоренко была опубликована статья «Эмиграция из Московского государства в Великое княжество Литовское в конце XV – первой половины XVI вв.» [3]. В статье анализируются причины переселения знати из Московского государства в ВКЛ, даются примеры «отъездов», рассказывается про судьбу переселившихся феодалов. Историк делает вывод, что особенности государственного строя и политической системы ВКЛ привлекали представителей знати Московского государства, здесь они находили новую Родину и становились частью шляхетского сословия ВКЛ [3, с. 79].

Сложности в выстраивании политических отношений между соседями прослеживаются в характеристике статей Б. Сидоренко: ««Стародубская война» (Война ВКЛ с Московским государством 1534–1537 гг.)» [4], «Восточная политика ВКЛ в первой трети XVI в.» [5].

Особое внимание белорусские исследователи уделяют истории войн и военных конфликтов между Великим княжеством Литовским и Московским государством в XVI в.

Отдельное значение имеет исследование А. Янушкевича под названием «Ульская битва 1564 г. и ее историческое значение», которое было напечатано в 2014 г. [6]. В данной статье автор рассказывает о знаменитой Ульской битве, состоявшейся между войсками Великого княжества Литовского и Московского государства 26 января 1564 г. Автор кратко рассказывает о ее предыстории, анализирует информацию о силе сторон и ходе битвы, характеризует ее итоги и последствия. Он отмечает, что победа войск ВКЛ в этой битве уравнивала баланс сил враждующих сторон в Инфлянтской войне и значительно повлияла на ситуацию на международной арене [6, с. 79].

Заслуживает внимания статья О. Дерновича «Поэма Матея Стрыйковского «Битва под Улой» (1564 г.): художественные образы и исторические сведения» [7]. В статье рассматривается ранее малоизвестное и сохранившееся только в рукописи произведение историка ВКЛ XVI в. Матея Стрыйковского – поэма «Битва под Улой». Автор статьи знакомит читателей с творческим наследием М. Стрыйковского, кратко рассказывает о битве под Улой в контексте Инфлянтской войны. Основное внимание автор уделяет анализу поэмы: ее художественным и идеологическим образам, а также историческим сведениям, содержащимся в поэме [7, с. 79].

Значение и последствия для противоборствующих сторон Инфлянтской войны также описывал А. Янушкевич в статье 2006 г. «Участие польского наемного контингента в Инфлянтской войне (1558–1570 гг.)» [8, с. 79].

В журнале «Беларускі гістарычны часопіс» 2017 г. размещена статья А. Казакова «Оршанская битва 1514 г.: о чем спорят историки?» [9]. Автор обращает внимание на важнейшие дискуссионные вопросы, касающиеся Оршанской битвы 8 сентября 1514 г.: численность войск сторон; место битвы, потери сторон, картина «Битва под Оршей» рассматривается как исторический источник [9, с. 79].

Отдельные статьи посвящены истории посольств Московского государства в Великое Княжество Литовское.

Исследователь А. Янушкевич в своей статье «Московское посольство 1554 года в Великое княжество Литовское (по материалам московских посольских книг и Метрики ВКЛ)» [10] рассматривает посольство 1554 г. из Московского государства в ВКЛ с целью ратификации перемирных грамот, подписанных в 1553 г. Автор анализирует отчет литовской стороны о ходе посольства, отмечает главный конфликтный пункт переговоров – стремление московских послов добиться от короля польского и великого князя литовского Жигимонта Августа признания царского титула московского государя Ивана IV [10, с. 79].

В 2014 г. в журнале «Беларускі гістарычны часопіс» А. Янушкевич опубликовал статью «Нереализованная идея династического брака: московское посольство Федора Сукина 1560 года в Вильно» [11]. Здесь автор освещает посольство, которое было направлено великим князем московским Иваном IV Грозным в ВКЛ в 1560 г. Основной целью посольства являлось получение согласия на заключение брака между Иваном Грозным и одной из сестер короля польского и великого князя литовского Жигимонта Августа. Опираясь на источники, автор подробно описывает ход посольства, позиции в переговорах двух сторон – литовской и московской. В статье отмечается, что посольство не достигло своей цели, потому что Жигимонт Август отказывался принимать решение по этому вопросу до снятия всех разногласий с Великим княжеством Московским [11, с. 79].

В процессе анализа статей в журнале «Беларускі гістарычны часопіс» по заданной теме стало очевидным, что авторы исследований уделяли должное внимание проблемам внешнеполитической направленности обоих государств. Исследователи рассматривали различные направления развития взаимоотношений ВКЛ и Московского государства. Поскольку в этот период шла борьба за возвышение одного из центров: ВКЛ или Московского государства, то события военного характера имели более приоритетные характеристики со стороны авторов статей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Янушкевіч, А. Прававыя і інстытуцыянальныя асновы знешнепалітычнай дзейнасці Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV–XVI стагоддзі / А. Янушкевіч // Беларус. гіст. час. – 2015. – № 4. – С. 18–25.
2. Цішчанка, В. Дыпламатычная служба ВКЛ у канцы XIV – першай трэці XVI ст. / В. Цішчанка // Беларус. гіст. час. – 2005. – № 4. – С. 22–29.
3. Сідарэнка, Б. Эміграцыя з Маскоўскай дзяржавы ў Вялікае княства Літоўскае ў канцы XV – першай трэці XVI ст. / Б. Сідарэнка // Беларус. гіст. час. – 2006. – № 8. – С. 21–29.
4. Сідарэнка, Б. «Старадубская вайна» (Вайна Вялікага княства Літоўскага з Маскоўскай дзяржавай 1534–1537 гг.) / Б. Сідарэнка // Беларус. гіст. час. – 1998. – № 1. – С. 37–46.
5. Сідарэнка, Б. Усходняя палітыка ВКЛ у першай трэці XVI ст. / Б. Сідарэнка // Беларус. гіст. час. – 2000. – № 3. – С. 40–45.
6. Янушкевіч, А. Ульская бітва 1564 г. і яе гістарычнае значэнне / А. Янушкевіч // Беларус. гіст. час. – 2014. – № 4. – С. 4–12.
7. Дзярновіч, А. Паэма Мацея Стрыйкоўскага «Бітва пад Улай» (1564 г.): мастацкія вобразы і гістарычныя звесткі / А. Дзярновіч // Беларус. гіст. час. – 2014. – № 4. – С. 13–21.
8. Янушкевіч, А. Удзел польскага наемнага кантынгенту ў Інфлянцкай вайне (1558–1570 гг.) / А. Янушкевіч // Беларус. гіст. час. – 2006. – № 11. – С. 34–39.

9. Казакоў, А. Аршанская бітва 1514 г.: пра што спрачаюцца гісторыкі? / А. Казакоў // Беларус. гіст. час. – 2017. – № 11. – С. 16–25.
10. Янушкевіч, А. Маскоўскае пасольства 1554 года ў Вялікае Княства Літоўскае (па матэрыялах маскоўскіх пасольскіх кніг і Метрыкі ВКЛ) / А. Янушкевіч // Беларус. гіст. час. – 2012. – № 4. – С. 25–27.
11. Янушкевіч, А. Няспраўджаная ідэя дынастычнага шлюбу: маскоўскае пасольства Федара Сукіна 1560 года ў Вільню / А. Янушкевіч // Беларус. гіст. час. – 2014. – № 1. – С. 19–27.

УДК 340.153

ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ПРАВА И ГОСУДАРСТВА В РАБОТАХ Г. В. МАЛЬЦЕВА

В. В. Седельник, С. Е. Чебуранова

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Республика Беларусь

Рассмотрены новейшие подходы к вопросам генезиса права и государства, сформулированные в работах российского правоведа Г. В. Мальцева. Обоснована целесообразность изучения его творческого наследия для более глубокого видения процессов генезиса государственно-сти, в том числе у древних славян.

Развитие правовой доктрины как формы теоретического знания о юридической сфере жизни общества имеет свои особенности, обусловленные, с одной стороны, тем, что правовой науке, как и любой другой отрасли научного знания, свойственны собственные закономерности эволюции и функционирования, а с другой, тем, что юридическое знание призвано давать ответы на актуальные вопросы государственно-правовой жизни. В современных условиях становится все более очевидным, что поиск оптимальных законодательных решений в той или иной сфере социальной жизни не может быть ограничен кругом юридических дозволений и запретов, выбором методов и средств нормативной регламентации поведения индивидов и организаций. Вполне логичным поэтому является возрастание интереса отечественных и зарубежных правоведов к культурологическим аспектам правовых феноменов, изучению их места и роли в духовной культуре общества. В этой связи представляется целесообразным остановиться на наиболее значимых исследованиях, открывающих новое видение права как многогранного явления, связанного с множеством факторов социальной жизни, сочетание которых образует тот неповторимый социокультурный контекст, определяющий специфику правовых институтов в конкретном государстве.

Полагаем, что в числе последних работ, которые можно отнести к фундаментальным исследованиям права в культурологическом аспекте, стоит прежде всего отметить монографию видного российского ученого Геннадия Васильевича Мальцева «Культурные традиции права» [1]. В этой работе российский правовед развивает сформулированный в предшествующих работах взгляд на будущее права и других социальных регуляторов, будущее, которое заключается в соединении научного рационализма и этического сознания. Анализируя правовое регулирование, роль вновь создаваемых институтов и комплексов, ученый приходит к выводу, что наиболее надежным и эффективным из них станет не «трансплантированный», заимствованный из зарубежной практики, а тот, который «выращен» в отечественной институциональной среде. С учетом этого становится понятным обращение Г. В. Мальцева к изучению культурных традиций права как компонента этой среды. Прежде всего, привлекает стремление ученого преодолеть существовавшее на протяжении длительного времени и сохраняющееся в юриспруденции до сих пор дифференциацию и противопоставление позитивного и естест-

венного права, рассматривая их синтез в качестве важнейшей задачи современного правоведения. Не претендуя на систематическое изложение истории культуры или права, Г. В. Мальцев сосредоточил внимание на трех осевых культурно-исторических линиях: индоевропейской, иудео-христианской, русско-православной, которые, по его мнению, наиболее ярко показывают стремление цивилизаций вопреки разнообразным препятствиям и трудностям усилить нормативно-ценностный потенциал человеческой духовной культуры.

Особый интерес для отечественной историко-правовой науки представляют те разделы труда Г. В. Мальцева, в которых анализируются древнеславянские культурные традиции и представления славян о законе и порядке, политико-правовые аспекты древнерусской культуры. Ученый приходит к выводу, что в основном правовые институты у древних славян возникали не в качестве примирительного средства, т. е. для преодоления распрей и конфликтов, сколько из отношений солидарности внутри рода, общины, племени, распространяясь впоследствии и на раннюю государственность. Этот подход, на первый взгляд, противоположен весьма распространенной в ряде современных работ точке зрения, согласно которой древнейшее право основывается на правилах примирения, которые со временем приобретают все более дифференцированный характер [2, с. 15]. Некоторые авторы отмечают при этом, что древнейшее право было средством удержания людей вместе, инструментом их примирения, воспринималось как процесс посредничества, способ общения [3, с. 235]. На наш взгляд, точка зрения Г. В. Мальцева вовсе не исключает признание примирительных начал в древних правовых установлениях, а акцентирует внимание на цели таких установлений – примирить – значит сплотить, консолидировать членов рода племени, союзов племен. Необходимо отметить, что Г. В. Мальцев посвятил немало страниц изучению роли со свойственными ему процедурами и ритуалами в еще одной крупной работе – монографии «Мечь и возмездие в древнем праве» [4].

В ней весьма обстоятельно проанализированы, кроме других проблем древнего права, институты древнего правосудия, особенности разрешения споров и конфликтов в традиционных культурах. Уместно заметить, что в последние десятилетия в зарубежной и отечественной доктрине проблемы генезиса права и государства во многом переосмысливаются, с учетом новейших достижений лингвистов, социологов, этнографов и других отраслей социогуманитарного знания. Позиция Г. В. Мальцева в вопросах генезиса государственности, в том числе славянской, выражена весьма четко и заключается в рассмотрении государства как социокультурного феномена, являющегося результатом медленного вызревания материальных духовных факторов в глубинных структурах общества.

Представляются заслуживающими научного внимания и дальнейшего развития и некоторые другие идеи Г. В. Мальцева о процессе образования права и государства. В частности, отмечая, что государство возникает органически из материальной и духовной культуры народа, российский правовед, конкретизируя свое видение политико-правогенеза, считает уместным указать на весьма длительный период этого процесса (века и полутысячелетия), а значит, прохождение обществом форм (догосударственных). Процесс образования государства, даже у отдельно взятого народа, чаще всего протекает в политэтнической среде, т. е. в нем участвуют в позитивном или негативном плане многие соседние и дальние племена и народы. В истории государственности, по мнению ученого, договоры и согласие на образование союзов между племенами столь распространенный способ образования государственной формы организации общества, как и завоевание, покорение слабых народов сильными. И, наконец, не следует забывать о том, что государства образуются длинным путем «проб и ошибок», после множества срывов и неудач.

Эти и другие идеи Г. В. Мальцева позволяют углубить наши представления об истории политико-правовых феноменов, их функциях в социуме. Исследование подобного рода требует глубочайшей эрудиции, оригинального мышления, способности к новому видению многих проблем теории и истории государства. Все это в полной мере присутствует в работах Г. В. Мальцева. Можно считать, что его работы безусловно войдут в число классических юридических исследований начала XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцев, Г. В. Культурные традиции права : монография / Г. В. Мальцев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. – 608 с.
2. Аннерс, Э. История европейского права : пер. со швед. / Э. Аннерс // Ин-т Европы. – М. : Наука, 1994. – 397 с.
3. Кашанина, Т. В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы : учеб. пособие / Т. В. Кашанина. – М. : Юрист, 1999. – 335 с.
4. Мальцев, Г. В. Месть и возмездие в древнем праве : монография / Г. В. Мальцев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 736 с.

УДК 13(47)(8)

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕДИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ СЛАВЯН

Л. Н. Семёнова

Белорусский национальный технический университет, г. Минск

Признаваемая многими научными направлениями двухуровневая топика индивидуального и коллективного сознания складывается из рационального сознания и иррационального подсознания. Нижний подсознательный уровень – это прежде всего мифология, которая до сих пор живуча и востребована. Нижним мифическим уровнем менталитета славян является дохристианское ведическое наследие, интерес к которому в настоящее время растет.

В настоящее время в белорусском и особенно российском обществе резко возрос интерес к древней дохристианской истории. Появляются различные общины, дарующие своим активистам жреческое посвящение, сообщества по изучению славяно-арийских вед, исторического наследия Гипербореи, Арианы, русичей, русской ведической грамматики, русских боевых искусств и т. д. Социальные сети пестрят группами родноверов, волхвов, адептов разных богов, любителей древностей Тартарии, Аркаима, Арконы и т. д. Книжная торговля изобилует соответствующей книжной продукцией разных жанров, готовой удовлетворить самые экзотические вкусы читателей. Не отстают от них художники, кинематографисты, музыканты.

Интерес к этой теме объясняется многими факторами, характерными для нынешнего кризисного времени, понимаемого не в качестве очередного экономического, политического и т. д. кризиса, а как смена масштабных эпох, глобальных социальных трансформаций. Влиятельный теоретик американского менеджмента П. Друкер назвал это время «водораздел», «эпоха разрыва» и подчеркнул, что мы вступили в него «где-то между 1965 и 1973 годами», миновав водораздел и вступив в «следующий век» [1, с. 11]. Но проблема в том, что новый век еще не ясен, он только манит к себе, тогда как старый реально уходит, обрушивая свои порядки, институты, системы. По словам А. И. Фурсова, «мы уже покинули старый мир, но еще не вступили в новый – сегодня мы живем между мирами, в in – between – world, как сказали бы англосаксы, на хроноводоразделе» [5]. Какой же старый мир мы покидаем, оказавшись в его «последних временах»?

В научном и общественно-политическом дискурсе обсуждаются терминальный кризис мировой капиталистической системы, библейского проекта, западной цивилизации, материалистической технократической цивилизации и т. д. Как уже ни раз бывало

в истории в эпоху подобных хроноводоразделов в Европе между древностью и средневековьем, средневековьем и новым временем, существенно меняется вся информационная картина мира, все формы общественного сознания, при этом появляются новые. Не многим людям удастся ориентироваться в происходящем, сохранять спокойствие и уверенность. Еще меньшее число не только приспосабливается к «последним временам», но даже извлекает из них выгоду. Как говорил герой романа М. Митчелл «Унесенные ветром» Рэд Батлер, самые большие состояния делаются на разрушении империй. Большинство же людей сложно переживают разрыв времен, который всегда разрушает уют привычного кокона их повседневной жизни, начиная от физических условий существования и заканчивая культурными, ментальными. Надвигающееся будущее обращено к людям своей страшной стороной, так как вырастая из разрушения прошлого, оно еще долго несет в себе его обломки, медленно затягивает нанесенные им рубцы и раны. Поэтому люди в поисках опоры обращаются к прошлому.

Обращение идет к самому давнему прошлому, так как ближайшее прошлое, как правило, тоже попадает под воздействие «ветра перемен». Неслучайно в раннем европейском капитализме итальянцы обратились не к ближайшему средневековью, а к более отстоящей от них по времени античности. Так сформировалась эпоха Возрождения, подарившая миру множество культурных шедевров. А каково давнее прошлое у наших предков – восточных славян? Есть ли у них своя античность, возрождение которой может поспособствовать уверенному продвижению к новым временам? Если обратиться к летописной истории в рамках библейского проекта, то наша история началась с IX в., с первых свидетельств о призвании варягов и образовании ими древнерусского государства. А что было в такие периоды всемирной истории, как древняя история (IV–III тыс. до н. э. – V в. н. э.) и ранняя средневековая история (V–IX вв.)? На уровне общинного сознания, глубинных архетипов, мифоса народной исторической субкультуры люди не склонны видеть своих далеких предков в те времена исключительно в облике первобытных людей. Они размышляют о том, какой же была их дохристианская история и почему она выпала из системы исторического образования, общественно-политического и культурного контекста. Этот вопрос выводит на осмысление историописания в качестве важнейшего приоритета государственного управления, роли идеологии, культуры, «интеллектуального превосходства» в подчинении стран и народов. Применительно к нашей истории в постоянных попытках ввести нас в мир западной цивилизации и выпестованной ею мировой капиталистической системы. Поэтому определение собственного будущего и путь к нему невозможны без обращения к далеким историческим истокам, которые обязательно придадут духовную силу и мощь.

Сегодня крайне трудно реконструировать информационную картину мира и духовность того далекого дохристианского времени, все увереннее облакаемые в понятие «ведическая религия», «ведическое мировоззрение» и т. д. Порой вполне современные идеи, представления, смутные интуитивные ощущения в сопряжении с редкими свидетельствами из прошлого порождают яркие понятные образы, относимые к ведическому наследию. Но это тоже важная культурная работа, духовное взросление, освоение знаний, постижение истины, вселяющие надежду и оптимизм. В конце концов, может именно так и просыпается в нашем сознании/подсознании пласт изначального мифоса, в котором логос/логическое мышление является лишь малой каплей.

Эту идею в настоящее время активно развивает современная гуманитарная наука в лице «глубинной психологии», «глубинной социологии», «глубинного регионоведения» и других глубинных направлений. Сторонники этих направлений вслед за А. Эйнштейном релятивизировали миф о прогрессе, рожденный в недрах философии просвещения, и стали формировать новое концептуальное пространство, новую топику, которую назвали «топикой глубин». Один из основоположников «психологии глубин»

швейцарский психиатр и педагог К. Г. Юнг (1875–1961) открыл феномен «коллективного бессознательного». Основатель французской «социологии глубин» Ж. Дюран (1921–2012) ввел понятие «имажинэр» (воображаемое) в качестве иррационального пласта человеческого сознания, систематизировал его режимы и основания. Благодаря подобным исследованиям все увереннее выстраивается, входя в современный общественно-научный дискурс, так называемая двухуровневая или двухэтажная топика индивидуального и коллективного сознания, соответствующая рациональному сознанию и иррациональному подсознанию. Современный российский философ и социолог А. Г. Дугин определяет ее дробью «логос/мифос», которая показывает, что логос является одним из мифологических явлений. Как пишет Дугин: «На одном уровне существует общество рациональное, построенное по определенным законам, рассудочное, дневное. А на другом – община, мир, семья. На первом этаже пребывают граждане, которые знать друг друга не знают, входят друг с другом в чисто договорные отношения, с договорной точки зрения оценивают власть, находят ее неподходящей, не справившейся с поставленными задачами. Но с точки зрения общины, семьи, мы власть полностью принимаем, любим и поддерживаем, потому что это – «отцы»» [2, с. 26].

Продолжим, что с точки зрения общины, семьи мы верим в существование душ, вселенский божественный разум, вседержительность высшего промысла, наличие не вещественного тонкого информационного мира и хотим соответствовать им, что и было стержнем ведической религии. Круг замкнулся.

Талантливый воспеватель пленительного мира ведической Руси современный тверской художник Всеволод Иванов является автором мудрой картины «Два мира Перыни». Картина окаймлена четким радужным кругом. Верхняя половина круга – это мир Яви, в котором наступает вечер. Тревожные грозовые облака медленно надвигаются на мыс, где стоит красивый новгородский каменный храм в окружении осенних деревьев, сбрасывающих листья. По реке, занимающей нижнюю половину картины, плывет лодка, в которой над веслами склонился монах в темном одеянии. В речной глади отражается исчезнувший мир ведической Руси, деревянное святилище Перуна, которое возможно много веков стояло на месте каменного храма. В водах реки отражается ладья, ведомая волхвом в белом одеянии. В этом ушедшем под воду мире все дышит покоем и умиротворением, в нем нет грозовых туч и упавших листьев. А если перевернуть картину по кругу, то и святилище, и его волхв становятся с головы на ноги. Этот светлый голубой мир оживает и становится небесным миром Прави. В картине есть историческое содержание. С X в. христианский мир, пришедший с Запада, начал вытеснять ведическую Русь, менять организацию, управление, уклад жизни. Радужный круг, в который художник поместил два мира, несет в себе глубокий философский смысл неразрывной связи этих миров и возвращения. Но не в смысле повторения, а обращения к своим собственным родным истокам, не привнесенным извне. Это очень важно для менталитета славян.

Понимание этого зафиксировано и на высоком государственном уровне. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной 9 ноября 2010 г., отмечается, что «информационная сфера превращается в системообразующий фактор жизни людей, обществ и государств. Происходит эволюция информационного противоборства как новой самостоятельной стратегической формы глобальной конкуренции. Распространяется практика целенаправленного информационного давления, наносящего существенный ущерб национальным интересам» [3, с. 6]. В Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной 18 марта 2019 г., в статье 46-й говорится: «Для повышения устойчивости общества к деструктивным информационным воздействиям необходимо сосредоточить усилия на сохранении сформированных в общественном сознании традиционных фундаментальных ценностей народа, высту-

пающих в качестве одного из основных элементов обеспечения его единства и одним из условий неуклонного развития государства» [4]. Традиционные фундаментальные ценности нашего народа коренятся и в ведическом наследии, которое необходимо спокойно и глубоко изучать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Друкер, П. Новые реальности в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении : пер. с англ. / П. Друкер. – М. : Бук Чембэр Интернэшнл, 1994. – 380 с.
2. Дугин, А. Г. Логос и мифос. Социология глубин / А. Г. Дугин. – М. : Акад. Проект ; Трикста, 2010. – 364 с.
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. – Минск : Белорус. Дом печати, 2011. – 47 с.
4. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь // СБ Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/kontsepsiya>. – Дата доступа: 21.09.2019.
5. Фурсов, А. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними / А. Фурсов // Сайт С. П. Курдюмова «Синергетика». – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/future/fursov/>. – Дата доступа: 05.05.2016.

УДК 347.626.2

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА БРАЧНОГО ДОГОВОРА

С. Н. Ховратова

Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», Республика Беларусь

Брачный договор является инструментом для регулирования имущественных отношений супругов. В статье автором дан краткий обзор истории становления понятия «брачный договор», проведен анализ основных этапов формирования и развития законодательства, регулирующего институт брачного договора.

Становление института брачного договора берет свое начало в истории древнерусского права, на каждой ступени развития брачному договору присущи черты в соответствии с государственным строем, существовавшим на том или ином этапе развития общества.

Основы брачного договора заложены в таком социальном институте, как брак. Именно брак с правовой точки зрения направлен на возникновение брачных отношений. В то же время брачный договор в этом отношении можно рассматривать как договор, направленный на урегулирование имущественных отношений и личных неимущественных между супругами.

Прообраз брачного договора также можно найти в древнерусских законах. Как такового понятия «брачный договор» в его современном понимании древнерусские законы не знали.

Брачный договор означал «гражданское обручение», т. е. обещание пожениться. Чаще всего этот договор заключали родители юных жениха и невесты и предоставляли неустойку или задаток. Но помимо неустойки или залога, что наиболее важно, в соглашении об обручении оговаривались условия приданого, его размер, безопасность и доля жениха в приданом [1, с. 34].

Следует обратить внимание, что такого рода договорные отношения оформлялись до брака. Кроме того, брачный договор, как и институт брака, согласно ценностям общества, носил пожизненный и нерасторжимый характер. Самыми распространенными типами «добрачного соглашения» были соглашение о приданом, соглашение о масон-

стве и соглашение о добрачном наследовании.

В петровскую эпоху была предпринята попытка установить образовательный ценз для дворян, намеревающихся жениться. Так на свадьбе требовался сертификат о знании арифметики и геометрии. Однако эта попытка не увенчалась успехом.

Обручение при Петре I также перестает быть неразрывным. В то же время был наложен запрет на «участие в сговоре» и на включение условия о наказании в случае несостоявшегося брака. Впоследствии это положение было отражено в Своде законов, где было установлено, что «...брак не может быть предметом гражданских сделок, и поэтому обещание вступить в брак может быть свободно не выполнено без каких-либо последствий для того, кто обещал» [2, с. 35].

С 1725 г. обручение и свадьба стали разовым мероприятием. Возникновение института брачного договора в законодательстве зарубежных стран было опосредовано ростом буржуазного слоя общества. Имея определенную долю государства, представители буржуазного класса стали нуждаться в гарантиях сохранения своей собственности даже после брака.

Первое законодательное закрепление института брачного договора в его современном понимании было осуществлено в Гражданском кодексе Франции 1804 г. В статье, посвященной регулированию имущественных отношений супругов, брачный договор определяется как «договор, заключенный в нотариально заверенной форме, определяющий режим имущественных отношений супругов, а при ее отсутствии устанавливалась так называемая правовая общность имущества супругов, распространявшаяся на их добрачное имущество и движимое имущество, приобретенное ими в браке [3, с. 92].

Что касается Беларуси, то впервые вопрос о необходимости введения института брачного договора в законодательство Российской империи (Беларусь входила в его состав) российские юристы затронули только во второй половине XIX в.

Однако если проанализировать статьи Свода законов Российской империи, можно констатировать, что принцип разделения имущества супругов был установлен. Такой режим собственности супругов не давал женщине, не имевшей самостоятельного источника дохода, а также большую часть времени занимавшейся домашним хозяйством, никаких прав на семейное имущество, что существенно нарушало имущественные интересы таких женщин. Таким образом, брачный договор в его современном понимании не был институтом российского имперского законодательства.

В послереволюционный период, т. е. в период существования власти советов, регулирование супружеских отношений, как и большинство сфер общественной жизни, характеризовалось императивным способом регулирования – общей (совместной) собственностью супругов. Вместе с тем советское законодательство предусматривало возможность для супругов вступать во все имущественно-договорные отношения, «допустимые» нормами права [3, с. 92].

В 1926 г. постановлением ВЦИК РСФСР был принят Свод законов о браке, семье и опеке (далее – КЗоБСО). В то же время закон начал действовать только с 1 января 1927 г., вводя режим общности супружеской собственности. Принятие Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР от 19 ноября 1926 г. ознаменовало новый этап в правовом регулировании правоотношений между имуществом супругов [4].

В то же время, в отличие от действующего семейного законодательства, КЗоБСО распространило режим супружеской собственности на имущество лиц, которые фактически состояли в брачных отношениях.

В своих национальных законодательствах республики могли несколько изменять эти нормы с учетом местных особенностей и сложившейся практики, но не ухудшая положение супругов. Кодекс РСФСР о браке и семье Белорусской ССР был введен в действие с 1 ноября 1969 г. и продолжил идеи КЗоБСО [5].

Таким образом, устанавливался режим совместной собственности супругов на

имущество, приобретенное во время брака, и равные права супругов владеть, пользоваться и распоряжаться этим имуществом, даже если один из них был занят домашним хозяйством, уходом за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного заработка. В случае раздела имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, их доли считаются равными.

Личным имуществом каждого из супругов считалось имущество, принадлежавшее супругам до брака, полученное во время брака в дар или в порядке наследования, а также вещи индивидуального пользования, за исключением драгоценностей и других предметов роскоши.

Следует обратить внимание, что в советский период на территории Беларуси был императивно закреплён правовой режим общей совместной собственности на нажитое супругами во время брака имущество. И как следствие – отсутствовал институт брачного договора.

Обретение в 1991 г. Республикой Беларусь государственного суверенитета детерминировало реформу системы социальных регуляторов. Институт семьи одним из первых элементов социума воспринимает новое и адаптируется к изменениям в общественной жизни. Белорусская правовая наука переходного периода инициировала проведение реформы брачно-семейного законодательства.

Как отмечает О. А. Шинкович, в начале 2000-х гг. брачный договор в Беларуси не был популярен. Однако по мере развития национального права и повышения уровня правовой культуры населения число лиц, заключающих брачные договоры и тем самым защищающих свои права и интересы в брачных отношениях, стало постепенно увеличиваться [6, с. 118].

Подводя итог, необходимо отметить, что первый концептуальный этап реформы завершился принятием 9 июля 1999 г. Кодекса Республики Беларусь о браке и семье. Длительное время белорусское семейное право состояло преимущественно из императивных норм, однако жесткая публично-правовая регламентация семейных отношений не соответствовала новым принципам государственной семейной политики Республике Беларусь, установленным Указом Президента Республики Беларусь № 46 от 21 января 1998 г. «Об утверждении основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь», в частности принципу «самостоятельности и автономности семьи в принятии решений относительно своего развития») [7].

Поэтому в метод правового регулирования семейных отношений был привнесён диспозитивный элемент, и особую роль при этом сыграло введение законодателем института брачного договора.

Изучив историческое начало брачного договора, его изменение на протяжении веков, нормативное обозначение, рационально будет предложить следующие этапы развития: зарождение; установленность; новое время; широкомасштабность; современность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспарян, А. С. Брачный контракт – гарантия семейного счастья / А. С. Гаспарян. – Ростов н/Д : Феникс, 2004. – С. 91–92.
2. Дороженко, С. С. Правовое регулирование брачного договора: теоретический и практический аспект : дис. ... канд. юрид. наук: 12:00:03 / С. С. Дороженко. – Москва, 2007. – 191 с.
3. Левушкин, А. Н. История возникновения и развития института брачного договора / А. Н. Левушкин // Семейн. и жилищ. право. – 2012. – № 5. – С. 34–38.
4. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР от 19 ноября 1926 года // СУ РСФСР. – 1926. – № 82.
5. Кодекс законов о браке и семье БССР 1968. – Минск : Госиздат, 1968. – 74 с.
6. Шинкович, О. А. Брачный договор как институт семейного права / О. А. Шинкович // Белорусское право во времени и пространстве : сб. тез. докл. Респуб. науч.-теор. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 4 дек. 2019 г. / под ред. И. П. Манкевич ; УО «Белорусский государственный экономический университет». – Минск : БГЭУ, 2020. – С. 118–119.
7. Об утверждении основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 янв. 1998 г., № 46 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

УДК 316.74:2(476)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Е. В. Шкурова

Учреждение образования «Белорусский государственный университет»,
г. Минск

Рассмотрены особенности религиозности белорусского населения через показатели вовлеченности в систему религиозных представлений и религиозной деятельности. Мировоззренческая приверженность религии сохраняет устойчивую структуру, а показатели включенности в систему культовых практик задают ценностно-нормативную рамку поведения.

В условиях социальных трансформаций, переживаемых белорусским обществом, одним из актуальных вопросов является поиск моделей изучения различных аспектов социальной динамики. Одной из наиболее заметно изменившихся за последние десятилетия сфер белорусского общества является религиозная.

Религия становится объектом социологической рефлексии с момента оформления социологии как науки, обусловив также необходимость поиска основных механизмов отражения религии, актуализировавшихся в проблеме религиозности. Ее можно определить как вовлеченность индивида, социальной группы, общества в целом в оформленную религиозную систему, существующую в виде религиозной традиции или движения, т. е. религию. В социально-философском плане религия представляет сложный феномен, основанный на религиозном опыте и средствах его артикуляции. Такой опыт, выступая источником сохранения и воссоздания религиозного смысла, обеспечивает ее функционирование как единой системы. В социологическом плане религия определяется функционирующими в единстве системами измерений: религиозных представлений, религиозной деятельности и религиозных институтов, формирующими структурно-функциональное единство [1, с. 50–51].

Осенью 2020 г. Институтом социологии НАН Беларуси проводилось изучение вопросов религиозности. В качестве генеральной совокупности рассматривалось население страны старше 18 лет. Исследование проводилось методом опроса «лицом к лицу» по репрезентативной случайной республиканской территориальной выборке с проверкой квот на последнем этапе (общий объем 2107 человек). Исследование проводилось во всех регионах Беларуси с соблюдением пропорционального представительства по основным социально-демографическим характеристикам генеральной совокупности (полу, возрасту, образованию). Полученная выборочная совокупность является репрезентативной (ошибка выборки – 2,1 % при уровне значимости $\alpha = 0,05$) по семи регионам республики (6 областей и г. Минск) и зонам проживания (областные центры (население свыше 250 тыс.), крупные города (от 100 до 250 тыс.), большие города (от 50 до 100 тыс.), города с населением от 10 до 50 тыс. и малые города с населением менее 10 тыс., поселки городского типа и сельские населенные пункты).

Традиционно приверженность установленным религиозной системой идеалам и ценностям измеряется показателями принадлежности к определенному мировоззренческому типу и конфессиональной самоидентификации.

Идентификация респондента с определенным мировоззренческим типом определяется на основании ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?». Уверенно религиозными считают себя чуть меньше трети опрошенных. Если принимать во внимание расширительную трактовку религиозности, к в той или иной степени религиозному можно отнести 90,8 % респондентов (исключение – однозначно не религиозные). Данный показатель устойчиво воспроизводится в среде белорусского населе-

ния, а движение наблюдается преимущественно в самой структуре религиозно-мировоззренческих типов.

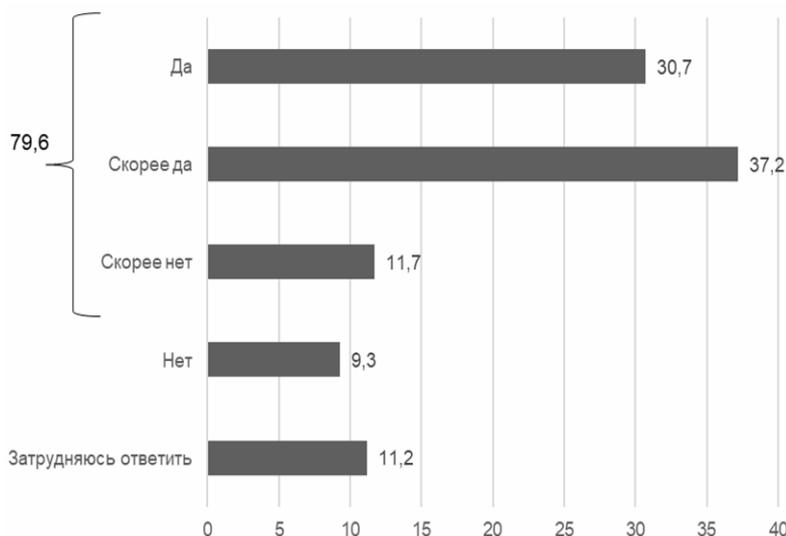

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?», %

Конфессиональная самоидентификация определяется ответом на вопрос «К какой религии (конфессии) Вы себя относите?» и демонстрирует принадлежность большей части населения к традиционным для Беларуси в силу исторического присутствия конфессиям: православию (73,5 %) и католицизму (11,0 %). Из тех, кто относит себя с другими конфессиями (2,0 %), 0,8 % указали протестантизм, 0,3 % – ислам. Отсутствие конфессиональной идентификации обозначили 13,5 % респондентов, что превышает количество опрошенных, не ассоциирующих себя с религиозными мировоззренческими типами.

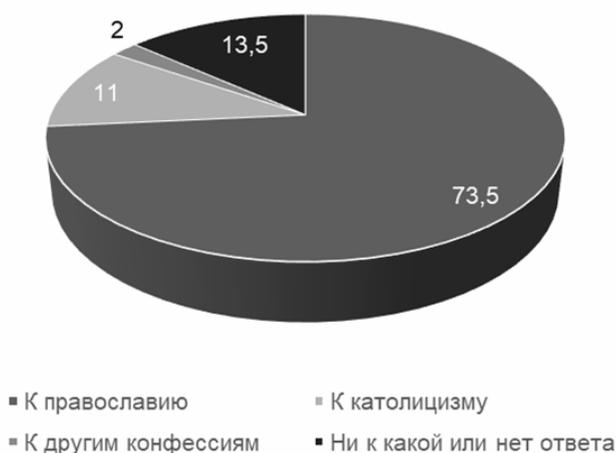

Рис. 2. Конфессиональная идентификация белорусов, %

Таким образом, значение религии в белорусском обществе остается довольно заметным, хотя и не носит явный характер. Дополнительным критерием вовлеченности в систему религиозных представлений может служить оценка обязательности соблюдения религиозных норм, выявляемая на основе вопроса «Допускаете ли Вы, что можно быть верующим, но не участвовать в церковных обрядах?». С данным утверждением

согласились 72,8 % респондентов, не согласились – 12,1 %, еще 15,1 % затруднились выразить свою позицию. Это говорит о том, что приверженность определенным религиозным идеалам не означает однозначной готовности следовать нормативным предписаниям религии и соответственно об изменении способов ее выражения.

Показатели религиозной активности определяются через включенность в систему культовых практик и соблюдение норм религиозного и повседневного благочестия. Принадлежность к религиозному типу в общественном сознании в первую очередь ассоциируется с необходимостью совершения индивидуальных религиозных практик (молитв). Вторая группа обязательств, которые, по мнению респондентов, обязательны для религиозного человека, представлена обрядовыми практиками перехода в религию (крещение и т. п.) и соблюдением норм повседневного благочестия (наличие религиозной символики). Третью группу необходимых условий образуют внешние формы соблюдения религиозного благочестия – участие в религиозных праздниках и отправлении обрядов (исповедь и причащение).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Выберите, пожалуйста, не более 5 позиций, которые, на Ваш взгляд, должен соблюдать верующий человек», %

Вовлеченность в систему религиозной деятельности определяет ценностно-нормативную рамку должного поведения, несмотря на то, что частота совершения культовых действий не высока, респонденты ориентируются на уставленный религиозной системой нормативный идеал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шкурова, Е. В. Трансформация религиозности в социокультурном пространстве постсоветского общества / Е. В. Шкурова. – Минск : БГУ, 2019. – 223 с.

УДК 351

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ – ФУНДИРУЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Н. С. Щёкин

*Государственное научное учреждение «Институт социологии
НАН Беларуси», г. Минск*

Рассмотрен феномен национальной идентичности в контексте белорусской модели государственности. Особое внимание уделено государственной идеологии как важного фактора единства страны. Акцентированно обозначена роль церкви в становлении и развитии национальной идентичности и кода страны. Также проанализированы вопросы государственной безопасности в структурно-функциональных общественных процессах Беларуси.

Национальная идентичность появляется с возникновения народа и государственности, с ощущения принадлежности к определенной нации и государства. Таким первым государством было Полоцкое княжество. Но мы все понимаем, что государственность – это высокая степень уровня культуры во всех ее проявлениях. Национальную идентичность следует рассматривать в постоянном развитии, как смысл существования белорусского народа его консолидации и как фактор укрепления и приумножения ее.

Философия национальной идентичности состоит в едином прочтении понятия Родины. Белорусскому народу на протяжении всей истории всегда были чужды революции. Можно даже сказать, что одной из ментальных черт белорусского народа – антиреволюционность. Любое социальное потрясение несет кровь, жертвы и глубокие неизлечимые шрамы в душе народа и разрушение страны. Поэтому характерная черта национальной идентичности Беларуси – сильная справедливая власть, диалог власти и граждан, сохранение исторических, религиозных и культурных традиций. Сама национальная идентичность – это храм в сердце и душе, что и является сущностью. Достоинно прожить – это значит чувствовать Родину в своем сердце и в своих делах, желать ей мира и добра.

На сегодняшнем поколении лежит ответственность за историческую память народа. Воспитание начинается в семье. Главные учителя истории – родители. Родительство – самое надежное сохранение традиционных устоев страны. Каждый человек должен знать, что на белорусской земле он является частью народа, поэтому должен ценить свою историю и гордиться ею и жить по совести. Национальные интересы, величие и достоинства каждого гражданина заключаются в осознании нераздельности, неразрывности с судьбой своей страны, солидарности, в понимании труда как единственного и вечного фактора быть счастливым. Именно поэтому в Конституции нашей страны закреплено право на труд. В этом уникальность основного закона Беларуси.

Воспитывать детей нужно так, чтобы они понимали, что не блогерская иллюзорная жизнь и выплескивание эмоций на площадях делают счастливыми людей, а упорный и каждодневный труд. Нельзя забывать, что зачастую наши поступки имеют большие последствия для семьи, близких, общества и государства. Философия жизни – стремиться, чтобы свои чувства, помыслы, умения, приобретенные навыки постоянно совершенствовать и реализовывать на благо каждого человека во имя процветания Отчизны. Белорус тот, у которого дети и внуки будут любить свою Родину. Нужно воспитывать не потребителя, а ответственного гражданина.

Национальную идентичность следует также рассматривать в идеологическом спектре. Феномен идеологии в современном мире является дискуссионным и его необходимо еще исследовать. Никакое человеческое сообщество не может существовать без

идеологии. Идеология – это наличие идей. Идея – это то, что человека делает человеком. Идеология – это комплекс идей, которые большинство граждан признает правильными. Исключительно в рамках государства народ может сохраниться и развиваться. Идеологический стержень нашей страны – это Великая Отечественная Война, День Независимости и построение справедливого, солидарного общества. Только государственная идеология гарантирует суверенность и бесконфликтное существование Беларуси. Наличие государственной идеологии – это залог единства страны и благополучия белорусского народа. Идеология белорусского государства отражает главную ценность – ценность жизни и мирного сосуществования всех людей в стране независимо от вероисповедания и национальной принадлежности. В то же время, национальная идентичность – объединяющий фактор сохранения традиций народа, общность его.

Особая роль в формировании национальной идентичности принадлежит Церкви [1, с. 199–216]. Сегодня следует говорить о некотором переосмыслении и возрождении национальной идентичности. Как оказалось, новые западные бюрократические, транснациональные и олигархические наднациональные структуры, навязывающие остальному миру свое понимание демократии, оказались не дееспособны вне колониальной политики. Более того, они стали целенаправленно уничтожать самое ценное, что есть у человека – национальную идентичность, связь с традицией, развязывая конфликты в разных странах. Поэтому сегодня необходимо единое прочтение национальной идентичности как многофакторного и многоаспектного феномена, охватывающего весь исторический процесс. В качестве одной из составляющих ее мною, как ученым, было предложено новое научное направление в отечественной философии «диалогичность взаимодействия церкви и государства», а также три практически значимых, перспективных сценария диалога церкви и государства, которые, на мой взгляд, могут дополнить национальную идентичность белорусского народа, так как они раскрывают еще одну грань становления и стратегию самостоятельности белорусской нации – ценностную, духовно-нравственную, мировоззренческую, гражданскую. Христианская церковь сыграла решающую роль в становлении национальной идентичности и кода Беларуси. Православие – это исторически естественная основа, которая явилась цементирующим в формировании белорусской государственности, нации, культуры, родного языка. В целом церковно-государственный диалог – основа гражданского общества.

В этой связи следует говорить о том, что патриотизм является частью национальной идентичности цивилизованной страны. Национальная идентичность как исторически обусловленная возможность общества, основанная на осознании общности культуры, истории определяет вектор мирного развития страны. Здесь и патриотизм, и любовь к Родине на опыте и памяти народа. Подвиг белорусского народа в Великой Отечественной и при послевоенном возрождении страны и самопожертвование – вот те высшие нравственные и гражданские критерии патриотизма, с которыми необходимо сегодня подходить к оценке нашей деятельности. Защита исторической правды – одна из первостепенных задач государства. Среди характерных черт белорусского народа – внутреннее состояние свободы, с одной стороны, с другой – приверженность народным традициям и баланс доверия власти и общества. Поэтому Беларусь XXI в. – государственная безопасность и противостояние любому виду экстремизма. Сильное государство может быть только при наличии сильного лидера-управленца, гаранта единства страны и суверенного права народа самому решать свою судьбу. И Беларусь тому яркий пример. Более того, в белорусской народной традиции исторически всегда и все вопросы решались на основе демократических принципов, т. е. мирными методами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щекин, Н. С. Социально-философские аспекты диалога христианской церкви и государства / Н. С. Щекин. – Минск : Беларус. навука, 2021. – 262 с.

УДК 303.444

ИСТОРИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

С. А. Юрис

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Т. А. Юрис

Учреждение образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», г. Гомель

Рассмотрены вопросы специфики исторического знания и его экспликации в художественно-образном формате, правомочности исторического мифотворчества в художественной культуре на примере кинематографических произведений о Великой Отечественной войне, сущности мифа и его роли в патриотическом воспитании граждан.

Гражданско-патриотическое воспитание населения является одним из основных направлений идеологической работы государства. Историзм является одним из базисных принципов гражданско-патриотического воспитания и реализуется через показ исторического примера, проведение исторической аналогии, изучение и анализ исторического опыта. При этом чрезвычайно важна объективность представляемой информации на уровне возможного в данный исторический момент.

Людьми во все времена нужны идеалы и герои. Инстинкт личного и социального самосохранения обуславливает потребность в поддержании оптимистического настроения, причем как относительно персональной судьбы, так и будущего той государственной, национальной, культурной общности, с которой идентифицирует себя человек. Достоинство личности тесно связано с имиджем общности, к которой он принадлежит, а имидж общности в значительной степени определяется историческим прошлым.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. дала внушительный список имен, ставших символом беззаветной любви к Родине и готовности к самопожертвованию ради Победы. Этими именами называли улицы, их присваивали предприятиям, учреждениям образования. О героях писали книги, снимали киноленты, упоминали в учебниках. Благодаря разнообразным формам идеологической работы с военным историческим наследием советские люди хорошо знали их имена и подвиги, на их примере воспитывался патриотизм и убежденность в преимуществах социалистического строя в сравнении с миром капитала.

Советская идеология канула в лету, кардинально изменилась система ценностей. Однако подвиг народа в войне с немецко-фашистскими оккупантами государственной властью не забыт, о чем свидетельствует значительное количество мемориальных комплексов, созданных в Беларуси уже в текущем веке («Яма» – посвящен жертвам Холокоста, «Буйничское поле», «Памятник детям-жертвам Великой Отечественной войны») в Красном Береге, историко-культурный комплекс «Линия Сталина», мемориалы «Памяти сожженных деревень Могилевской области», «Тростенец», «Ола» и др.).

Вместе с тем, новых героев и образцов для подражания, равновеликих героям Великой Отечественной, идеологическая система не предложила, а старых массовое сознание стало забывать. Для «освежения» исторической памяти с целью гражданско-патриотического воспитания российский кинематограф в последнее десятилетие стал активно обращаться к теме классической героики, сняв такие фильмы как «Брестская крепость» (2010), «Сталинград» (2013), «А зори здесь тихие» (2015), «Битва за Сева-

стополь» (2015), «28 панфиловцев» (2016), «Т-34» (2018) и др. Последним в этой череде стал фильм «Зоя» (2020), повествующей о подвиге Зои Космодемьянской – первой женщины, получившей высшую награду – звание Героя Советского Союза.

Выход «Зои» в прокат вызвал у искусствоведов и профессиональных критиков уже, можно сказать, традиционно, как и на предыдущие фильмы, шквал противоположных мнений и эмоций, получивших меткое обозначение «страсти по Зое». Бурному обсуждению и оценке в медийной среде подвергаются как художественные достоинства киноленты, так и соответствие показанных событий историческим реалиям. Последний аспект особенно интересен, так как в очередной раз заостряет проблему мифологизации прошлого.

Складывается впечатление, что активные критики героико-военных фильмов, требующие их полной исторической достоверности, находятся на методологических позициях классической рациональности, господствовавшей в науке с XVII по конец XIX – начало XX в. Наука тогда основывалась на принципиальном исключении субъекта познания из совокупной системы знания, форм его философского осмысления и интерпретации, субъективных привнесений в содержание знания и стремилась к финалистскому оформлению истины в ее абсолютном завершенном и не зависящем от условий познания виде. В современной науке сформировался постнеклассический тип рациональности, устанавливающий связь между получаемым знанием, особенностями средств и операций познавательной деятельности субъекта и социокультурным фоном эпохи как реальной средой существования науки. В формате постнеклассического подхода описание исторического события является сочетанием фактологии и лично и социально обусловленной интерпретации нарратора. История представляет собой образ прошлого, осмысленный в духе определенной национально-культурной традиции и оформленный в рамках конкретной политической доктрины. Тем более это характерно для художественных произведений, которые относятся к вненаучному виду социально-гуманитарного знания.

Можно понять требования соответствия исторической правде (насколько возможно), предъявляемые документалистике, автор же художественного произведения изначально имеет право на определенную долю вымысла, мифологизацию исторической действительности в зависимости от осознаваемых и даже не осознаваемых личных интересов и мотиваций. Попытки борьбы с мифологизацией истории в художественном творчестве бессмысленны, так как основной функцией художественных произведений является эмотивная функция, способность воздействовать на сферу человеческих эмоций, утолять «эмоциональный голод». Для усиления эффекта эмоционального воздействия авторам приходится в той или иной степени отступать от исторической правды, рассчитывая на успех произведения. Поэтому художественное произведение на историческую тему имеет полное право на статус мифа. Миф же, как особый социальный, культурный и даже антропологический феномен, функционирует по другим законам, нежели чисто рациональные конструкции. Он основан на эмоциональном восприятии действительности и допускает вымысел, которого требует эмоциональная часть психики. Именно поэтому вопреки сциентистским иллюзиям о полном исчезновении мифа из духовной жизни человечества по мере возвышения науки он явственно проявляется в разнообразных формах в современной культуре.

Исследователи феномена мифа указывают, что нет оснований оценивать его как неправду, вымысел или чистое заблуждение. В нем в символической форме зашифрован глубинный, неисчерпаемый и универсальный смысл, за деталями сюжета проступает глубокое постижение реальности. Миф воспроизводит некие архетипы жизни, неоднократно разыгрывавшиеся в истории, благодаря чему он оказывается гораздо ближе к истокам человеческого существования, нежели формы абстрактного, умозрительного освоения реальности [1, с. 45].

Современная художественная культура своими корнями уходит в мифологию. Произведения литературы или кинематографа нередко строятся по мифологическому клише. Мифологическое клише – это каркас произведения, цельная система, где заранее заданы образы-архетипы, отношения между ними, сюжетные линии и тип оценок [2, с. 497]. Мифологическое клише практически бессмертно, так как слушателям-зрителям-читателям нравится тот комплекс эмоций, который оно порождает, и они хотят переживать его снова и снова.

Мифологическое клише предполагает, прежде всего, противопоставление «своего» и «чужого». Свой мир необходимо охранять, защищать, поэтому в мифологиях всех народов есть архетип Героя-Воина, выдающегося по своим личным качествам человека. Этот архетип, например, эффективно используется в компьютерных играх, предоставляющих геймерам возможность примерить образ героя на себя в виртуальном мире. На нем же базируются зрелищные блокбастеры Голливуда с героями-американцами, успешно борющимися со злом в различном обличье, в том числе фантастическом и мистическом. Вполне оправданна опора на него и в восточнославянском кинематографе, тем более что реальных подвигов для сюжетной основы в нашем сравнительно недавнем военном прошлом более чем достаточно.

И, по большому счету, не так уж важно, был ли в реальности подвиг 28 панфиловцев. Даже если это целиком миф, то его значение можно сравнить с могилой Неизвестного солдата, являющейся памятником-символом героизма защитников Родины. Также и история о подвиге панфиловцев – это памятник-символ тысяч подвигов, совершенных неизвестными героями, погибшими на фронтах Великой Отечественной.

Критики современных военно-исторических фильмов считают, что отход от точного соответствия историческим реалиям превращает киноленты из героико-гуманистических трагедий в военно-приключенческие комиксы с использованием зрелищных компьютерных спецэффектов. Однако спустя 76 лет после великой Победы невозможно требовать от людей, принадлежащих к поколениям, никак не соприкасавшихся с тем временем и теми событиями, такого же уровня знания и сопереживания, что и от старших поколений, у которых родители или бабушки-дедушки были свидетелями и участниками войны. Трагедийный накал восприятия исторических событий с течением времени, естественно, снижается, такова неумолимая логика человеческой памяти и психологии. Поэтому чтобы герои Великой Отечественной стали своими для новых поколений, чтобы их имена помнили, их подвиги надо показывать, в том числе, и в современном формате, включая блокбастеры и даже комиксы. Нет ничего предосудительного в стремлении сочетать пафос и патетику советского военного кино с технологиями новейшего фильма-зрелища. Главное, чтобы в мифологических наслоениях сохранялся инвариант – мужество и жертвенность советских людей во имя свободы Родины. Это нужно делать для того, чтобы помешать попыткам, предпринимаемым западными странами, переписать историю в соответствии с текущими приоритетами и раскладом политических сил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич, П. С. Мифология наших дней / П. С. Гуревич // Свобод. мысль. – 1992. – № 11. – С. 43–53.
2. Баркова, А. Л. Мировая мифология / А. Л. Баркова. – М. : РИПОЛ классик, 2018. – 528 с.

УДК 398.222:130.2

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЮЖЕТЫ КАК АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ СЛАВЯНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

В. Н. Яхно

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Анализируются мифологические и фольклорные сюжеты славянских народов и их роль в формировании ментальности. Особое внимание уделяется принципу бинарности основных образов самобытного стиля мышления восточных славян.

Изучение ментальности создает возможность заглянуть вглубь общественного сознания и почувствовать умонастроение той или иной эпохи, попытаться более объективно оценить духовную атмосферу, так как проблема интерпретации современниками истории и культуры, особенно отечественной, всегда актуальна.

Однако в любую эпоху совокупность как традиционных, так и современных и постмодерных общностей любого социума переживает необходимую трансформацию культурной идентичности, национального самосознания, ментальности. Последние годы многие социокультурные феномены получают скорее политическую, нежели социально-философскую окраску и характеристику. Однако, в отличие от политических событий именно коллективные представления людей, их мотивы и намерения формируют в обществе картину мира, создают целостные образы жизни человека. В то же время, в отличие от постоянных и стремительных политических перемен, изменения ментальности всегда медленны и малозаметны. Возможно поэтому некоторые эпохи так «затягиваются».

Самопонимание и самоидентификация культурной общности всегда проявляется во внеисторических канонах – в фольклорных сюжетах, в мифах, которые находят место в сознании любого этноса и конкретного человека. Знаток мифологии, философ А. Ф. Лосев писал: «Миф – есть бытие личностное или, точнее, образ бытия личностного, личностная форма, лик личности» [1, с. 73]. А великий психолог XX в. Карл Густав Юнг сравнивал мифологию с отсеченной головой Орфея, которая и после смерти продолжала петь, и это пение было слышно во многих землях. Мифы, утверждал он, подобны музыке и являются обязательной частью жизни народа, так как всегда были определенной формой самовыражения, мышления и формой жизни. При этом ментальность как совокупность устойчивых духовных установок, надежд, предрассудков, и, в конце концов, материальных интересов – все это лишь «архаические остатки», присутствие которых «не объясняется собственной жизнью индивида, а следует из первобытных врожденных и унаследованных источников человеческого разума» [2, с. 15]. То есть ментальность коренится и формируется уже благодаря существующим символам, суевериям и надеждам. Конечно, в отличие от архетипа ментальность ограничена особенностями исторического времени, его социокультурными возможностями и нравственными образами.

Устойчивыми архетипами, подвергающимися мифологизации, являются образы власти и безвластия (смуты). Социальная мифология именно в лице власти и в связанном с ней характере традиционного государства обнаруживает наибольшую абстрагированность функций, дуализм образов: либо стихия неограниченной и, зачастую, преступной свободы, безвластия, либо сильная власть. В этих многогранных по содержанию понятиях просматривается и дохристианская архаичная культура рода раннегосударственных пантеонов и сакральный образ древневосточного царства, и симфонический универсализм священной империи. В ментальной истории восточных

славян эти архаические образы входят в сложное взаимодействие, проявляя себя не только в рамках древней истории, имперского, но и большевистско-советского периода.

Основные элементы мифологического мировосприятия славян, опирающиеся на двоичные оппозиции, как правило, персонифицируются: им даются имена, гендерные, цветовые и другие характеристики. Среди них: Доля и Недоля (Лихо), Горе (Печаль) – Радость (Счастье), Правда – Кривда. Общеславянское Бог, имеющий бога, долю, богатый. И Убогий, Небога (украинский – несчастный, нищий) и многие другие. Все они формируют социальные, этические, пространственно-временные и иные противопоставления, которые ярко характеризуют латентные установки, автоматизмы, долговременные стереотипы, в конечном итоге, особенности славянской ментальности.

Бинарный принцип противопоставления благоприятного и неблагоприятного для социума в коллективных образах ярко представлен в старинных преданиях о Правде и Кривде. В противоборстве этих двух жизненных позиций содержатся глубокие аксиологические установки, которые по-прежнему актуальны. Укоренившись в мифологии, пройдя через века, они стали частью современного менталитета. Эти феномены соотносятся с понятием Доли (судьбы). «Правда» в традиционном обществе олицетворяет необходимое соответствие моральным нормам и церковным установлениям. Оттого для «простого люда» при внешнем первенстве Кривды и их постоянной борьбе, победа все-таки остается за Правдой. Упоминающиеся в мифах и сказках формулировки «Какая нонче правда?» или «В наше время лучше жить кривдой» констатируют восприятие жизни как несправедливой и подчеркивают свойственное ментальности и мифологическому сознанию размежевание «прежних времен», когда все было как должно, правильно и проблемной, сложной современной жизни. Разграничение праведного и неправедного, соотнесенных с разными мирами, ярко представлено и в поговорках: «Правда у Бога, а кривда на земле», «Правдою жить от людей отбыть, а неправдою жить, Бога прогневить». Однако последнее слово за правдой: «Где правда, там и счастье», «Правда избавляет от смерти», «Праведна мужа не одолеет нужда», «Кривдою свет пройдешь, да назад не воротишься».

Двоичная оппозиция обязательна и при осознанном восприятии феноменов Доли, Судьбины или южнославянской Сречи. С одной стороны, это судьба прирожденная, сужденная, с другой, судьба «случайно наваянная», встреченная. Она соответствует отрицательному образу Злой Судьбы, Недоли, Судьбины, Горю, Обиде, Кручине. Славяне не оформили понятия абстрактного Фатума, но имели бытовую форму представлений о судьбе, которая начиналась с момента рождения и была связана с родом, дедами, культом предков. Долю определял Род, которому в старину обязательно делались подношения. В настоящее время так принято воспринимать сменившего Род Домового, который может быть в печи или у очага, также как и злыдни, Недоля, Горе, Нужда, Лихо, Кручина. Следующее причитание белорусской девушки рассказывает о Доле как владелице («подательницы») счастливой судьбы: «Добрая доля, да иди за мной з печи пламенем, з хаты камином». А в северорусских причитаниях слышен суровый образ Судьбины: «Знать Судинушка по бережку ходила, страшно-ужасно голосом водила... До суженых голов да добиралась... Их судинушка голов да вовзыскала» [3].

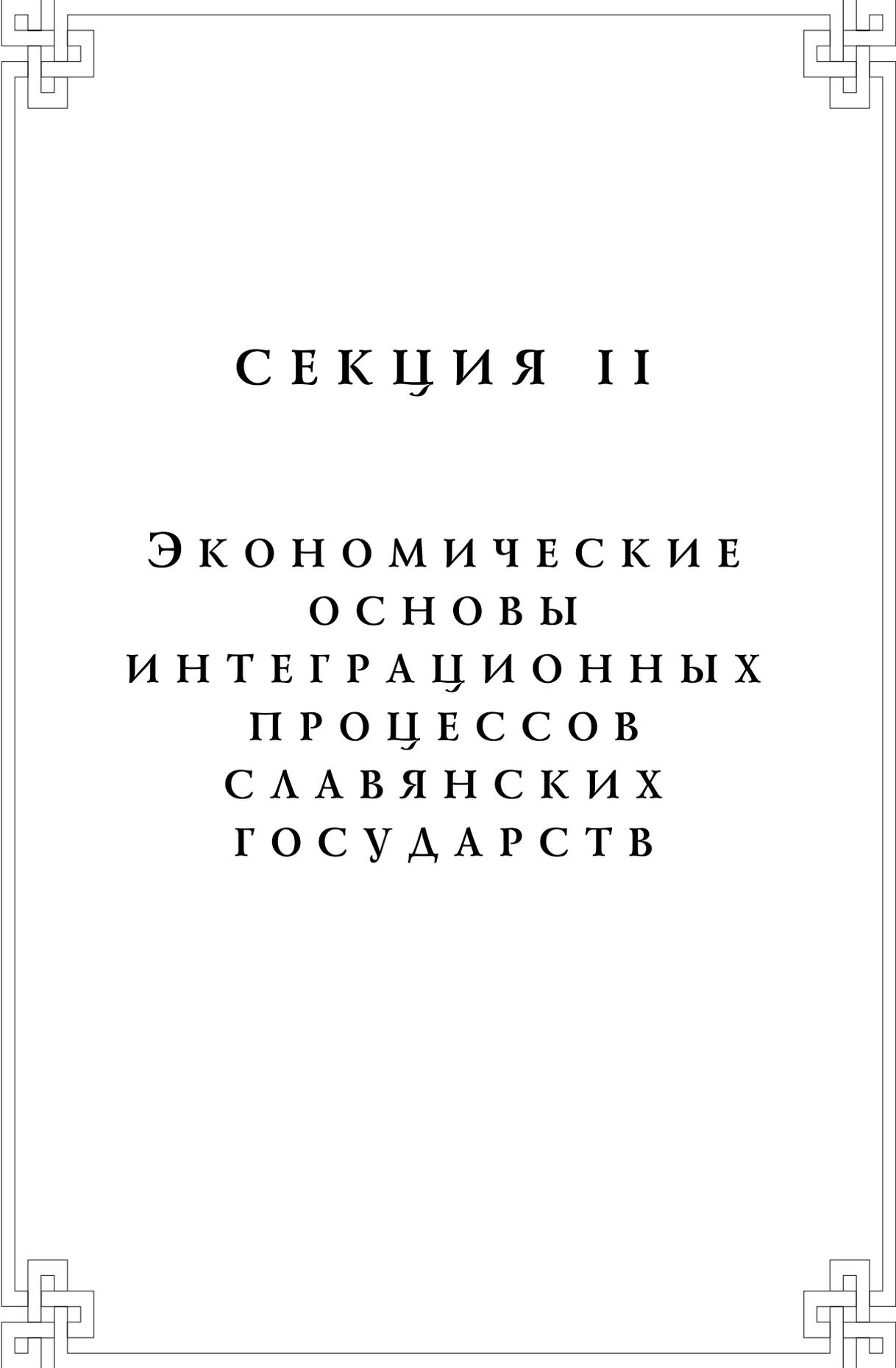
Архетип Горя-Нужды, Недоли, безусловно, один из самых распространенных дискурсов как традиционной, так и современной культуры. Это, как правило, антропоморфный образ. Нередко это красивая, но беспутная женщина или наоборот: старая, тощая, высокая. Горе порой имеет и цветовую характеристику: «Радость красна, горе серо». Если судьба (доля) дается человеку при рождении, то Горе может оказаться рядом в любое время, каждый момент нашей жизни и по разным причинам. И в древности, и в настоящее время Горе (нужда, тоска-кручина) встречаются в различных фольклорных жанрах: от сказок, заговоров, обрядовых песен до лирических, свадебных и

похоронных причитаний. Олицетворение образа Гора иногда формируется, благодаря приписывания ему ряда человеческих свойств, и это часто приводит к новым образам, например, ленивой Доли или вечно голодной Смерти, пожирающей людей. Действительно, многие черты Гора очень близки образу Смерти: избавиться от Гора невозможно, если оно привязалось к человеку, то доведет его до полной нужды. Оно, как и смерть, «сидит в головах», «идет за гробом с лопатой» – принадлежностью Смерти. Горе, как и Смерть – бессмертно: «... А твое горе не тонет, от часу-то горе копится, великова прибавляется...» [4]. Вместе с тем Смерть – это и начало нового существования, идея непрерывности, круговорота жизни и смерти. Эти две противоположности обеспечивали баланс бытия.

В заключении следует отметить: славянские народы имеют самобытную, яркую, насчитывающую тысячелетия историю и содержательную мифологию. В древности мифологическое сообщение решало важнейшую задачу сделать мир для человека более понятным и упорядоченным, миф выступал как основное коммуникативное средство, был инструментом влияния. А далее, сквозь века, весь путь цивилизационного становления общественной жизни, фольклорные сюжеты выполняли функцию социализации индивида, воспитывая у него необходимые качества для жизни в социуме. Связующая и воспроизводящая функции мифологии позволяли поддерживать традиции, ценности, нормы. И сегодня сказки, былины корректируют коллективные настроения, формируют единство аксиологических установок и ментальности народа. Миф – это вера в реальность происходящего, и он не только информирует, но и мотивирует. Миф не исчез, компоненты мифологии как архетипа обнаруживаются в современном искусстве, религии, науке, политике, медиапространстве. Он определяет нашу самобытность, стиль мышления и действий, независимо от того, осознается это нами или нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев, А. Ф. Миф – Число – Сущность / А. Ф. Лосев / сост. А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1994. – 919 с.
2. Юнг, К. Г. Душа и миф: шесть архетипов : пер. с англ. / К. Г. Юнг. – Киев : Гос. биб-ка Украины для юношества, 1996. – 384 с.
3. Веселовский, А. Народные представления славян / А. Веселовский. – М. : АСТ, 2006. – 667 с. – (Philosophy).
4. Русская мифология : энцикл. – М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2005. – 784 с. – (Тайны древних цивилизаций.).

СЕКЦИЯ II

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ
СЛАВЯНСКИХ
ГОСУДАРСТВ

УДК 321:004.9(476)

ИНДИКАТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ

А. М. Бондарева, Т. В. Савенко

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Исследована динамика индикаторов электронного правительства Беларуси с использованием данных докладов Департамента экономического и социального развития Организации Объединенных Наций.

Доклад «Электронное правительство, 2020» Департамента экономического и социального развития Организации Объединенных Наций (ДЭСВ ООН) отражает улучшение мировых тенденций в развитии электронного правительства и переход многих стран от более низких к более высоким уровням индекса развития электронного правительства (EGDI).

«...электронное правительство можно определить как использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для более эффективного и действенного предоставления государственных услуг гражданам и предприятиям. Это применение ИКТ в государственных операциях, достижение общественных целей цифровыми средствами» [1]. Методологическая база для сбора и оценки данных исследования о развитии электронного правительства основана на комплексном взгляде на электронное правительство, которое включает три важных аспекта, позволяющих людям извлекать пользу из онлайн-услуг и информации: доступность онлайн-услуг и контента, адекватность телекоммуникационной инфраструктуры, а также способность человеческого ресурса продвигать и использовать ИКТ.

Прогресс в развитии электронного правительства исследуется через оценку EGDI, который показывает уровень развития электронного правительства на национальном уровне, является сводным индексом, основанным на средневзвешенном значении трех стандартных индексов:

$$EGDI = \frac{1}{3}(\text{OSInormolized} + \text{ТИInormolized} + \text{НСInormolized}),$$

где OSI – индекс онлайн-обслуживания, отражающий объем и качество онлайн-обслуживания; ТИ – индекс телекоммуникационной инфраструктуры, отражающий состояние развития телекоммуникационной инфраструктуры; НСИ – индекс человеческого капитала, отражающий качество внутреннего человеческого капитала.

Каждый из этих индексов представляет собой композитный показатель, который может быть извлечен для независимого анализа. Индекс онлайн-услуг (OSI) основан на данных независимого социологического опроса, который проводит ДЭСВ ООН. С его помощью оценивается уровень национального онлайн-присутствия всех 193 государств – членов ООН. В ходе данного опроса оценивается ряд функций онлайн-услуг, включая подход к масштабу, открытые государственные данные, электронное участие, многоканальную доставку услуг, услуги мобильной связи, уровень использования и цифровые барьеры, а также новые формы участия посредством применения ИКТ. Индекс телекоммуникационной инфраструктуры (ИТИ) основан на данных Международного

союза электросвязи (МСЭ). Индекс человеческого капитала (HCI) основан на данных Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры Организации (ЮНЕСКО).

Особенность современного исследования в том, что результаты EGDI, которые и раньше подразделялись на очень высокие, высокие, средние и низкие группы, были разбиты на четыре интервала (классы оценки или класс рейтинга). Эти интервалы определены первым, вторым и третьим квартилями внутри каждой группы, чтобы обеспечить более детальный кластерный анализ стран с аналогичными показателями в каждой группе. Среди стран с очень высоким индексом развития электронного правительства (EGDI) выделяются 4 подгруппы (Rating Class): HV, V3, V2, V1. Беларусь отнесена к третьей подгруппе (V2).

К 2020 г. 57 стран имеют очень высокие значения EGDI – от 0,75 до 1,00 по сравнению с 40 странами в 2018 г., что на 43 % больше для этой группы. В 69 странах наблюдаются высокие значения EGDI – от 0,50 до 0,75, а 59 стран входят в среднюю группу EGDI со значениями от 0,25 до 0,50. Только восемь стран имеют низкие значения EGDI (от 0,00 до 0,25), что представляет собой сокращение на 50 % числа стран в этой категории в сравнении с 2018 г. [2, с. 266–272]. Среднее значение индекса EGDI в мире продолжает расти, достигнув 0,60 в 2020 г. по сравнению с 0,55 в 2018 г. [2, с. 33].

Беларусь осталась в группе стран с очень высоким EGDI в период 2018–2020 гг., как видно из представленных в таблице данных.

Индекс развития электронного правительства Беларуси

Годы	2012	2014	2016	2018	2020
<i>Профиль страны</i>					
Уровень EGDI	–	–	Высокий EGDI	Очень высокий EGDI	Очень высокий EGDI
Класс рейтинга	–	–	–	–	V2
Рейтинг	61	55	49	38	40
Уровень дохода	–	–	Выше среднего	Выше среднего	Выше среднего
<i>Индикаторы</i>					
EGDI	0,6090	0,6053	0,66249	0,7641	0,8084
Индекс онлайн-услуг	0,4118	0,3228	0,48551	0,7361	0,7059
Индекс телекоммуникационной инфраструктуры	0,5033	0,6069	0,63037	0,6881	0,8281
Индекс человеческого капитала	0,9120	0,8861	0,87159	0,8681	0,8912

Составлено авторами по источникам [1], [2].

В период 2012–2020 гг. рейтинг Беларуси улучшен на 21 балл, достигнут «очень высокий уровень EGDI» и класс рейтинга V2. Индикаторы-компоненты EGDI демонстрируют разные темпы роста в анализируемом периоде: 71,4 % – OSI; 64,5 % – TI; –2,3 % – HCI. Собственно EGDI как итоговый показатель увеличился на 32,7 %. Отрицательная динамика HCI проявилась из-за более точной его оценки: если в 2012 г. учитывались только показатели грамотности взрослых и валового коэффициента охвата обучением, то в 2020 г. эти компоненты были дополнены показателями ожидаемой продолжительности обучения и средней продолжительности обучения, по которым Беларусь уступает ведущим странам.

В качестве комплексного показателя EGDI используется для измерения готовности и потенциала государственных учреждений к применению ИКТ для предоставления услуг. Этот показатель необходим чиновникам, представителям правительственных структур, исследователям и представителям гражданского общества и частного сектора для более глубокого понимания относительной позиции страны в использовании электронных форм предоставления услуг. Для образовательных систем EGDI и его компоненты выступают сигналами к распространению дистанционного образования и использованию ИКТ в обучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. United Nation. E-Government Knowledge Base. – Режим доступа: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data-Center>. – Дата доступа: 12.04.2021.
2. United Nation E-Government Survey 2020. – Режим доступа: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2020>. – Дата доступа: 12.04.2021.

УДК 327.5

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЙ ИНТЕГРАЦИИ****Л. В. Вонсович**

*Учреждение образования «Белорусский государственный
университет физической культуры», г. Минск*

Посвящена проблеме интеграции России и Беларуси в рамках Союзного государства на современном этапе. Проанализировано развитие двухсторонних отношений, начиная с момента подписания Союзного договора, обозначены перспективы объединения двух стран, а также рассмотрены вопросы, связанные с внешнеполитической стратегией Республики Беларусь относительно Российской Федерации.

Современная система международных отношений, отличающаяся нестабильностью и неустойчивостью, ослабляемая противоречиями между центрами силы – США, Китаем, Российской Федерацией, Европейским союзом, а также между ними и государствами развивающегося типа на фоне распространения коронавируса, сталкивается с целым рядом вызовов глобального масштаба и соответствующими им турбуленциями. Возможность мирового сообщества решать проблемы экономического, политического, социального и иного характера сведена к минимуму. Понимание данного обстоятельства вынуждает государства, имеющие схожие интересы, двигаться в сторону интеграции. Для Республики Беларусь ориентация на интеграцию с Россией по-прежнему является приоритетной. Российской Федерации данный процесс тоже интересен, поскольку Беларусь для нее является надежным союзником, своеобразным гарантом реализации ее национальных интересов на западном направлении.

Создание единого Союзного государства было начато подписанием соответствующего Договора в декабре 1999 г. Однако длительное время данный документ существовал больше на бумаге, нежели реализовывался в действительности. Многие намерения, в частности, создание общего двухпалатного парламента, конституции, суда, счетной палаты и валюты с единым эмиссионным центром, так и не были осуществлены. События внутривнутриполитического характера в России подтолкнули правящую элиту соседнего государства активизировать процессы, направленные на более глубокую интеграцию двух стран. В 2019 г. официальный Минск потребовал у России компенсацию из-за российского налогового маневра в нефтяной отрасли. В ответ находящийся на тот

момент во главе правительства Д. А. Медведев поставил перед Беларусью дилемму: углубить интеграцию и рассчитывать на соответствующие преференции со стороны Российской Федерации или сохранить Союзное государство в прежнем виде, но при этом лишиться финансовой поддержки.

Белорусская сторона пошла на переговоры с Россией. Программа переговоров включала 31 «дорожную карту», подписание которых по версии российского правительства сулило двум странам углубление интеграции, прежде всего, в экономической сфере. Планировалось принять единый Налоговый кодекс, разработать единую систему государственного регулирования экономики, осуществить проведение общей таможенной политики, создать общий регулятор в области энергетики, утвердить объединенный банковский надзор и единый регулятор нефтегазовой отрасли. Реализация подобных планов могла привести к частичному объединению двух экономических систем, что в дальнейшем, возможно, стало бы основой политической интеграции, создания конфедеративного государства.

Переговорный процесс, длившийся на протяжении 2019 г., зашел в тупик. Дорожные карты об углублении интеграции в рамках Союзного государства так и не были подписаны. А. Г. Лукашенко назвал отдельные заявления руководства России «шантажом» и счел невозможным реализовать вторую фазу белорусско-российского интеграционного проекта без учета интересов белорусской стороны. При этом ни от союза с Российской Федерацией, ни от самой идеи углубленной интеграции Беларусь не отказалась. В то же время неоднозначно на данную проблему отреагировало белорусское общество. Единым для всех белорусов стало мнение о сохранении страной государственного суверенитета, признанного одним из важнейших национальных интересов Республики Беларусь.

В 2020 г. вновь был поднят вопрос о возможности активизации интеграционных процессов. Россия оказалась одним из немногих государств, поддержавших Беларусь в разрешении ее внутривнутриполитического кризиса, а значит, доказала серьезность намерений оказывать помощь своему партнеру в рамках Союзного государства. На сегодняшний день многие противоречия в отношениях двух стран преодолены. Однако рассчитывать на стремительное развитие двустороннего взаимодействия в направлении углубленной интеграции не приходится. Инициатива актуализации Союзного договора, ранее исходившая от России, на настоящий момент несколько притупилась. Это имеет свое объяснение. Во-первых, в результате обнуления Конституции Российской Федерации В. В. Путин решил вопрос о возможности своего дальнейшего пребывания у власти. Во-вторых, изменилась внутривнутриполитическая ситуация в самой России. Активизация деятельности оппозиционных сил, давление и санкции Запада не дают возможности правящей элите Российской Федерации сконцентрироваться на перспективах экономического и политического сближения двух стран. В-третьих, белорусская сторона заинтересована в активизации переговоров о «дорожных картах», в том случае, если их подписание не будет идти вразрез с интересами Беларуси в плане сохранения государственного суверенитета. В-четвертых, на характер отношений двух стран, безусловно, влияют внешние обстоятельства. Это и бушующая в мире пандемия коронавируса, и падение цен на нефть, и начало рецессии в мировой экономике, о чем не так давно заявили представители МВФ. В такой ситуации будущее Союзного государства стоит под вопросом. Пока указанные выше проблемы не будут решены, каждая сторона останется на своей позиции, а вопрос углубления интеграции будет отодвинут на неопределенное время.

Нынешнее состояние отношений двух стран и перспектива их сближения в рамках Союзного государства имеет ряд вопросов. Экономическая интеграция России и Беларуси развивается на сегодняшний день не столько в соответствии с хозяйствен-

но-рациональными расчетами и потребностями, сколько является следствием политических инициатив руководства обеих стран, которые ориентируются, прежде всего, на геополитическую и военно-стратегическую составляющие союза. Разность экономических систем, стремление Беларуси удерживать экономику под жестким государственным контролем приводит к замедлению интеграционных процессов, их противоречивости и к тому, что многие из провозглашенных начинаний так и остаются декларациями о намерениях. Россия обвиняет Беларусь в торможении реформ в сфере экономики, белорусская сторона, в свою очередь, считает, что Российская Федерация должна создать равные условия для субъектов хозяйствования в рамках Союзного государства, поскольку это прописано во всех документах и в самом Договоре.

Важным в отношениях двух стран является и вопрос относительно равенства партнеров в Союзном государстве. Союзы в политике – это дело достаточно обычное, но реальны ли они, если существует такая разница в «весовых категориях»? Российская Федерация – это один из центров силы, который претендует на значительное, если не на определяющее место в мировой политике. Она активно ведет борьбу за сферы влияния, обладает многочисленными ресурсами и значительным потенциалом развития. Беларусь представляет собой небольшое государственное образование, не имеющее возможности влиять на характер как региональной, так и мировой политики. Отсутствие собственных ресурсов делает ее зависимой от других государств и, прежде всего, от России, которая является главным рынком сбыта товаров белорусских производителей и главным источником сырья. Поэтому закономерным является вопрос: «Какой статус в Союзном государстве предлагается Беларуси?». Республика Беларусь во взаимоотношениях с иными субъектами международных отношений стремится избегать навязывания неких условий существования и стандартов поведения, которые могут причинить реальный вред ее национальным интересам. Россия не должна быть в этом плане исключением. Нельзя позволять оказывать на себя давление и быть объектом манипуляций даже со стороны партнера по Союзному государству.

Весьма специфичным является отношение самих белорусов к союзу с Россией. С одной стороны, есть безусловная тяга к братским добрососедским отношениям, с другой – недоверие и страх перед угрозой быть поглощенными соседней державой. Эта противоречивость настроений белорусского народа во многом объясняется положением Беларуси на цивилизационном разломе между Западом и Востоком, отсутствием собственной государственности многие века, «поликонфессиональностью социума, сохранением элементов советской ментальности у определенной части белорусского этноса, а также рядом других факторов, серьезно замедливших процесс национального строительства» [1, с. 96]. Историческое прошлое, наполненное политикой гнета и эксплуатации белорусов со стороны различных держав, передающиеся от предков современным поколениям на генетическом уровне настроения и чувства отрицательно влияют на выбор вектора цивилизационного развития суверенного белорусского государства.

При ориентации на углубленную интеграцию с Россией политическая элита Беларуси должна учитывать и то обстоятельство, что определенная, более молодая часть белорусского общества не помнит, как жили их родители в одной стране с Россией. Для многих белорусов независимая Беларусь с ее правовыми и политическими атрибутами – это потребность, необходимость и нечто само собой разумеющееся. Поэтому идея о полном слиянии с Российской Федерацией неприемлема и будет всегда иметь ярых противников. Граждане Беларуси считают, что страна должна быть независимой, а свои отношения с Россией она должна выстраивать на основе международных договоров. Если говорить о Союзном государстве, то в представлении граждан Беларуси два государства должны взаимодействовать друг с другом по принципу равноправного союза с возможностью создания наднациональных органов управления. Население

страны заинтересовано в тесной экономической интеграции, торговле, культурной и гуманитарной интеграции, а также во взаимодействии России и Беларуси в военной и военно-технической сфере, где Союзное государство дальше всего продвинулось.

Таким образом, совместная деятельность двух государств должна быть нацелена на защиту национальных интересов и Республики Беларусь, и Российской Федерации. При этом России и Беларуси следует помнить, что именно в согласовании интересов, в нахождении большего числа точек соприкосновения кроется значительный потенциал для развития двухсторонних отношений, разрешения возникающих разногласий и трудностей. Поиск механизма согласования интересов, в том числе и в деле углубленной интеграции без сомнения будут посвящены встречи президентов Беларуси и России Александра Лукашенко и Владимира Путина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мядель, А. П. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации / А. П. Мядель // Феномен границы в глобализирующемся мире : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова ; редкол.: М. А. Слемнев (гл. ред.), Е. В. Давлятова, Э. И. Рудковский. – Витебск, 2020. – С. 94–97.

УДК 332

ДИНАМИКА ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ЕАЭС

Р. И. Громыко

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Проведено исследование динамики интеграционных процессов и факторов, их определяющих. Отмечено, что ключевым моментом интеграции стран ЕАЭС является углубление кооперационных связей и формирование региональных цепочек добавленной стоимости.

Интеграция является фактором экономического развития страны. Интеграционные союзы создают предпосылки для роста объемов региональной торговли, улучшения ее качественной структуры, роста инвестиций и реализации национальных сравнительных преимуществ. Оценка динамики интеграционных процессов позволяет оценить результативность интеграции и перспективы ее развития.

Теоретические основы исследования интеграционных процессов разработаны Я. Винером и Б. Балассой. Якоб Винер описал эффекты создания торговли (tradecreation) и отклонения торговли (tradediversion), которые возникают в силу изменения режима тарифного регулирования при формировании таможенного союза как одной из форм региональных торговых соглашений. Б. Баласса разработал и проанализировал этапы и формы развития экономической интеграции.

В настоящее время для оценки количественных показателей интеграционных процессов в Европейском союзе используется EU Index, который является сводным и включает 25 показателей, позволяющих дать всестороннюю оценку эффективности участия страны в интеграционных процессах. Для оценки эффективности торгового сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС и далее – Союз) используются две группы показателей: группа объемных показателей взаимной торговли стран, которая характеризует роль внутри блоковой торговли по сравнению с торговлей с третьими странами. Эта группа показателей отражает, прежде всего, масштабы сотрудничества и косвенно – влияние институциональных условий для взаимной торговли (институциональные и регулятивные преимущества торговли со странами блока по сравнению с торговлей с третьими странами). Вторая группа показателей характеризует развитие процес-

сов специализации и кооперации между странами-участниками торговли. Они отражают проявления в торговле развития производственного сотрудничества, в том числе в рамках производственной кооперации и развития производственных цепочек.

Рост взаимной торговли (так называемый эффект создания торговли) стран интеграционного союза является свидетельством реальных преимуществ, возникающих в рамках группировки, и подтверждает эффективность процесса интеграции и его выгоды для стран-членов.

За пять лет функционирования ЕАЭС совокупный объем внешней торговли увеличился на 26,5 % [1]. Факторами положительной динамики взаимной торговли эксперты называют: рост реальных доходов населения, снижение курсов национальных валют, формирование общих «правил игры» (например, общих норм технического регулирования), что приводит к снижению транзакционных издержек и создает стимулы для расширения экономических связей между экономическими агентами. Наибольшую значимость во взаимной торговле стран имеют готовые изделия. Удельный вес готовых изделий в товарной структуре взаимной торговли ЕАЭС увеличился с 59,8 % в 2015 г. до 64,5 % в 2019 г. Однако следует отметить, что в структуре готовых изделий доля товарного сегмента с высоким уровнем передела остается неизменной на протяжении всего периода существования Союза и равна 60 %. Это указывает на необходимость развития промышленной кооперации и внутриотраслевой торговли.

За тот же период функционирования ЕАЭС совокупный объем внешней торговли с третьими странами увеличился на 26,5 %. В структуре импорта с третьими странами преобладают готовые изделия, их доля возросла с 87,6 % в 2015 г. до 90,8 % в 2019 г., а доля готовых изделий с высоким уровнем передела составила 81,7 % в 2019 г. Это указывает на сохраняющуюся технологическую зависимость стран Союза и остается фактором, замедляющим интеграционные процессы.

По этой причине вектор торговых связей государств ЕАЭС остается ориентированным в большей степени на третьи страны, нежели на партнеров по Союзу. Укрепление взаимных торговых связей возможно путем развития промышленной кооперации, активного расширения внутриотраслевой торговли и, как следствие, вовлечения государств-членов ЕАЭС в формирование внутрирегиональных цепочек добавленной стоимости.

Для оценки уровня развития процессов кооперации и специализации производства между странами, которые участвуют в торговле, предлагается использовать индексы внутриотраслевой торговли и комплементарности торговли [2]. Их анализ показывает, что улучшение динамики интеграционных процессов после 2015 г. произошло вследствие улучшения показателей, связанных с объемными показателями взаимной торговли, но не показателей, которые в большей мере отражают углубление кооперации и специализации между странами-членами ЕАЭС. Таким образом, в сфере торговли интеграционный эффект проявляется благодаря в основном объемному (количественному) развитию торговли на основе устранения торговых барьеров между странами и улучшения институциональных условий для развития торговли. Однако интеграционный процесс не привел к углублению кооперации и специализации производства стран его участниц и соответственно к статистически наблюдаемому в показателях торговли усилению экономической взаимосвязанности производственных предприятий и комплексов стран ЕАЭС. Нельзя не согласиться с авторами доклада «Оценка интеграционных процессов в сфере торговли», что сегодня можно говорить о модели интеграции «сверху», которая проявляется в устранении регулятивных барьеров для торговли, но не подкрепляется пока углублением интеграционных процессов «снизу» на уровне предприятий и бизнеса [2].

Предпосылкой развития международной и региональной производственной кооперации является наличие у страны сравнительных преимуществ. Интеграция позволяет национальным фирмам максимально использовать принцип сравнительных преимуществ и подключиться к международным производственно-сбытовым цепочкам (ПСЦ). Для оценки участия страны в ПСЦ используются индексы выявленных сравнительных преимуществ Балассы. Как показывают проведенные исследования, наибольшее количество отраслей с выявленным сравнительным преимуществом имеет Беларусь, наименьшее число – Казахстан и Кыргызстан [3]. Как правило, страны Евразийского союза специализируются на начальных и промежуточных стадиях производства и сравнительные преимущества стран сосредоточены в отраслях со средненизким и средним уровнем использования НИОКР. Отрасли со средневысоким и высоким уровнем НИОКР в меньшей степени вовлечены в интеграционные процессы. Наиболее активно использует промежуточный импорт Республики Беларусь. Развитию производственной кооперации препятствует ограниченность промышленной политики в рамках ЕАЭС, географическая удаленность стран, доминирование экономики России и небольшой размер ее импорта в рамках Союза. Показатель открытости экономики и значимости взаимной торговли для России является одним из самых низких среди стран ЕАЭС (для сравнения уровень открытости: Республика Беларусь – 0,615, Российская Федерация – 0,035). Доля торговли с государствами-членами ЕАЭС составляет не более 8 % [4].

Институциональным основанием для развития кооперации и роста взаимного промежуточного импорта товаров является разработка и реализация единой промышленной политики Союза. В рамках договора страны самостоятельно разрабатывают и реализуют промышленную политику. Координация политики ограничивается промышленным сотрудничеством, что не позволяет реализовать сравнительные преимущества стран и ликвидировать технологическое отставание от развитых стран. Необходим переход от «промышленной политики в рамках ЕАЭС» к «евразийской промышленной политике» [4]. Возможные направления реализации политики: развитие отраслей, имеющих потенциал замещения импорта и увеличения экспорта в третьи страны; развитие отраслей, встроенных в международные производственные цепочки и производственные цепочки в рамках ЕАЭС; развитие в странах-членах отраслей, обладающих сравнительными конкурентными преимуществами и имеющих перспективы расширения поставок на внутренний рынок региональной группировки. Особое внимание в рамках политики должно быть обращено на развитие наукоемких опережающих технологий, создание кластеров новых производств в связи с технологическим отставанием стран Союза.

Таким образом, отмечая значимость институтов, международно-правовых норм, содержащихся в актах ЕвразЭС и Таможенного союза («правил игры») для эффективности функционирования ЕАЭС, следует подчеркнуть, что драйвером интеграционных процессов является структурная политика и ее определяющее звено – промышленная политика. Главная цель евразийской промышленной политики – создание технологических цепочек, цепочек добавленной стоимости по производству наукоемкой продукции.

Сегодня, несмотря на то, что страны ЕАЭС имеют потенциал включения в ПСЦ, региональные цепочки добавленной стоимости развиты слабо и не покрывают весь процесс создания продукции отрасли. Производственная кооперация развивается в средне-либо низкотехнологичных отраслях. Настоятельная необходимость проведения общей промышленной политики вызвана технологическим отставанием региона, что снижает стимулы для интеграционных процессов и препятствует ускорению его динамики.

Модель интеграции «сверху», которая опирается на устранение регулятивных торговых барьеров, должна быть подкреплена интеграционными процессами на уровне предприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евразийская экономическая интеграция–2020 // ПУБЛИКАЦИИ ЕАБР. – М., 2020. – 80 с. – Режим доступа: https://eabr.org/upload/iblock/d21/EDB_Integration_2020_2020_08_25.pdf. – Дата доступа: 16.04.21.
2. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли : междунар. докл. – Режим доступа: <https://tradepol.hse.ru/data/2020/05/21/154.pdf>. – Дата доступа: 16.04.21.
3. Белоусов, А. Участие стран Евразийского экономического союза в международных производственно-сбытовых цепочках / А. Белоусов // Банк. весн. – 2017. – С. 34–42. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/bv/articles/10410.pdf>. – Дата доступа: 16.04.21.
4. Ткачук, С. П. Повышение эффективности экономической интеграции государств-участников ЕАЭС / С. П. Ткачук. – Режим доступа: <http://ords.rea.ru/wp-content/uploads/2020/12/Тkachuk-S.P.pdf>. – Дата доступа: 16.04.21.

УДК 321.02(476)(470+571)

РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ В СФЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

М. Ю. Зинченко

Научно-исследовательский институт теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Рассмотрены ключевые направления разработки и практической реализации проектов (кейсов) в сфере сохранения исторической памяти и внедрения элементов исторической политики в рамках Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации. Проанализированы развитие сотрудничества в данном вопросе и достигнутые результаты, а также их значение. Обозначены перспективы углубления и расширения сотрудничества в рамках проведения скоординированной исторической политики.

Сегодня гуманитарные дисциплины переживают «мемориальный бум», и тема памяти в них стала сквозной. Многие актуальные вопросы политической повестки лежат в плоскости исторической памяти и решаются в рамках исторической политики. В ситуации активного формирования новых геополитических контуров постсоветские государства испытывают на себе противоречивые последствия глобальных ментальных, цивилизационных и политических трансформаций. В условиях становления в евразийском периметре национальных историографических школ и создания национальных экспертных сообществ, а также усиления давления со стороны коллективного Запада проблемы политики памяти (исторической политики) зазвучали с особой актуальностью и приобрели широкий общественно-политический резонанс.

В условиях мировой социально-политической нестабильности в качестве ответа на данный вызов последовательно и системно расширяются и углубляются интеграционные процессы в рамках Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации. В связи с этим научно-теоретический и практический интерес представляет изучение направлений и опыта сотрудничества Беларуси и России в области исторической памяти и исторической политики.

Белорусские и российские ученые, парламентарии, дипломаты, государственные и общественные деятели, эксперты, взаимодействуя в вопросах исторической памяти, формируют ключевые направления для сотрудничества. Акцентируем внимание на наиболее значимых примерах. Так, в 2016 г. Институтом истории Национальной академии наук Беларуси совместно с российским фондом «Историческая память» была создана Ассоциация историков «Союзная инициатива памяти и согласия». Ассоциация призвана содействовать изучению общих тем в истории России и Беларуси, гармонизации пространства исторической памяти наших стран. Под эгидой и при активном уча-

стии Ассоциации историков проводятся конференции, семинары, круглые столы, встречи и иные мероприятия; ведется издательская и выставочная деятельность. Так, при содействии Ассоциации был издан фундаментальный труд белорусских и российских историков «Страна в огне». Издание состоит из трех томов по две книги каждый. Две книги первого тома «1941 год» вышли в 2012 г., книги второго тома «1942–1943. Коренной перелом» – в 2017 г., а заключительные две книги «1944–1945. Освобождение» увидели свет в 2018 г. Также в 2018 г. вышла книга Анатолия Кривороты «Взаимодействие партизанских формирований Беларуси и России в тылу немецкой группы армий «Центр» (1941–1944 гг.)». С 2019 г. издается журнал «Белорусский исторический обзор», учрежденный Ассоциацией историков «Союзная инициатива памяти и согласия». При этом необходимо отметить, что данная Ассоциация участвует в публичной экспертной дискуссии по вопросам исторической памяти и реализации государственной исторической политики [1].

Проводятся конференции и другие мероприятия по вопросам исторической памяти и исторической политики Союзного государства. К примеру, в январе 2020 г. в культурно-деловом центре «Дом Москвы в Минске» прошла Межгосударственная молодежная конференция «Россия и Беларусь – вехи общей истории».

Кроме того, у научного и культурно-образовательного сообщества союзных стран есть позитивный опыт реализации совместных проектов. Так, в 2020 г. был завершен масштабный научно-исследовательский российско-белорусский проект «Память о Великой Отечественной войне: направления, тенденции, практики мемориализации в Беларуси и России», участие в котором приняли историки из Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина и Уральского государственного педагогического университета г. Екатеринбурга [2].

Также в 2020 г. реализован культурно-ознакомительный проект – российско-белорусский диалог дружбы и сотрудничества «Наследники исторической памяти». В рамках проекта молодые лидеры познакомились с деятельностью органов власти и общественных организаций, связанных с вопросами исторической памяти [3].

Ректор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, известный историк Вячеслав Данилович упомянул о возможности разработки и принятия единого историко-культурного стандарта Союзного государства, что, по его мнению, позволит «значительно повысить эффективность совместной работы историков. ... Подобное решение позволит вывести координацию вопросов по сохранению исторической памяти и историко-культурного наследия наших народов на качественно новый уровень. На основе единого историко-культурного стандарта Союзного государства в дальнейшем могут быть подготовлены (или усовершенствованы) учебные пособия по истории как для средней, так и высшей школы. Соответственно, молодое поколение россиян и белорусов в XXI в. будет воспитываться в общем историко-культурном информационном поле, а не на основе сомнительных историкообразных интернет-ресурсов [4].

На межгосударственном политическом уровне находят понимание и соответствующее закрепление подходы к проблематике памяти в масштабах Союзного государства. Так, в рамках VII Форума регионов, который прошел в сентябре 2020 г., работала экспертная сессия высокого уровня по теме «Образование как основа исторической памяти и дальнейшего интеграционного развития Союза Беларуси и России». Нарботки сессии нашли отражение в итоговом документе Форума. В частности, в соответствии с ним Постоянному Комитету Союзного государства предписано «рассмотреть с привлечением Национальной академии наук Беларуси и Российской академии наук возможность разработки Концепции историко-культурного стандарта Союзного государства, содержащей принципиальные оценки ключевых событий общего прошлого наших народов, ключевые подходы к преподаванию отечественной и зарубежной истории в учреж-

дениях образования Республики Беларусь и образовательных организациях Российской Федерации, перечень рекомендуемых для изучения тем, понятий и терминов, событий и персоналий... Органам власти рекомендовано «выстраивать государственную историческую политику ...исходя из того, что укрепление исторической памяти народа является необходимым условием сохранения его культурной идентичности, сохранения государства; проработать вопрос о возможности создания консультационной группы (экспертного совета) в рамках Союзного государства по разработке рекомендаций для государственных органов Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере противодействия попыткам фальсификации истории и использования ее в целях нагнетания конфронтации и реваншизма в мировой политике». А также «содействовать формированию единого историко-культурного пространства, выработке общих стандартов и подходов к оценке всех периодов совместной истории Беларуси и России» [5].

Таким образом, мы можем констатировать, что в рамках Союзного государства по ряду ключевых направлений развивается плодотворное сотрудничество в области государственной исторической политики. В качестве наиболее актуальных и перспективных могут быть выделены вопросы формирования единого пространства исторической памяти и координации усилий по выработке и концептуализации совместной исторической политики (политики памяти) на уровне Союзного государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорусские и российские ученые будут развивать взаимодействие в сохранении исторической памяти. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/beloruskie-i-rossijskie-uchenye-budut-razvivat-vzaimodejstvie-v-sohranении-istoricheskoy-pamjati-308682-2018/>. – Дата доступа: 19.04.2021.
2. Грибан, И. В. Историки в диалоге: опыт реализации проекта «Память о Великой Отечественной войне: направления, тенденции, практики мемориализации в Беларуси и России / И. В. Грибан, В. В. Зданович, Т. П. Савчук // Пед. образование в России – 2020. – № 2. – Режим доступа: www.rusnauka.com/NPM_2006/Economics/6_polozjuk2.doc.htm. – Дата доступа: 23.04.2021.
3. В Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации прошла встреча с участниками проекта «Наследники исторической памяти». – Режим доступа: https://old.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=3317. – Дата доступа: 23.04.2021.
4. Союзное государство: культурное единство, разнообразие и общая историческая память. – Режим доступа: <https://yandex.by/turbo/eurasia.expert/s/soyuznoe-gosudarstvo-kulturnoe-edinstvo-raznoobrazie-i-obshchaya-istoricheskaya-pamyat/0>. – Дата доступа: 23.04.2021.
5. Итоговый документ VII Форума регионов Беларуси и России. – Режим доступа: <http://www.sovrep.gov.by/ru/7-forum-ru/>. – Дата доступа: 23.04.2021.

УДК 378.09

О СОЗДАНИИ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЙ БИЗНЕС-ШКОЛЫ

А. А. Илюкович

*Учреждение образования «Белорусский государственный
экономический университет», г. Минск*

Обоснована необходимость и целесообразность реализации проекта по созданию Белорусско-Российской бизнес-школы в рамках программ научного сотрудничества Союзного государства.

Белорусско-российские интеграционные процессы в рамках Союзного государства получили в последнее время значительный положительный импульс, в том числе и в сфере образования. Примером может служить тот факт, что граждане Республики Беларусь могут поступать в высшие российские учебные заведения по результатам белорусского тестирования, также успешно функционирует Белорусско-российский

университет, подписано уже в апреле 2021 г. Соглашение о создании Российско-белорусского института новых технологий на базе Казанского национального исследовательского технического университета имени А. Н. Туполева и Белорусской государственной академии авиации. К сожалению, нет особых положительных сдвигов в сфере бизнес-образования. Прежде всего, отметим, что экономическое образование и бизнес-образование – это не понятия-синонимы. Экономическое образование – это подготовка специалистов для экономических служб субъектов хозяйствования и специальных экономических организаций (банковских, статистических, финансовых, маркетинговых, аудиторских и др.), а также формирование необходимого минимума профессиональных знаний у специалистов различных отраслей экономики. В то время как бизнес-образование представляет собой образовательную деятельность по подготовке профессиональных менеджеров, выполняющих функции управления на предприятиях, коммерческих организациях, функционирующих в условиях рыночной экономики [1]. Многие обоснованно считают, что бизнес-образование – это инструмент трансфера передовых управленческих технологий и практик из сферы науки в область хозяйственного управления. Традиционное экономическое образование ориентировано на познание экономических процессов и законов как на уровне отдельных субъектов хозяйствования, так и на уровне в целом экономики (региона, страны, мира).

Бизнес-образование, прежде всего, ассоциируется с программой MBA (Master of Business Administration). В Республике Беларусь подготовка по классической программе MBA ведется в основном в БГУ и БГЭУ, разновидность этой программы (Executive MBA, General MBA, mini MBA и др.) дается преимущественно в частных учебных заведениях (Институт приватизации и менеджмента (ИПМ), компания «Здесь и сейчас» и др.). Всего по программам MBA проходят подготовку немногим более ста человек, что явно недостаточно для белорусской экономики. Для сравнения отметим, что в России программу MBA осваивают около пяти тысяч менеджеров. Prestиж любой бизнес-школы определяется аккредитацией хотя бы в одной из следующих международных организаций:

- европейской EFMD (The European Foundation for Management Development);
- американской AACSB (The Association to Advance Collegiate Schools of Business);
- британской AMBA (Association of MBAs).

К сожалению, белорусские бизнес-школы не имеют вышеуказанных международных аккредитаций, в том числе и из-за значительных финансовых затрат на эти процедуры. В России дело обстоит значительно лучше и уже 16 бизнес-школ имеют аккредитации AMBA, EFMD и лучшие из них стали штурмовать AACSB. Многие белорусские бизнес-школы сотрудничают с зарубежными образовательными учреждениями, уже имеющими международную аккредитацию. Например, ИПМ активно сотрудничает с Университетом имени Козьминского (Польша) и выдают два диплома (польский и белорусский). Однако, на наш взгляд, для белорусских бизнес-школ более перспективным представляется сотрудничество с российскими партнерами. Некоторые сдвиги в этом направлении уже есть. Так, например, БГЭУ совместно с Иркутским государственным техническим университетом реализует, и весьма успешно, магистерскую программу MBA (магистр бизнес-администрирования). У России и Беларуси единое образовательное пространство, нет языковых проблем, системы высшего образования практически идентичны и поэтому имеет смысл в рамках Союзного государства реализовать специальный проект «Создание Белорусско-Российской бизнес-школы». Выбор участников проекта необходимо осуществить на конкурентной основе, при этом с российской стороны это должна быть бизнес-школа, которая имеет международную аккредитацию. Каждый из участников конкурса должен представить свое видение миссии школы, принципов организации ее деятельности, учебные планы и программы,

имеющие методическое, организационное, техническое обеспечение по их реализации. Безусловно, что в созданной Белорусско-Российской бизнес-школе должны использоваться инновационные образовательные технологии и элементы креативного обучения [2], [3]. Очевидно, что обучение должно обеспечиваться как в режиме офлайн, так и онлайн, что позволит привлечь к проведению занятий лучших российских преподавателей и специалистов-практиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Илюкович, А. А. Бизнес-образование для малого и среднего бизнеса / А. А. Илюкович, И. А. Леднева // Иппокрена. – 2019. – № 2. – С. 97–105.
2. Аксенова, М. А. Система инновационных образовательных технологий в вузе: цели, задачи, опыт внедрения / М. А. Аксенова, М. А. Гурина, О. Ю. Усачева // Преподаватель XXI века. – 2018. – № 2. – С. 81–92.
3. Илюкович, А. А. Инновационная модель развития бизнес-школ в Республике Беларусь / И. А. Леднева, А. А. Илюкович // Экономический потенциал инновационного развития : монография / под общ. ред. М. И. Ноздрина-Плотницкого, Н. А. Хаустович. – Минск : Мисанта, 2018. – С. 98–108.

УДК 316.4+378 (476)

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ
ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ**

В. А. Клименко

Исполнительный комитет СНГ, г. Минск

Рассмотрено понятие «профессиональная компетентность», проанализирована структура профессиональной компетенции специалиста. Выявлены основные профессиональные и личностные качества, предъявляемые к специалисту в условиях становления цифрового общества.

В последние два-три десятилетия результатом процесса цифровизации всех сфер экономики выступает формирование информационного (цифрового) общества. Знания, информации и инновации становятся базисный ресурсом его развития. Это связано с тем, что в современной экономике начинает доминировать пятый технологический уклад, ядро которого составляют: электронные компоненты и устройства, электронно-вычислительная техника, радио- и телекоммуникационное оборудование, лазерное оборудование, услуги по обслуживанию вычислительной техники. Одновременно происходит формирование шестого технологического уклада, который будет определять глобальное экономическое развитие в ближайшие два-три десятилетия. Основные направления его развития: биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и геномной инженерии, нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, микро- и оптоэлектроника, информационные технологии и глобальные сети, интегрированные высокоскоростные транспортные системы [1, с. 11–12].

Становление цифрового общества знаменует радикальные преобразования социально-экономических, политических отношений, а также изменения в культуре, духовной жизни и быту. Под воздействием цифровых технологий изменяется содержание и характер труда, исчезают старые и появляются новые профессии. Более того, изменения тарифно-квалификационной сетки ведет в конечном итоге к изменению социальной структуры общества, формируется сетевое общество, трансформирующее социальное время и пространство.

Как подчеркивают многие эксперты в области профессиональной деятельности, наступает эпоха работников умственного труда. Постиндустриальная революция ради-

кально меняет не только технологии, но и мировоззрение. Многие существующие модели и ценности будут постепенно переосмыслены, не только в профессиональной сфере, но и в жизни. Людям придется научиться самим организовывать свой труд, ставить себе цели, делать выбор и принимать решения, которые раньше принимал за них работодатель. Концепция цифровой экономики будущего будет построена на принципах свободного развития, на самореализации каждого в деятельности, на появлении новых форм коммуникации и сотрудничества. Для примера, уже сегодня для многих сотрудников в сфере IT-технологий наличие профессиональных вызовов и возможность самореализации становится ключевым фактором выбора места работы.

Неотъемлемой характеристикой высокообразованной и высококвалифицированной личности выступает такое ее качество, как компетентность. В условиях дигитализации современного общества, увеличения информационных потоков, внедрения компьютерных технологий и автоматизации производства понятие «профессиональная компетентность» видоизменяется, дополняется новыми качествами. С одной стороны, неизменными остаются базовые основы компетенции: общенаучные и специальные знания, навыки и умения. С другой стороны, наиболее актуальной является выработка у обучающихся умений и навыков, связанных с анализом ситуации на изменяющемся рынке труда, реальным оцениванием и совершенствованием своих профессиональных возможностей, способов самоорганизации и адекватной адаптации к изменяющейся системе профессионально-трудовой деятельности. Особую значимость приобретают личностные качества специалиста (мировоззренческая компетенция, широта взглядов, умение работать на стыке различных сфер науки и техники, наличие корпоративной культуры, умение работать в команде и т. д.). Кроме того, такая компетентность должна быть органично увязана с формированием у будущих специалистов их компетентности в сферах общественной и социокультурной деятельности, что дает возможность работающему человеку справляться с многочисленными ситуациями, возникающими не только в сфере трудовой деятельности, но и во всех других областях повседневной жизни [2, с. 15].

Более того, в современных условиях понятие «компетентность» трансформируется в систему ключевых компетенций, которыми должны обладать выпускники учебных заведений. В докладе Международной комиссии ЮНЕСКО по образованию для XXI в. «Образование: сокрытое сокровище» сформулированы четыре компетенции глобального уровня: научиться познавать, научиться делать, научиться жить вместе, научиться жить» [3, с. 37]. Еще в последнем десятилетии прошлого века в соответствии с программой Совета Европы (г. Берлин, 27–30 марта 1996 г.) в странах Европейского союза в образовательной системе было выделено пять основных компетенций, которые должны быть сформированы у молодого поколения: политические и социальные компетенции; компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе; компетенции, относящиеся к владению устной и письменной коммуникацией; компетенции, связанные с возрастанием информатизации общества; способность учиться на протяжении жизни в качестве основы непрерывного обучения в контексте как личной профессиональной, так и социальной жизни [4, с. 7–8].

В последние два десятилетия рынок труда требует формирования у выпускников высшей школы не только профессиональных навыков и знаний, связанных с конкретной специальностью (hard skills), но самое главное – накопления так называемых универсальных (надпрофессиональных) компетенций (soft skills), которые можно применять во всех сферах профессиональной деятельности. К soft skills относятся такие социальные, интеллектуальные и волевые компетенции, как коммуникабельность, умение работать в команде, креативность, организованность, пунктуальность, уравновешенность и др. В настоящее время без этих гибких навыков невозможно построить успешную профес-

сиональную карьеру во всех сферах общества. К числу основных надпрофессиональных (гибких) качеств современного специалиста можно отнести следующие [5]: *гибкость* (умение постоянно меняться и подстраиваться под требования окружения и среды); *креативность* (придумывание новых и нестандартных решений, что позволяет в современных условиях конкурировать с искусственным интеллектом. В этой же плоскости лежат когнитивные навыки и способность к сложным мыслительным процессам, таким как, анализ, синтез, логика, системное мышление. Это порождает необходимость формирования в процессе обучения важных психических познавательных процессов и качеств: мышления, воображения, интеллекта); *медиаграмотность* (способность анализировать, критически оценивать и понимать сообщения разных форм медиа); *критическое мышление* (способность анализировать информацию и события, подвергать их оценке на предмет надежности, а также выносить собственные суждения и корректно применять полученные выводы к жизненным ситуациям); *эмоциональный интеллект* (способность легко понимать настоящие и ложные эмоции своего окружения, адекватно вести себя в ситуации конфликтов и обладать большей стрессоустойчивостью); *способность к самообразованию* (оперативно овладевать актуальными знаниями и умениями, постоянно, на протяжении всей жизни учиться и переучиваться не только в образовательных учреждениях, но и через самообразование, когда знания получают посредством новых форм и технологий обучения: вебинары, онлайн-курсы, конференции и т. д.).

Наряду с *soft skills* сейчас актуальными у современных специалистов также выступают и другие *гибкие навыки*, среди которых можно выделить, прежде всего, весь спектр знаний и компетенций, которые помогают жить в мире информационных и коммуникационных технологий, в том числе цифровую грамотность, базовые навыки программирования, поиска информации, навыки обработки и анализа информации, способности к картированию знаний, кросс-культурность и др. Несмотря на стремительное развитие технологий, знание иностранных языков все еще остается ключевым навыком, способствующим развитию, адаптивности и интеграции в кросс-культурном контексте. И еще одними из актуальных качеств индивида являются способность управлять своим временем, а также умение направлять и удерживать внимание в условиях информационной перегрузки [7]. Все эти качества способствует формированию высокоинтеллектуального человека-творца как ключевого элемента и движущей силы современного информационного общества.

Новая социальная ситуация обуславливает новые подходы к управлению высшей школой, модернизации методов, форм и средств обучения в ней. И в этом плане традиционная информационно-знаниевая парадигма образования, основанная на передаче определенного объема знаний по конкретной специальности, отходит на второй план, потому что она не может сформировать современного специалиста с набором качеств и компетенций, необходимых для работы в цифровой экономике. Когда сейчас приходит спрос на мышление, интеллект и спрос на так называемые *гибридные навыки* специалистов, образование меняет формат с лекционного на проектное. Привычный цикл «узнал – понял – сделал» сменяется на дедуктивный по принципу «сделал – понял – узнал». Именно такое обучение позволяет формировать у будущих специалистов реальный опыт, прикладные компетенции, личностные навыки и креативный потенциал [6].

Развитие цифровых технологий и бизнес-методологий приводит к тому, что на стыке пересечения неформального, полужформального и формального видов образования возникают инновационные формы и новые модели обучения, которые направлены на то, чтобы сделать студента субъектом своего образования. Вследствие этого образование становится персонифицированным и непрерывным, обучающийся сам выстраивает свою учебную траекторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040». Проект. – Минск : Белорус. наука, 2017. – 42 с.
2. Бабосов, Е. М. Основные тенденции и перспективы дополнительного профессионального образования в транзитивном обществе в начале XXI века / Е. М. Бабосов // Дополнительное профессиональное образование как фактор повышения качества трудовых ресурсов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 2005 г. : в 2 ч. – Воронеж, 2005. – Ч. 1. – 181 с.
3. Образование: сокрытое сокровище : докл. Междунар. комис. по образованию для XXI века, представленной ЮНЕСКО. – 1996. – 46 с.
4. Проблемы качества образования : материалы XIII Всерос. совещ. : в 5 кн. – М. : Уфа. – Кн. 2. – 2003. – 70 с.
5. Какие качества в себе нужно развивать сейчас, чтобы быть успешным в будущем. – Режим доступа: <https://news.tut.by/go/669130.html>. – Дата доступа: 27.01.2020.
6. Идигова, А. Пока человек учится, ценность его образования уже снижается на 50 % / А. Идигова. – Режим доступа: http://www.zautra.by/art.php?sn_nid=30354. – Дата доступа: 21.02.2019.

УДК 631.151.6

ПЕРСПЕКТИВЫ РОСТА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ НА ВНЕШНИХ РЫНКАХ

Е. А. Кожевников

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Дана оценка конкурентоспособности белорусской сельскохозяйственной продукции на внешних рынках, выявлены факторы, ее определяющие. На этой основе представлены пути стабилизации и роста конкурентоспособности экспортной агропродукции.

В настоящее время сельскохозяйственное производство в Республике Беларусь может характеризоваться определенными позитивными аспектами. Если за 2016–2020 гг. валовый внутренний продукт страны вырос на 3,4 %, то объем сельскохозяйственного производства – на 12 %, что составило в среднем 2,4 % роста ежегодно. К началу 2021 г. страна полностью обеспечивает себя продовольствием, а производство некоторых видов сельскохозяйственной продукции на душу населения соответствует или даже превосходит уровень развитых стран. По данным, приведенным в проекте Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. [1], потребление на душу населения достигло к 2019 г. 97 кг мяса, 246 кг молока, 264 шт. яиц, 175 кг картофеля, 152 кг овощей и бахчевых культур. Уровень самообеспеченности при этом составил по мясу – 133 %, молоку – 241 %, яйцам – 128 %, картофелю – 111 %, овощам и бахчевым культурам – 107 %. По экспорту масла животного происхождения Беларусь заняла почетное третье место в мире, а по экспорту сыров и творога – четвертое. Стране удалось произвести мяса на душу населения в 1,2 раза больше, чем в странах Европейского союза; молока – в 1,7 раза больше; овощей – в 1,4 раза больше.

Экспортная деятельность белорусских агропредприятий является критически важной как для самих субъектов хозяйствования, так и для экономики страны. Более 60 % агропродовольственной продукции экспортируется, а доля агропромышленного комплекса в экспорте – свыше 15 %. Как отмечалось нами и ранее [2]–[4], сейчас сохраняется стремление к диверсификации рынков сбыта, но по-прежнему остается ключевым положение Российской Федерации. В 2020 г. на нее приходилось приблизительно 3/4 агропродовольственного экспорта Беларуси. Однако при этом удалось существенно увеличить экспорт в Китай: на 60 % до отметки в 131,5 млн долл. США.

Для наращивания экспорта белорусской сельскохозяйственной продукции за рубеж основным критерием ее оценки является конкурентоспособность. Методические подходы к анализу конкурентоспособности агропродукции базируются на разных методологических принципах. Чаще всего используются упрощенные оценки, например, в виде интегрального потребительского свойства. Нередко предлагается создание комплексных показателей конкурентоспособности в соответствии с балльно-рейтинговым подходом и определенными критериями. При этом часто формируются безразмерные количественные интегральные показатели на основе балльных экспертных оценок. Ограниченность информационной базы, трудности обоснования выбора показателей оценки и сопоставления их значимости препятствуют достижению высокой достоверности результатов анализа конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции. Однако настоятельная практическая потребность такой оценки заставляет игнорировать эти методологические трудности.

В настоящее время продолжают действовать ряд факторов, способствующих сохранению конкурентоспособности белорусской сельскохозяйственной продукции за рубежом из-за ослабления позиций конкурентов. Это, в частности:

1. Нарастание в мире отрицательных природно-климатических явлений, вызванных, прежде всего, экологическими проблемами (засухи, пожары, наводнения, аномальные морозы, оползни и т. д.). Они приводят к значительным потерям урожая сельскохозяйственной продукции у традиционных мировых экспортеров.

2. Снижение мирового производства сельскохозяйственной продукции, вызванное влиянием последствий короновирусной пандемии. Причины такого снижения самые разнообразные. В ряде стран – это ограничения в транспортной и таможенной деятельности, вплоть до закрытия границ. В некоторых западноевропейских странах – производство сельскохозяйственных культур и их уборка, также животноводство сдерживались невозможностью традиционного привлечения сезонной рабочей силы из Восточной Европы и т. д.

3. Агропродовольственные ограничения у основного торгового партнера – Российской Федерации – на поставку продукции из Украины, стран ЕС, США, вызванные, прежде всего, политическими причинами, санкциями.

4. Снижение в кризисном 2020 г. инвестиционной активности, в том числе в сельскохозяйственное производство, в абсолютном большинстве стран мира.

В то же самое время 2020 г. и начало 2021 г. принесли и усилили новые риски, сдерживающие возможности экспорта белорусской сельскохозяйственной продукции. Важнейшие среди них, по нашему мнению, следующие:

1. Мировой экономический кризис, вызванный последствиями пандемии COVID-19, привел, в частности, к снижению потребления продовольствия и иных видов продукции на основе сельскохозяйственного сырья. С одной стороны, это вызвано сокращением покупательной способности населения большинства стран мира, даже экономически развитых, из-за сокращения занятости, роста безработицы, локдаунов и т. д. С другой стороны, ограничительные меры в большинстве стран мира практически остановили ресторанный бизнес, общественное питание, ограничили розничную торговлю. Все это однозначно уменьшает спрос.

2. Международные экономические санкции в отношении Беларуси безусловно отрицательно повлияют на производственные, торгово-экономические и инвестиционные аспекты деятельности отечественных производителей сельскохозяйственного сырья и продовольствия.

3. Сохранение барьеров, изъятий и ограничений на агропродовольственном рынке Евразийского экономического союза. Среди имеющихся в реестре ЕАЭС на начало 2021 г.

59 препятствий, 11 барьеров, 35 ограничений и 13 изъятий значительное их число относится к сельскохозяйственной продукции и связано с таможенным регулированием, применением санитарных, ветеринарно-санитарных, фитосанитарных, карантинных мер.

4. Наличие финансово-экономических и социально-демографических проблем белорусских агропредприятий: рост задолженности и убыточности (13,4 % агрохозяйств в 2020 г. были убыточными); более низкий уровень оплаты труда по сравнению с промышленностью; сокращение трудоспособного населения в сельской местности и др.

Таким образом, для стабилизации и роста конкурентоспособности белорусской сельскохозяйственной продукции на внешних рынках, по нашему мнению, необходимо:

1. Полно и системно реализовать Программу социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. не только в части развития сельского хозяйства и пищевой промышленности, но и в инвестиционной, бюджетно-финансовой, институциональной сфере.

2. Повысить качество белорусской сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров, обеспечив через рост инвестиций внедрение самых современных инновационных технологий, техники и оборудования.

3. Модернизировать механизм реализации внешнеэкономической деятельности в сфере АПК.

4. В условиях санкций по возможности сохранить или даже усилить диверсификацию рынков сбыта сельскохозяйственной и пищевой продукции.

5. Формировать на деле общую и максимально скоординированную политику в сфере сельского хозяйства и пищевой промышленности в рамках Евразийского экономического союза.

6. Стабилизировать и улучшить финансово-экономическое положение белорусских сельскохозяйственных организаций, в том числе через формирование благоприятного бизнес-климата, современной социальной сферы и комфортной институциональной среды.

7. Перейти на новый уровень государственно-частного партнерства для обеспечения реализации белорусской сельскохозяйственной и пищевой продукции на внешних рынках. При этом оптимизировать степень государственного контроля в этой сфере, особенно в отношении малых и средних предприятий с негосударственной формой собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные положения проекта Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы / Республика. – 2021. – 19 студ. – № 9 (7641). – С. 5–17.
2. Кожевников, Е. А. Совершенствование логистической деятельности белорусских предприятий на агропродовольственном рынке ЕАЭС / Е. А. Кожевников // Стратегия и тактика развития производственно-хозяйственных систем : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 2015 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2015. – С. 154–156.
3. Кожевников, Е. А. Внешние и внутренние условия экспортного вектора развития белорусского агропромышленного сектора экономики / Е. А. Кожевников // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы X Междунар. науч. конф., Гомель, 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2017. – С. 124–128.
4. Кожевников, Е. А. Современные тенденции развития экспортной деятельности белорусского АПК / Е. А. Кожевников // Стратегия и тактика развития производственно-хозяйственных систем : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2017. – С. 134–157.

УДК 339.137:664.6

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ХЛЕБОПЕКАРНОГО
ПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****О. В. Лапицкая, Д. Д. Иноземцева***Учреждение образования «Гомельский государственный технический
университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь*

Трансформация экономики привела к значительному снижению объемов производства хлеба и хлебобулочных изделий. Целью исследования было определение проблем производства хлеба и хлебобулочных изделий и разработка рекомендаций по их преодолению. Выявлены основные проблемы хлебопекарного рынка. Предложены принципиально новые условия функционирования хлебопекарной промышленности. Проанализировав все полученные данные, были предложены мероприятия, направленные на эффективное развитие рынка данной отрасли.

Хлеб – один из центральных элементов многих культур, в том числе и славянской. Слово «хлеб» сопровождало человечество с самого начала его развития. Хлеб – общее богатство, бесценное сокровище и культурное достояние славян. Высокое потребление хлебобулочных изделий обусловлено нашим славянским менталитетом – Беларуси, России, Украины. В настоящее время хлеб и хлебобулочная продукция выступают одним из главных элементов питательного рациона населения нашей страны. Хлебобулочные изделия – это та продукция, которая всегда пользуется спросом, однако в последнее время появилась тенденция снижения объемов производства. Основная причина – низкая конкурентоспособность отдельных видов продукции по качеству, производство продукции без учета требований рынка, недостаточное использование продовольственного потенциала. Современный этап развития экономики характеризуется нестабильностью внешней среды, непрерывно меняющейся рыночной ситуацией, динамичностью производства, сокращением жизненного цикла продуктов.

В данных условиях конкурентоспособность представляет собой важнейший критерий успешности на рынке, основополагающее свойство предприятия, без которого невозможно обеспечить эффективность, безопасность и инвестиционную привлекательность деятельности. Опыт развития экономики показывает, что борьба за потребителя, за выживание в условиях конкуренции побуждает предприятия внедрять научно-технические предложения, осваивать новую продукцию, услуги, повышать эффективность производства. Управление конкурентоспособностью предполагает непрерывное совершенствование ассортимента, техническое переоснащение производства, повышение эффективности использования производственного, научно-технического, трудового и финансового потенциала, т. е. воздействие на всю систему управления деятельностью предприятия с целью производства и реализации продукции высокого качества.

Одно из главных условий обеспечения конкурентоспособности – как можно более полное удовлетворение потребительского спроса с учетом сформировавшихся на данный момент потребительских предпочтений и вкусов. Самое пристальное внимание специалисты отрасли уделяют обновлению ассортимента, повышению качества выпускаемой продукции.

В настоящее время проблеме здорового питания человека уделяется все большее внимание, в связи с чем находят широкое распространение продукты питания для здорового образа жизни. Одними из таких продуктов являются хлебобулочные изделия, предназначенные для здорового питания. По данным Всемирной организации здравоохранения, состояние здоровья человека лишь на 15 % зависит от организации медицинской службы, а 70 % определяется образом жизни и питанием. Несбалансированность рациона

по белкам, углеводам, витаминам, минеральным элементам и калорийности – серьезный фактор ухудшения здоровья.

Хлебопекарная промышленность является одной из ведущих отраслей пищевой промышленности и обеспечивает около 10 % выручки всей пищевой промышленности. Хлеб – уникальный пищевой продукт, содержащий практически все компоненты, необходимые для поддержания жизнедеятельности и здоровья человека [1].

Основными направлениями развития ассортимента булочных и кондитерских изделий становятся повышение пищевой и биологической ценности, снижение калорийности, содержания сахара и жира, создание разнообразных форм, использование местного нетрадиционного сырья. Основным технологическим приемом получения продуктов здорового питания на сегодняшний день является обогащение пищевых продуктов функциональными пищевыми ингредиентами (витаминами, пищевыми волокнами, минеральными веществами, полиненасыщенными жирными кислотами и др.). Это достигается за счет использования в рецептурах дополнительного сырья животного происхождения (молоко натуральное или сухое, молочная пахта, сыворотка) или растительного происхождения в виде гороховой муки, шротов масличных культур (хлопковых, подсолнечных, конопляных, льняных, виноградных, абрикосовых, миндальных семян, томатов и др.), а также концентратов и изолятов белков семян сои, рапса, подсолнечника, арахиса, кунжута, фасоли, картофелепродуктов, морской капусты и др.

Один из вариантов такой добавки – соево-цитрусовая или соево-имбирная мука, полученная путем совместной дезинтеграции в воде с одновременной экстракцией растворимых веществ семян сои и цитрусовой цедры или семян сои и свежего корня имбиря последующей коагуляции белковых и других веществ композиции, при использовании в качестве коагулянта раствора аскорбиновой кислоты 15%-й концентрации, отделения и грануляции коагулята, его сушки и измельчения в муку. Также исследована возможность применения картофелепродуктов (клеточного сока, сухого картофельного пюре, крупы, хлопьев) при приготовлении пшеничных, ржано-пшеничных, в том числе заварных, сортов хлеба. Клеточный сок картофеля является отходом картофелекрахмального производства и содержит, как известно, помимо углеводов, белка, минеральных соединений и витаминов, активную липоксигеназу и термостабильные ингибиторы протеолиза, используется для улучшения качества пшеничного хлеба.

Согласно исследованиям сотрудников ФГБНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт сои» (г. Благовещенск), соево-имбирная мука, содержащая в достаточных количествах белки, липиды, минеральные вещества, витамины и пищевые волокна, в совокупности образующие комплекс незаменимых эссенциальных факторов питания, при ее использовании в качестве добавки в объеме 29–32 % от общего объема пшеничной муки, обеспечивает повышение пищевой и биологической ценности булочных изделий [2].

Таким образом, проведя анализ полученных данные, можно сделать вывод о том, что на формирование потребительских свойств хлебобулочных изделий большое значение имеют сырьевые компоненты, используемые при производстве. Так, даже небольшие добавки в виде сухих хлебопекарных смесей, разных по своему составу, оказывают значительное влияние на пищевую ценность готовых продуктов. Анализируя вышеуказанное, можно отметить, что информирование населения о полезных свойствах хлебобулочных изделий для здорового питания создаст условия для роста их потребления. Соответственно, необходимо обеспечить расширение потребления сортов хлебобулочных изделий за счет этих функциональных продуктов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ауэрман, Л. Я. Технология хлебопекарного производства : учебник / Л. Я. Ауэрман ; под общ. ред. Л. И. Пучковой. – 9-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Профессия, 2003. – 316 с.

2. Скрипко, О. В. Разработка новых видов хлебобулочных изделий с использованием соевого сырья / О. В. Скрипко, Г. В. Кубанкова, О. В. Покотило // Техника и технология пищевых производств. – 2015. – № 2 (37). – С. 41–47.

УДК 339.564

РАЗРАБОТКА ЭКСПОРТНОЙ СТРАТЕГИИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Г. В. Митрофанова

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Рассмотрен вопрос оценки экспортного потенциала промышленного предприятия, а также приведен пример разработки долгосрочного плана действий, который определяет приоритетные направления, цели и задачи деятельности предприятий на внешнем рынке.

Одним из факторов устойчивого белорусского экономического развития выступает рост экспорта. На сегодняшний день можно констатировать отсутствие единого подхода к осуществлению многими промышленными предприятиями экспортных операций. Экспортные сделки не носят системного характера и основываются на временном, краткосрочном удовлетворении спроса зарубежных потребителей. В связи с этим актуальным является рассмотрение вопроса разработки экспортной политики предприятия.

Экспортная политика предприятия предполагает разработку стратегии и принципов деятельности предприятия на внешнем рынке, формирование экспортного ассортимента товаров, а также определение темпов обновления экспортной продукции, цен, уровня качества, гарантий и сервисного обслуживания. Основой стабильного развития экспорта промышленного предприятия в долгосрочном периоде является наличие стратегического плана экспортной политики, разработанной с учетом возможностей и имеющихся ресурсов предприятия. Перед разработкой основных положений экспортной стратегии предприятию необходимо провести подготовительные работы, которые состоят в следующем:

- определение приемлемых для предприятия методов и системы сбыта;
- обоснование для реализуемого товара структуры канала сбыта и функции его звеньев;
- выбор системы каналов сбыта, а также наиболее приемлемых правовых, организационных и экономических отношений;
- определение видов продукции, предназначенной для сбыта;
- определение стандартов качества продукции;
- установление группы цен на каждый товар (низкие, средние, высокие);
- организация работ с заказчиками;
- организация контроля за посредниками;
- обеспечение высококвалифицированных переговоров с партнерами о поставках или закупках продукции.

Основываясь на зарубежном опыте, определяя общую экспортную стратегию, следует выделять основные направления для конкретных предприятий. К ним можно отнести разработку: товарной политики, ценовой политики, политики сбыта и политики продвижения товара.

Товарная политика. Программа маркетинга на внешних рынках в области товарной политики должна быть направлена на координацию всех мероприятий по разработке товарного ассортимента в соответствии с пожеланиями заказчиков, а также должна содержать маркетинговую характеристику продукции предприятия. Продукция может характеризоваться по таким показателям:

- степень новизны продукции;
- фаза жизненного цикла, т. е. на каком этапе развития находится товар. Это позволит определить наилучшую маркетинговую стратегию, направленную на то, чтобы данное изделие как можно дольше находилось на рынке и не теряло своих приверженцев;
- степень насыщенности этой продукцией рынка или сегмента, а также степень соответствия его потребительским свойствам, уровню цен. Это должно определяться по результатам спроса;
- оснащенность производства продукции прогрессивными технологиями;
- срок окупаемости инвестиций при производстве новой продукции или совершенствовании традиционной;
- обеспеченность сырьем и квалифицированными кадрами.

Одним из важных пунктов реализации товарной политики является разработка упаковки соответствующей требованиям и вкусам иностранного потребителя. Кроме того, упаковка должна иметь современный дизайн, быть практичной и привлекать внимание. Но для разработки, модернизации и модификации упаковки, отвечающей всем вышеперечисленным требованиям, требуются дополнительные средства и новые технологии, которыми наши предприятия не всегда располагают.

Ценовая политика. Планирование ценовой политики служит для обоснования уровня цены единицы продукции и динамики этого уровня в зависимости от факторов:

- жизненный цикл продукции;
- дифференциация уровня цен в зависимости от сезонности реализации продукции, качества, степени подготовки к продаже (упаковка, сортировка);
- соотношение уровня цен предприятия с ценами конкурентов;
- ценовая и неценовая конкуренция;
- зависимость спроса от цены товара (эластичность спроса);

Политика сбыта. Планирование мероприятий должно включать:

- определение приемлемых для предприятия методов и системы сбыта;
- обоснование реализуемого товара структуры канала сбыта и функций его звеньев;
- выбор системы каналов сбыта, а также наиболее приемлемых правовых, организационных и экономических отношений;
- определение видов продукции, предназначенной для сбыта;
- определение стандартов качества продукции;

При обосновании сбытовой политики следует учитывать, что на ее результативность воздействует ряд факторов:

- 1) конечные потребители (их количество, уровень платежеспособности, требования к качеству);
- 2) производственные, сбытовые и другие возможности предприятия (специализация, финансовое положение, объемы производства, конкурентоспособность товара);
- 3) продукция (средняя цена, экологическая чистота, транспортабельность);
- 4) степень конкуренции и сбытовая политика конкурентов (число конкурирующих предприятий, их концентрация на рынке, сбытовая тактика);
- 5) рынок (емкость, торговая практика);
- 6) сравнительные издержки на единицу товара в условиях различных сбытовых систем и каналов сбыта.

Политика продвижения товара (продукции) должна учитывать:

- особенности рекламы для исследуемых товаров и их отдельных видов;
- план рекламных мероприятий;
- наиболее предпочтительные средства рекламы и других методов стимулирования с точки зрения их эффективности;
- определение метода выделения средств на проведение мероприятий по стимулированию сбыта.

Таким образом, экспортная стратегия предприятия – это долгосрочный план действий, определяющий приоритетные направления, цели и задачи деятельности предприятия на внешнем рынке. Разработка экспортной стратегии выхода на новые рынки сбыта ставит перед предприятием задачу оценки экспортного потенциала. Также необходимо взвесить свои возможности и ресурсы, позволяющие предприятию взять на себя экспортные обязательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубков, С. И. Формирование и оценка экспортного потенциала промышленных предприятий / С. И. Дубков, С. Н. Дадалко, Д. А. Фоменок // Банк. вестн. – 2011. – № 28. – С. 29–36.
2. Елькин, В. А. Экспортный потенциал развития территориально-экономических систем / В. А. Елькин, И. В. Елькин. – Иркутск : БГУЭП, 2011. – 152 с.
3. Латыгин, Ю. И. Стратегический менеджмент / Ю. И. Латыгин. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 507 с.

УДК 339.13

МАРКЕТИНГОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЫХОДА НА ВНЕШНИЕ РЫНКИ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Л. Л. Соловьева

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Предприятия часто ограничивают свою деятельность внутренним рынком. При его насыщении и поиске новых путей получения прибыли предприятия выходят на внешние рынки. Для предприятий пищевой промышленности, выпускающих потребительские товары, одним из способов быстрого выхода на внешний рынок является поиск страны со схожими привычками в потреблении этого товара, а одна из форм продвижения при выходе на внешние рынки – выставочная деятельность, в организации которой оказывает помощь предприятие «Белинтерэкспо».

Каждое предприятие стремится добиться основной цели – максимизации прибыли. Когда внутренний рынок достаточно насыщен, появляется необходимость интеграции в мировое хозяйство, и предприятия выходят на внешние рынки. Для предприятий агропромышленного комплекса внешнеэкономическая деятельность означает расширение возможностей в выборе наиболее эффективных путей для реализации своих стратегических целей. Используя широкие возможности мирового рынка, можно найти ниши для реализации своей продукции с максимальной прибылью.

Целью данного исследования является выявление особенностей разработки выхода на внешние рынки стран со схожим менталитетом в потреблении продуктов питания.

Для предприятий, которые разрабатывают специальный продукт, учитывая менталитет потребителя нового рынка, процесс выхода на рынок будет включать следующие составляющие: анализ сильных и слабых сторон предприятия; анализ зарубежного рынка; отраслевой анализ; оценка рыночного потенциала; анализ конкурентов; изучение взаимоотношений с клиентами и партнерами; анализ влияния внешней среды и внутренней среды; определение направлений совершенствования старой и разработки новой продукции; разработка плана маркетинга; мониторинг и контроль маркетинговых мероприятий.

При выходе предприятия агропромышленного комплекса на внешние рынки с существующими товарами, успешно реализуемыми на внутреннем рынке, необходимо проработать следующие вопросы:

- выбор страны для выхода на рынок с учетом готовности работы с белорусскими предприятиями и схожестью потребительского поведения;
- выбор средств продвижения для первоначального знакомства рынка с нашим предприятием.

В первую очередь, необходимо выявить, какие страны являются основными странами-партнерами Беларуси по данным статистики. Это поможет проанализировать потенциальную аудиторию и требования, предъявляемые к продукции. В таблице представлена структура экспорта Республики Беларусь.

Экспорт товаров из Республики Беларусь [1]

Страна	2019 г.		2020 г.	
	Сумма, млн \$	Доля, %	Сумма, млн \$	Доля, %
Экспорт, всего	32955	100	29041	100
1) со странами СНГ, из них:	19376	58,8	17843	61,4
– со странами ЕАЭС	14564,3	44,1	14003,4	48,2
– с Российской Федерацией	13686	41,5	13132	45,2
2) со странами вне СНГ	13579	41,2	11198	38,6

Падение объемов экспорта в 2020 г. связывают с пандемией. Проанализируем структуру экспорта по странам:

- большая доля у стран СНГ (10 стран) – от 58,8 до 61,4 %;
- у стран ЕАЭС (4 страны) – 44,1–48,2 % от общего объема или 75–78 % от стран СНГ;
- самым крупным партнером является Российская Федерация – 41,5–45,2 % – от всего экспорта или 70–73,5 % – от стран СНГ;
- у 101 страны вне СНГ – 41,2–38,6 %.

Пандемия коронавируса привела к росту доли стран ЕАЭС и, в частности, России.

Поэтому можно сделать вывод, что самым активным партнером является Российская Федерация. Данный рынок еще привлекателен и тем, что по своему менталитету россияне очень близки белорусам. Например, «Савушкин продукт» рассказал, какие молочные продукты под знаком «Made in Belarus» популярны в разных странах мира [2]: «Больше всего ее (молочную продукцию) покупают в России, где любят молоко, творог, твердые сыры, десерты и греческие йогурты ТЕОS. Схожие предпочтения и у других наших славянских соседей. В Казахстане и Азербайджане также востребованы белорусский творог, ряженка и простокваша, а также сливочное масло. Грузины и армяне любят творожные десерты из Бреста».

Государство заинтересовано в увеличении экспортного потенциала белорусских предприятий. В Республике Беларусь уже более 17 лет Белорусской торгово-промышленной палатой проводится конкурс «Лучший экспортер года». Цель конкурса – выявление и поощрение предприятий и предпринимателей-производителей товаров, работ и услуг, достигших наивысших показателей по экспорту в своей отрасли, стимулирование развития экспорто ориентированного производства, содействие повышению престижа белорусских товаропроизводителей на мировом рынке. Устойчиво побеждает в номинации «Молочная промышленность» ОАО «Бабушкина крынка», в 2019 г. победил ОАО «Лидский молочно-консервный комбинат». Также в качестве победителей в других номинациях фигурируют ОАО «Гродненский мясокомбинат», ОАО «Пинский мясокомбинат», ОАО «Минск Кристалл», ОАО «Агрокомбинат «Дзержинский».

Второй важный вопрос – выбор средства продвижения.

Для продвижения бренда на внешний рынок нужны два условия.

Во-первых, необходимы средства на продвижение. Чем выше конкуренция в секторе, тем больше нужно средств, чтобы показать какой-то результат. Чем больше страна и рынок, куда собираются продвинуть продукцию, тем больше придется потратить на продвижение бренда.

Во-вторых, важное условие продвижения любого бренда за рубеж – широкое присутствие товара на полках магазинов. Если товар есть в продаже, то о нем будут говорить, и он завоеует доверие.

Львиная доля успеха экспортера как на собственном, так и на внешних рынках зависит от того, насколько эффективно реализованы механизмы маркетинга.

При выходе на внешний рынок предприятие попадает в условия жесткой международной конкуренции. В этих условиях можно успешно работать, лишь применяя современные методы маркетинга.

Предприятия используют разнообразные методы, средства, приемы и принципы маркетинговой деятельности. Однако необходимо учитывать особенности зарубежных рынков:

- внешние рынки предъявляют более высокие требования к предлагаемым на них товарам, их упаковке, сервису, рекламе и т. д.; это объясняется острой конкуренцией;
- изучение внешних рынков, их возможностей более трудоемко и сложно, поскольку требует изучения большого количества информации из различных источников;
- для эффективной работы необходимо учитывать требования внешней среды маркетинга: особенность действующего законодательства, международные правила, социально-культурную среду, обычаи, правила валютно-финансовых расчетов, политику и др.

В Республике Беларусь есть партнеры, способствующие организации продвижения белорусской продукции за рубеж. Предприятие «Белинтерэкспо» предлагает широкий спектр услуг в области выставок и конгрессных мероприятий, маркетинга и рекламы, поиска деловых партнеров и бизнес-туризма. Основные проекты «Белинтерэкспо» [2]:

– за рубежом: национальные выставки и экспозиции Республики Беларусь за рубежом, выставки и экспозиции белорусских производителей Made in Belarus, отраслевые экспозиции и индивидуальные стенды предприятий на крупнейших международных выставках на всех континентах; форумы, конференции и семинары; деловые посещения и бизнес-туры;

– в Беларуси: международные специализированные выставки; национальные выставки и экспозиции иностранных государств в стране; строительство выставочных стендов; форумы и конференции;

– в сети Интернет: серия виртуальных выставок Made in Belarus Online.

Например, на сайте указанного предприятия представлен календарь выставок в 2021 г. для производителей продуктов питания, напитков и ингредиентов, а также предприятий сельскохозяйственной отрасли. Предприятие «Белинтерэкспо» участникам экспозиций Made in Belarus предоставляет максимальный пакет услуг, который избавляет сотрудников от необходимости кропотливой многомесячной подготовки к мероприятию, несвойственных работ и авансовых валютных платежей, и обеспечивает успешное участие в международной выставке.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что государство заинтересовано в повышении экспорта белорусской продукции за рубеж. Основными странами со схожим менталитетом и большим опытом в партнерстве являются Российская Федерация, страны ЕАЭС. В Республике Беларусь существуют партнеры, готовые помочь в продвижении продукции за рубеж через участие в выставках, как реальных, так и виртуальных. Знако-

мить своих будущих партнеров со своей продукцией на выставках – это один из самых важных методов продвижения на начальных стадиях реализации стратегии выхода на внешние рынки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Внешняя торговля товарами // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – 1998–2021. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/godovye-dannye/>. – Дата доступа: 20.04.2021.
2. В России – сыры, в Эмиратах – сметана. Какую белорусскую «молочку» любят в мире // Официальный сайт ОАО «Савушкин продукт». – 2021. – Режим доступа: <https://www.savushkin.by/info/news/v-rossii-sygu-v-imiratakh-smetana-kakuyu-belorusskuyu-molochku-lyubiyat-v-mire/>. – Дата доступа: 20.04.2021.
3. Белинтерэкспо – организация выставок. – 2002–2021. – Режим доступа: <https://www.belinterexpo.by/about/>. – Дата доступа: 20.04.2021.

УДК 316.42/316.33:001

НАУКА И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: АНАЛИЗ ОПЫТА РОССИИ

И. Н. Шарый

*Государственное научное учреждение «Институт социологии
НАН Беларуси», г. Минск*

Рассмотрены особенности развития системы стратегического планирования в России. Представлен анализ официальных подходов, определяющих долгосрочное развитие российской науки в рамках системы национальных приоритетов. Показано, что наука и научно-техническая сфера стали рассматриваться в контексте национальной безопасности и целей устойчивого социально-экономического развития. Сделан вывод, что российский опыт может быть полезен при разработке документов стратегического характера в Республике Беларусь.

Формирование целей социально-экономического развития государства на долгосрочный период предполагает формирование системы стратегического планирования. Для разработки целей долгосрочного устойчивого развития большое значение имеет наука. В постсоветский период наука и научно-техническая сфера стали рассматриваться в контексте национальной безопасности и устойчивого развития. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, принятой в 2010 г., впервые среди видов национальной безопасности была выделена безопасность в научно-технологической сфере [1]. Наука и безопасность в научно-технологической сфере вошли в число базовых компонентов системы стратегического планирования в России, в связи с чем представляет интерес анализ российского опыта в этой области. На основе анализа документов выявлены особенности формирования в системе стратегического планирования России подходов, определяющих место и роль науки и научно-технологической безопасности в системе стратегического планирования.

Как показал анализ, в середине 90-х гг. прошлого века в России была сформулирована система официальных взглядов на долгосрочное развитие науки, которые были представлены в «Доктрине развития российской науки», принятой в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 384 «О доктрине развития российской науки». Во втором разделе этого официального документа «Развитие научного потенциала» отмечалось, что «государство рассматривает науку и ее научный потенциал как национальное достояние, определяющее будущее нашей страны, в связи с чем поддержка развития науки становится приоритетной государственной задачей» [2].

В 2000 г. был принят Указ Президента России «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации», в соответствии с которой наука рассматривалась в контексте задач национальной безопасности [3]. В этом документе отмечалось,

что «национальные интересы в духовной сфере состоят в сохранении и укреплении нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны» [3]. Отмечалась важность создания необходимых условий для организации приоритетных фундаментальных, прогнозных и поисковых научных исследований, обеспечивающих создание в интересах обороны и безопасности государства перспективного и опережающего научно-технического задела. Анализ показывает, что в рассматриваемой Концепции национальная безопасность рассматривалась на официальном уровне в широком плане, включая несколько видов безопасности, в том числе в области экономики, науки, технологии, образования и культуры.

В первом десятилетии XXI в. продолжали совершенствоваться государственные подходы в сфере национальной безопасности. В 2009 г. была принята Стратегия национальной безопасности России, в которой были отражены новые аспекты официальных подходов к развитию науки. Как показывает анализ, в этом документе было использовано новое понятие – «стратегические национальные приоритеты», под которыми понимались важнейшие направления обеспечения национальной безопасности [4]. В Стратегии (2009 г.) впервые был выделен подраздел «Наука, технологии и образование». В качестве безусловного приоритета инновационного развития национальной экономики были определены фундаментальная и прикладная наука [4]. В Стратегии (2009 г.) отмечалась необходимость проведения системных исследований в интересах решения стратегических задач национальной безопасности и устойчивого развития, определено, что путем достижения национальной безопасности является формирование системы целевых фундаментальных и прикладных исследований и ее государственной поддержки в интересах стратегических национальных приоритетов.

Во второй половине 2000 гг. долгосрочные перспективы общественного развития в России стали рассматриваться в рамках стратегического планирования. В 2015 г. была принята новая Стратегия национальной безопасности, которая, как следует из ее текста, стала базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты [5]. Одним из оснований принятия этого документа был Федеральный закон от 28 июля 2014 г. № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

В Стратегии национальной безопасности, принятой в 2015 г., были перечислены стратегические национальные приоритеты, в число которых были включены наука, технологии и образование. Среди стратегических целей было определено развитие системы научных, проектных и научно-технических организаций, формирование научно-технических заделов на перспективу. Отмечалось, что для решения задач национальной безопасности в области науки, технологий и образования необходимо комплексное развитие научного потенциала [5].

Развитие положений Стратегии национальной безопасности в отношении сферы науки и ее кадрового потенциала было реализовано в ходе дальнейшего развития системы стратегического планирования, что проявилось в принятии Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (Стратегия НТР), утвержденной на высшем государственном уровне [6]. В этом документе была конкретизирована и развернута официальная позиция в отношении развития науки и технологии. Таким образом, за рассматриваемый временной период осуществлялось формирование иерархической системы стратегического планирования, основанной на преемственности официальных документов, ориентированных на долгосрочное развитие науки и технологий. Такой подход исключает ситуативное редактирование стратегических документов, предполагая его корректировку по результатам мониторинга через законодательно установленный временной период.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации стала основой для других документов стратегического планирования в области научно-технологического развития, для деятельности субъектов научной, научно-технической и инновационной деятельности государственного сектора науки, высшего образования, государственных корпораций, компаний и акционерных обществ с государственным участием. В Стратегии НТР отмечалось, что в постсоветский период с переходом на рыночный путь развития возникла необходимость заново определить место науки в обществе. Выделены этапы такого перехода. Первый из этапов определен как этап «кризисной оптимизации и адаптации к рыночным условиям», второй – переход к «инновационной экономике, который сопровождался существенным увеличением объема финансирования науки» [6].

Как следует из Стратегии НТР, в ней различаются государственный и корпоративный сектора науки. Понятие «корпоративная наука» в современной российской научной литературе включает самостоятельные научные организации, входящие в состав производственных корпораций, а также «конструкторские, технологические и другие технические службы – подразделения в структуре предприятий и структурные единицы в составе производственных объединений (неюридические лица), отраслевые НИИ и КБ, созданные коммерческими структурами, в том числе с привлечением иностранного капитала» [7].

Новая роль науки в обществе в соответствии с системой стратегического планирования стала рассматриваться в связи с концепцией «больших вызовов». В соответствии со Стратегией НТР в преодолении этих вызовов ключевую роль должна сыграть фундаментальная наука, обеспечивающая получение новых знаний и опирающаяся на собственную логику развития. В документе отмечалось, что «поддержка фундаментальной науки как системообразующего института долгосрочного развития является первоочередной задачей государства» [6].

Среди факторов, рассматриваемых в рамках больших вызовов, отмечается рост требований к квалификации исследователей, выделение группы стран, доминирующих в исследованиях и разработках, и формирование научно-технологической периферии, утрачивающей научную идентичность и являющейся кадровым «донором». На основе проведенного анализа сделан вывод, что российский опыт стратегического планирования представляет несомненный интерес, этот опыт может быть полезен при разработке документов стратегического характера в научно-технологической сфере Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575. – Минск : Беларус. Дом печати, 2011. – 48 с.
2. О доктрине развития российской науки : Указ Президента Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 884 (ред. от 23.02.2006 г.). – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-13061996-n-884/#100023>. – Дата доступа: 07.04.2021.
3. О Концепции национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 10 янв. 2000 г. № 24. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-10012000-n-24/>. – Дата доступа: 09.04.2021.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : Указ Президента Рос. Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95521/>. – Дата доступа: 14.04.2021.
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71296054/>. – Дата доступа: 16.04.2021.
6. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 1 дек. 2016 г. № 642. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/3>. – Дата доступа: 14.04.2021.
7. Лепин, Г. В. Научно-техническая и технологическая безопасность Российской Федерации / Г. В. Лепин // Техн.-технол. проблемы сервиса. – 2019. – № 2 (48). – С. 4.

УДК 004.896

КАК ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПОМОГАЕТ МАРКЕТОЛОГУ**А. В. Шах, О. В. Лапицкая***Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь*

Рассмотрено влияние искусственного интеллекта на современный маркетинг. Раскрыты аспекты использования искусственного интеллекта в работе маркетолога. Проанализированы основные тренды современного маркетинга, среди которых лидирующие позиции занимают персонализация рекламы, внедрение чат-ботов, активное использование возможностей нейросетей. Приведено описание ряда примеров программного маркетинга и технологий, основанных на искусственном интеллекте.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) – термин, часто используемый в качестве обобщающего определения для описания технологий, которые могут имитировать человеческий интеллект, является одной из самых популярных тем в различных направлениях науки, в том числе и в экономике. Методы ИИ позволяют компьютерам обрабатывать данные, чтобы предоставлять требуемую информацию, провести анализ или инициировать определенное событие на основе собственных выводов [1].

Искусственный интеллект – это математическая структура, имитирующая определенные аспекты работы человеческого мозга и демонстрирующая такие его возможности, как способность к неформальному обучению, обобщению и кластеризации неклассифицированной информации, прогнозированию. Самым важным отличием является то, что искусственный интеллект не нуждается в заранее известной модели, а строит ее сам только на основе предъявляемой информации. Поэтому искусственный интеллект стал применим везде, где нужно решать задачи прогнозирования и классификации, где есть плохо алгоритмизуемые задачи [2].

Искусственный интеллект является одним из основных двигателей внедрения инноваций в цифровом маркетинге. Индустрия цифрового маркетинга на сегодняшний день сосредоточена на оптимизации операций и сокращении затрат, и интеграция классических методов принятия решений с методами ИИ в этом помогает. Уже ставшие привычными проявления ИИ в цифровом маркетинге – это анализ затрат и окупаемости инвестиций в контекстную рекламу, анализ настроений в социальных сетях и обслуживание клиентов с помощью чат-ботов.

К примеру, персонализация уже много лет является популярным словом в маркетинговых кругах, и это вполне оправданно. Клиенты требуют персонализированного подхода, и маркетологи это выполняют. Большинство покупателей, получивших персонализированные сообщения, признаются, что персонализация напрямую повлияла на их намерение совершить покупку. Это утверждение работает и в обратном направлении: практически все маркетологи согласны с тем, что персонализация помогает им укреплять отношения с клиентами [3].

В начале становления электронного маркетинга персонализация ограничивалась простыми вещами, такими, как добавление имени клиента в тему электронного письма или приветствие. Но сегодня, благодаря искусственному интеллекту, персонализированное общение достигло настоящего уровня индивидуального обмена сообщениями.

Такие инструменты, как Movable Ink, позволяют компаниям динамически вставлять контент в электронные письма, когда клиент открывает электронное письмо. Инструмент извлекает данные из CRM-платформы компании, аналитики веб-сайта, данных о транзакциях, каталогов продуктов и добавляет в режиме реального времени

собственные рекомендации в содержание электронного письма на основе искусственного. В результате нет двух одинаковых электронных писем.

Автоматизация с применением методов машинного обучения практически положила конец временам «рассылок по почте» или «универсальной рекламы», особенно в сети Интернет.

Платформы автоматизации маркетинга, такие, как Marketo, помогают организовать гиперцелевые, персонализированные коммуникации по нескольким каналам — электронная почта, социальные сети, ваш веб-сайт, платная реклама – с учетом каждого отдельного клиента. Различные облачные платформы искусственного интеллекта выстраивают жизненные циклы клиентов с точным указанием пути, по которому каждый клиент пойдет для достижения конечной цели конверсии.

Выяснилось, что монотонные повторяющиеся задачи (например, ответы на сотни типовых вопросов в чате или на горячей линии) могут привести человека к автоматическим действиям или даже стать причиной неэтичного поведения. Все больше и больше компаний используют чат-ботов для обслуживания своих клиентов, продвижения своего бренда и даже продажи своей продукции.

К основным функциям чат-бота можно отнести следующие:

1. Автоматизация работы с клиентом. Благодаря удобному меню прямо в мессенджере, пользователь сможет узнать информацию о Вас, просмотреть список и подробное описание Ваших товаров или услуг, узнать Ваши контакты и адрес, получить ответы на часто задаваемые вопросы, оформить заказ и т. д.

2. Messenger Marketing или рассылки в мессенджерах. Как только пользователь впервые нажал на кнопку начала диалога с ботом, он автоматически становится его подписчиком, следовательно, может получать любые сообщения от него. Согласно статистике, открываемость сообщений составляет до 80 %, а кликабельность – до 40 %. К примеру, открываемость email писем составляет всего 3–5 %. Все это результат высокой популярности мессенджеров и социальных сетей в наше время.

3. Клиентская поддержка прямо в мессенджере. Если у пользователя возникла проблема или есть свой вопрос, он может написать в чат поддержки, не выходя из чат-бота, где с ним обязательно свяжется оператор компании [4].

Однако данный инструмент применялся маркетологами раньше с опаской. Они аргументировали это тем, что даже несмотря на то, что большинство чат-ботов могут обрабатывать умеренно сложные разговоры, такие, как приветственные беседы и взаимодействия по обнаружению продуктов, логика «если/то», которая поддерживает их возможности общения, может быть ограниченной. Например, если клиент задает уникальный, но неотложный вопрос, который вы не учли при разработке логики своего чат-бота, он не сможет ответить на его вопрос, что оставит клиента недовольным обслуживанием.

В настоящее время технологии создания чат-ботов сделали огромный шаг вперед, появилась возможность решить эту проблему – чат-боты на базе искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект – чат-бот – это программа на веб-сайте или в приложении, которая имитирует человеческие разговоры с использованием алгоритмов обработки естественного языка. Используя машинное обучение и нейро-лингвистическое программирование, чат-боты на базе искусственного интеллекта могут понимать намерения, стоящие за запросами клиентов, учитывать всю историю разговоров каждого клиента, когда он взаимодействует с ними, и отвечать на их вопросы естественно, как человек, даже распознавая и имитируя эмоции собеседника. В 2021 г. одними из лучших чат-ботов можно назвать такие, как HubSpot, Intercom, Watson Assistant, Drift, Bold360 и др. [5].

Искусственный интеллект выходит за рамки анализа данных и быстро переходит к их генерации, поскольку машины все лучше автоматизируют два основных чувства человека: зрение и слух. Теперь можно собирать информацию из мультимедийных данных, таких, как голос и видео, и людям больше не нужно вручную классифицировать или описывать различные типы мультимедиа.

Французский специалист обучил нейросеть на всех рекламных слоганах компании Nike за последние семь лет. На основе этого искусственный интеллект создал «идеальный» рекламный ролик для бренда. Правда, выглядит он, скорее, как сборник мотивационных фраз. Некоторые слоганы, по его мнению, Nike могла бы использовать. Например, «Legend That Thing» («Сделай это легендарным») или «First Marathon» («Сначала – марафон»).

Сегодня контент любого медиа-формата (изображения, аудио и даже видео) может быть детально проанализирован с помощью искусственного интеллекта. Алгоритм определяет смысловые единицы содержимого и их эмоциональный контекст, чтобы затем органично встроить в него наиболее подходящий к ситуации рекламный контент, тем самым сохраняя вовлечение потребителя при просмотре.

В настоящее время ИИ уже продемонстрировал свою универсальность в бизнес-приложениях, начиная с улучшения качества обслуживания клиентов и заканчивая улучшением самого продукта и увеличением его ценности на протяжении всего срока службы [7]. Несмотря на существующие ограничения, искусственный интеллект постепенно совершает революцию в индустрии. Он используется в десятках направлений современного маркетинга и рекламы. Искусственный интеллект имеет возможность учиться и принимать текущие решения на основе предоставленных данных без дальнейших инструкций для этого. Как только он настроен, маркетолог может просто забыть об этом и позволить ему выполнять свою работу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шах, А. В. Применение методов искусственного интеллекта в маркетинговой деятельности / А. В. Шах, И. В. Колбаско // Экономика, технологии и право в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. фак. экономики и права и инженер. фак., Барановичи, 20 окт. 2016 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Баранович. гос. ун-т ; редкол. А. В. Никишова (гл. ред.) [и др.]. – Барановичи, 2017. – С. 132–135.
2. Калиновская, И. Н. Использование искусственного интеллекта в маркетинговых исследованиях поведения потребителей / И. Н. Калиновская, Н. В. Дунец, М. С. Масейко // Молодой ученый. – 2018. – № 33 (219). – С. 42–45.
3. Лапицкая, О. В. Принятие решений в маркетинге / О. В. Лапицкая, А. В. Шах // Вестн. Гомел. гос. техн. ун-та им. П. О. Сухого. – 2019. – № 2. – С. 62–69.
4. Шах, А. В. Чат-боты как современный инструмент маркетинга / А. В. Шах, Е. Г. Шапович // Стратегия и тактика развития производственно-хозяйственных систем : сб. науч. тр. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого, Гомел. обл. орг. о-ва «Знание» ; под ред. В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2019. – С. 200–203.
5. Шах, А. В. Основные ИТ-тенденции развития маркетинга в Республике Беларусь / А. В. Шах // Инновационное развитие экономики и права в контексте формирования национальной безопасности : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи, 2019 г. / М-во образования Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Климук (гл. ред.) [и др.]. – Барановичи, 2019. – С. 141–143.
6. Шах, А. В. Применение моделей нейронных сетей в маркетинговой деятельности / А. В. Шах // Молодежь для науки и экономики: разработки и перспективы : сб. науч. ст. VI Междунар. форума молодых ученых, Гомель, 2017 г. / Белорус. торг.-экон. ун-т потребит. кооперации ; редкол.: С. Н. Лебедева [и др.] ; под науч. ред. канд. экон. наук, доц. А. П. Бобовича. – Гомель, 2017. – С. 111–115.
7. Лапицкая, О. В. Информационные технологии в управлении маркетинговыми бизнес-процессами / О. В. Лапицкая, А. В. Шах // Стратегия и тактика развития производственно-хозяйственных систем : сб. науч. тр. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого, Гомел. обл. орг. о-ва «Знание» ; под ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2019. – С. 186–189.

УДК 334.735:658.7

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛОГИСТИКЕ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

А. О. Шкабарина

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Рассмотрены потенциальные конкурентные преимущества потребительской кооперации, которые способствуют построению эффективных взаимодействий между субъектами хозяйствования. Проанализированы типы интеграционных формирований по нескольким классификационным признакам и выделены факторы, оказывающие влияние на совокупный социальный и экономический эффект от логистической интеграции.

Важную роль в развитии экономики страны играет потребительская кооперация. Так исторически сложилось, что главная задача потребительской кооперации состоит в эффективной реализации товаров и услуг потребителям через торговые организации, подразделения общественного питания, заготовительные организации, межрайонные базы. На сегодняшний день отличительной чертой системы потребительской кооперации стало значительное увеличение роли логистики в связи с ростом товарных потоков, запросов потребителей касательно ассортимента и качества обслуживания, усилением конкуренции и информационной асимметрии. Недостаток полной своевременной информированности отражается на всех сферах деятельности.

Торговые организации потребительской кооперации Республики Беларусь имеют потенциальные конкурентные преимущества:

- организационное единство системы и совпадение экономических выгод субъектов хозяйствования способствуют снижению предпринимательского риска;
- потребительская кооперация представляет собой большой имущественный комплекс, что свидетельствует о существовании развитой материально-технической базы;
- многоотраслевое направление функционирования дает предпосылки для создания интегрированной системы хозяйствования;
- высококвалифицированный кадровый потенциал;
- сформированные в течение длительного периода коммерческие связи;
- пайщики, сельские жители – устойчивый сегмент рынка товаров и услуг, которые гарантируют системе постоянных потребителей;
- объединение дифференциальных логистических функций, выполнение которых позволит добиться определенных результатов;
- идиоматичность субъектов хозяйствования при выполнении заданной целевой функции, осуществляемой системой целиком, а не ее составными частями;
- формирование единого информационного пространства между интегрированными организациями для незамедлительного обмена информацией, приводящего к объединению всех логистических потоков;
- приспособление субъектов хозяйствования к меняющимся условиям макросреды;
- охват регионального рынка (мультиформатная торговая сеть потребительской кооперации представлена более чем 8,5 тыс. торговых объектов; более 7 тыс. магазинов специализируются на торговле продовольственными товарами и товарами смешанного ассортимента);
- осуществление универсальных видов и направлений работы (торговля, производство, общественное питание, заготовительная деятельность);
- социальная ориентация системы, позволяющая рассчитывать на государственную поддержку.

Потребительская кооперация – многоотраслевая система, осуществляющая торговую, производственную, заготовительную и иные виды деятельности. Сохранение единства настоящей логистической системы как социально-значимой структуры предусматривает межотраслевую логистическую интеграцию, как следствие – функционирование в рамках единого логистического комплекса.

Интеграция – сложный, многогранный, неоднозначный процесс, который включает разные области деятельности – экономику, политику, социальную и духовную сферы. Значительную роль в формировании, становлении и развитии теории и практики логистической интеграции внесли такие ученые, как В. В. Дыбская, Е. И. Зайцев, В. И. Сергеев, В. В. Плотников и др.

В. В. Плотников дает следующее определение логистической интеграции: «логистическая интеграция – это процесс объединения деятельности различных предприятий с целью повышения эффективности их совместного функционирования за счет оптимизации на основе исследования свойств логистики в рамках их совместной работы параметров реализации функциональных потоковых процессов» [2].

Анализом интеграционных процессов в системе потребительской кооперации занимались Е. В. Жаркова, И. В. Скрябина, В. И. Шастин, В. Ф. Шевцов и др.

Логистическая интеграция способствует улучшению взаимодействий субъектов хозяйствования, вследствие чего увеличивается результативность деятельности каждой отдельной организации потребительской кооперации и интегрированной системы в целом.

Интеграционные процессы в организациях потребительской кооперации позволяют сделать процессы торговли и производства более эффективными за счет:

- формирования единой структуры сетевой розничной торговли;
- разработки оптимального аппарата финансового обеспечения с помощью повышения эффективности финансовых потоков, сотрудничества с органами государственной власти и местного самоуправления для получения льгот на постоянной основе при реализации социальной миссии;
- реализации эффективных маркетинговых стратегий с помощью соответствующих исследований, формирования единой маркетинговой системы;
- разработки и внедрения уникальных брендов производственных организаций потребительской кооперации и их продукции;
- формирования единых стандартов качества производимой продукции;
- повышения качества информационной составляющей производства.

Потребительская кооперация играет важную социально значимую роль, развивая отрасль общественного питания и оказывая бытовые услуги. Поскольку сельская местность характеризуется низким уровнем развития социальной инфраструктуры при наличии достаточного уровня спроса, данная ниша потребительского рынка может быть охвачена организациями потребительской кооперации. На сегодняшний день экономические условия складываются под воздействием многих внешних факторов, влияющих на продуктовую безопасность региона, что способствует интеграции потребительских, сельскохозяйственных кооперативов, фермеров области. Это стимулирует их сотрудничество и поставку покупателям продукции местных производителей в наиболее короткие сроки, обходя большое число посредников, по более приемлемой цене.

Для обоснования наиболее оптимального направления развития организации потребительской кооперации в процессе исследования анализировались типы интеграционных формирований по нескольким классификационным признакам [1], [3]–[5].

По масштабу логистическая интеграция учеными и аналитиками делится на микро-, мезо- и макроинтеграцию. Микрологистическая интеграция – это не что иное, как интеграция промышленных и торговых организаций в одном регионе, мезологистиче-

ская интеграция – интеграция на уровне района, кластера, разнообразных внутрирайонных генераций, макроинтегральная генерация – интеграция посреднических, торговых, транспортных и других организаций рыночной инфраструктуры, размещающихся в разных районах страны или разных государств.

По видам выделяют территориальную, организационную и внутриорганизационную логистические интеграции, последняя, в свою очередь, включает управленческую, логистическую и финансовую.

По формам различают логистическую интеграцию горизонтальную, вертикальную и смешанную, кроме того, в соответствии с организационно-правовым статусом выделяют «мягкую» (объединение с сохранением юридической самостоятельности) и «жесткую» (объединение с потерей юридической самостоятельности) интеграцию.

Как показывают исследования, на совокупный социальный и экономический эффект от логистической интеграции в потребительской кооперации будут влиять следующие факторы:

1) рыночная неопределенность – инфляция, уровень спроса, финансовый кризис. Интегрированные организации имеют возможность выстоять за счет единой системы по работе с товарами и информацией, скоординированному планированию, позволяющему довести товары до покупателя с наименьшими затратами;

2) усиление конкуренции – интегрированные структурные объединения вытесняют с рынка более маленькие организации;

3) применение инновационных технологий – технические инновации в крупных организациях более развиты, нежели в средних или малых, что делает их менее уязвимыми;

4) неразвитость инфраструктуры – низкий уровень развития современных средств коммуникации, высокая степень износа транспорта, низкий уровень развития материально-технической базы складского хозяйства, недостаточная обеспеченность необходимыми видами оборудования и другое благоприятствуют объединению усилий организаций для решения их проблем;

5) глобализация экономики, увеличение доли иностранных организаций на рынке, аккумуляция капитала отдельными организациями, приводящее к слиянию и поглощению других организаций, усиление конкуренции не только между отдельными организациями, но и между представителями местных и иностранных торговых сетей. В этой ситуации целесообразна интеграция организаций торговли для выживания в сложившейся ситуации и улучшения показателей своей деятельности.

Логистическая интеграция организаций потребительской кооперации – оптимальный и необходимый процесс для развития отрасли в связи с тем, что она представляет собой не только укрепление финансового положения организаций и дает возможность выживания в конкурентной борьбе, но и позволяет выиграть в борьбе за постоянного покупателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минакир, П. А. Экономическая интеграция: региональный аспект / П. А. Минакир // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 1. – С. 118–135.
2. Плотников, В. В. Эффект логистической интеграции : монография / В. В. Плотников. – М. : Науч. кн., 2002. – 104 с.
3. Сорокина, И. О. Признаки классификации видов интегрированных объединений / И. О. Сорокина // Финансы и кредит. – 2009. – № 35. – С. 49–59.
4. Чуприн, В. Создание горизонтального интегрированных структур как фактор развития малого и среднего предпринимательства / В. Чуприн // Предпринимательство. – 2008. – № 4. – С. 153–155.
5. Шнорр, Ж. П. Основные признаки классификации современных организаций розничной торговли / Ж. П. Шнорр // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2013. – № 2-1 (51). – С. 318–324.

УДК 379.83(476:438:475.5)

ПРИГРАНИЧНЫЙ ТУРИЗМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА БЕЛАРУСИ, ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ

Э. С. Ярмусик

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Республика Беларусь

Рассмотрены правовые основы и организационные меры по развитию приграничного туризма на Гродненщине. На конкретных примерах показано значение безвизового режима для развития сферы услуг, популяризации историко-культурного наследия, природных богатств Принеманского края. Охарактеризованы международные проекты в туристической сфере, финансируемые за счет Европейского союза, показана их результативность. Предложены меры по улучшению направлений и развитию приграничного туризма.

Во многих странах туризм является одной из доходных статей пополнения бюджета. К сожалению, этого нельзя сказать о Республике Беларусь. Факты говорят сами за себя. Из года в год количество иностранцев, прибывающих в страну, снижалось (падение на 30 % в 2017 г. по сравнению с 2013 г.). Похожая ситуация наблюдалась и с организованными туристами (которые воспользовались услугами турфирм): падение на 25 % по сравнению с 2010 г. для гостей из стран за пределами СНГ. Тем не менее, по оценкам Всемирного совета по туризму и путешествиям, вклад туризма в ВВП страны составил 1,9 % в 2016 г., 3,3 % экспорта и \$ 935 млн в денежном эквиваленте [1].

Осознав, что Беларусь имеет потенциальные возможности не только для пополнения бюджета, но и в вопросе повышения имиджа в европейском сообществе, немногим более десяти лет к этой отрасли стали присматриваться более пристально и предпринимать некоторые шаги по ее развитию.

Президент Беларуси Александр Лукашенко 26 декабря 2017 г. подписал Указ № 462 «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан». Согласно Указу № 300 от 7 августа 2019 г., произошло объединение безвизовых территорий «Брест» и «Гродно» в одну общую, расширена территория безвизового въезда. Иностранцы без открытия визы могут приехать на срок до 15 суток. Только для организованных групп полностью открыта территория Гродненской и Брестской областей [2].

Установление безвизового порядка посещения способствовало увеличению туристического потока на территорию Принеманского региона, трудовой занятости местного населения, привлечению инвестиций в развитие инфраструктуры туристических объектов, проведению крупных международных туристических и спортивных мероприятий. Были разработаны и предложены туристам программы по безвизовому въезду, в их числе: «Лучшее в Гродно», «Августовский канал – колыбель трех народов», «Лечение в Гродно без границ», «Посмотреть и оздоровиться в прекрасном Гродно» и др. [3].

Возможностью посетить Гродно без визы за три года (2017–2019 гг.) воспользовались 250 тыс. иностранцев – безвизовых туристов из 37 стран. Гродно и его окрестности интересны туристам как из приграничных регионов стран-соседей, так и из дальнего зарубежья. Туризм при должном подходе со стороны, прежде всего, властных структур стал одним из драйверов развития региона. И дело здесь не столько в финансовых показателях, сколько в развитии инфраструктуры, росте инвестиций в сферу туризма. За три года в Гродно и Гродненском районе было создано 7 новых объектов размещения – отели и хостелы на 213 мест, открылись и 62 объекта общепита на более чем 1,8 тыс. мест. За этот период создано 1,2 тыс. рабочих мест. Существенно возрос в регионе и товарооборот объектов питания и торговли. У туристов из-за рубежа попу-

лярен шопинг: это подтверждает тот факт, что за три года количество торговых объектов, работающих по системе Tax Free, возросло с 9 до 52. Положительно повлиял рост количества туристов и на качество оказываемых услуг во всех сферах: от общепита и гостиниц до музеев и интересных объектов.

В 2018 г. инвестиции в сферу туризма, развлечений и отдыха в Гродненской области составили свыше \$18 млн, что в 3,3 раза больше, чем годом ранее. В лидерах по количеству безвизовых туристов – страны-соседки: Польша, Литва, Латвия. Существенно вырос поток гостей из таких стран, как Германия, США, Эстония, Венгрия, Норвегия, Нидерланды.

Около 50 % гостей задерживаются в Гродно на два дня и более. Популярны различные виды туризма, все большее значение приобретает медицинский туризм. Зачастую катализатором туристической активности становятся интересные событийные мероприятия. Пики посещений до нескольких тысяч туристов в сутки летом 2019 г. зафиксированы во время автофестиваля SunDay под Гродно, а также Биг-мини-фестиваля уличного искусства в областном центре.

Возможности туризма, отдыха в Гродненской области активно продвигаются на зарубежных выставках, различных порталах. В ногу со временем в регионе создают и мобильные приложения, например, о достопримечательностях и местах сервиса вдоль основных дорог региона, веломаршрутах, а также в районе Августовского канала [4].

Следует сказать о международных проектах, реализуемых при поддержке Евросоюза, которые позволили сделать приграничный туризм привлекательным, придать позитивную динамику развитию регионов, для которых сфера туризма может превратиться в главный источник роста.

Проект «Использование исторических усадеб и их адаптация к современным культурным условиям (2012–2014 гг.)». Общий бюджет проекта: 575268 евро. Что произошло в результате реализации: Сморгонские власти объединили усилия с Тракаем для восстановления своих исторических усадеб. В деревне Залесье отреставрировали и оборудовали концертный зал усадьбы Михаила Клеофаса Огинского, который стал местом проведения концертов, конференций и семинаров. Была проведена широкая информационная кампания в СМИ. Такие усилия дали ощутимый результат: в 2016 г. музей посетило около 25000 туристов – это в 6,5 раз больше, чем в 2014 г. (тогда музей посетило только 3740 туристов). Благодаря проекту, власти региона получили прекрасную возможность узнать о том, как литовские партнеры подходят к восстановлению исторических объектов, особенно парков. Удалось отреставрировать концертный зал усадьбы, который всегда был известен своими музыкальными вечерами. А через информационную кампанию широко освещался процесс реализации проекта, что позволило сделать прорыв в привлечении новых туристов – как белорусских, так и иностранных.

Проект «Улучшение привлекательности приграничного региона посредством введения этно-культурных ресурсов в туристические мероприятия (Путешествие в этническую сказку) (2012–2014 гг.)». Общий бюджет проекта: 1270306 евро.

Что произошло в проекте: на Гродненщине и Сувальщине активно занялись этническим туризмом. Этнокультурный музей в Гудевичах получил после реконструкции новую инфраструктуру и современные музейные средства. Музей Евфимия Карского в первой Гродненской гимназии получил новый информационно-выставочный центр, в котором сейчас проводятся временные выставки и мероприятия. Также для региона была создана энциклопедия этнокультурных и природных туристических объектов [5].

Вместе с тем для полноценного динамичного развития приграничного туризма многого на сегодняшний день не хватает. В первую очередь, доброй воли наших зарубежных соседей, которые до сих пор не ввели безвизовый режим посещения для насе-

ления белорусского приграничья. Наблюдается дефицит грамотных местных стратегий, кооперации между всеми локальными игроками. Те же регионы, которые занялись созданием туристических кластеров, показывают прорывной рост по сравнению с соседними районами. У нас много исторических объектов, но не хватает целенаправленной работы по их продвижению. В городах отсутствует система навигации: иногда туристы просто не знают, как добраться до того или иного объекта. Для западных туристов актуален языковой барьер. У нас нет большой конкуренции и не такой большой спрос на туристические услуги, поэтому и качество обслуживания отстает. Иногда не хватает профессионального подхода в бизнесе, постоянного развития туристического продукта. Мало просто разработать бренд, нужно им постоянно заниматься.

Современному туристу нужны комфортные условия, и здесь нужно учитывать все мелочи: состояние дорог, питание, общественный транспорт, места для ночлега. Имея такие шикарные исторические, природные и культурные памятники, главная задача – создать вокруг них соответствующую инфраструктуру.

Нужно активнее развивать брендовые мероприятия, активнее их рекламировать, создавать комплексный туристический кластер.

Несомненно, привлекательность страны во многом зависит от того, насколько она открыта миру. К сожалению, пандемия и связанные с ней ограничительные мероприятия, закрытие границ Беларуси, политическая нестабильность в стране отрицательно повлияли на развитие туризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан : Указ № 462 от 26 дек. 2017 г. // Президент Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/ru/>. – Дата доступа: 20.03.2021.
2. Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан : Указ № 300 от 7 авг. 2019 г. // Президент Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/ru/>. – Дата доступа: 20.03.2021.
3. Гродно – Брест: безвизовый въезд для иностранцев / VISA FREE. – Режим доступа: <http://www.solartur.by/en/12-novosti/143>. – Дата доступа: 12.04.2021.
4. Гродно за три года посетили почти четверть миллиона безвизовых туристов // БелТА Новости. – Режим доступа: <http://www.regions/view/2017-2019>. – Дата доступа: 11.04.2021.
5. Как Беларусь развивает туризм и как Европейский Союз этому содействует // Eu Neighbours. – Режим доступа: <http://www.euneighbourse.c/ru/east/eu-in-action/stoires>. – Дата доступа: 20.03.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Абраменко Елена Геннадьевна**, кандидат политических наук, доцент, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь.
2. **Андрущенко Лилия Викторовна**, кандидат юридических наук, доцент, Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого, г. Киев, Украина.
3. **Богдан Плишка**, кандидат социологических наук, адъюнкт, Силезский технологический университет, г. Гливице, Польша.
4. **Бондарева Анна Михайловна**, кандидат экономических наук, доцент, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
5. **Борецкая Виктория Казимировна**, кандидат философских наук, доцент, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
6. **Боярчук Татьяна Николаевна**, старший преподаватель туризма и культурного наследия, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, Республика Беларусь.
7. **Бухавец Пётр Пятровіч**, магістр гістарычных навук, ООО «Печатный двор Гомель», г. Гомель, Республика Беларусь.
8. **Вонсович Лариса Васильевна**, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет физической культуры, г. Минск.
9. **Гавриков Андрей Валерьевич**, магистр социологических наук, Институт социологии Национальной академии наук, г. Минск, Республика Беларусь.
10. **Грищенко Ирина Адамовна**, старший преподаватель, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
11. **Громько Раиса Ивановна**, кандидат экономических наук, доцент, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
12. **Грошева Любовь Игоревна**, кандидат социологических наук, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, г. Тюмень, Российская Федерация.
13. **Грошев Игорь Львович**, кандидат социологических наук, доцент, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Российская Федерация.
14. **Грошева Ирина Александровна**, кандидат социологических наук, доцент, филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области, г. Тюмень, Российская Федерация.
15. **Елизаров Сергей Александрович**, доктор исторических наук, профессор, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
16. **Елопов Александр Петрович**, Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель.
17. **Звёздкин Николай Михайлович**, Белорусский государственный университет, г. Минск.
18. **Зинченко Марина Юрьевна**, Научно-исследовательский институт теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Научно-исследовательский институт теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск.

19. **Илюкович Анатолий Аркадьевич**, кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск.
20. **Иноземцева Дарья Дмитриевна**, магистрант, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
21. **Карчевская Елена Николаевна**, кандидат географических наук, доцент, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
22. **Кацубо Светлана Петровна**, кандидат юридических наук, доцент, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
23. **Кириенко Виктор Васильевич**, доктор социологических наук, профессор, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
24. **Клейман Вадим Валерьевич**, старший преподаватель, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
25. **Клименко Валерий Адамович**, доктор социологических наук, профессор, Исполнительный комитет СНГ, г. Минск, Республика Беларусь.
26. **Кожевников Евгений Александрович**, кандидат экономических наук, доцент, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
27. **Козырченко Римма Николаевна**, магистр политических наук, Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь.
28. **Крючек Петр Степанович**, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный технологический университет, г. Минск.
29. **Лапицкая Ольга Владимировна**, кандидат экономических наук, доцент, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
30. **Марченко Олег Валерьевич**, кандидат исторических наук, доцент, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь.
31. **Митрофанова Гульнара Владимировна**, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
32. **Олефир Виктор Иванович**, доктор юридических наук, профессор, Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого, г. Киев, Украина.
33. **Приступа Наталья Николаевна**, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, г. Минск.
34. **Руденко Юлия Николаевна**, кандидат исторических наук, доцент, Киевский кооперативный институт бизнеса и права, Украина.
35. **Рышкевич Оксана Ивановна**, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, Республика Беларусь.
36. **Савенко Таисия Витальевна**, кандидат экономических наук, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
37. **Седельник Валерия Валерьяновна**, кандидат юридических наук, доцент, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, Республика Беларусь.
38. **Семёнова Людмила Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Белорусский национальный технический университет, г. Минск.
39. **Соловьёва Лариса Лукинична**, кандидат экономических наук, доцент, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
40. **Тишкевич Михаил Яковлевич**, кандидат социологических наук, доцент, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь.

41. **Ховратова Светлана Николаевна**, старший преподаватель, Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, Республика Беларусь.
42. **Чакон-Тральски Дорота**, кандидат социологических наук, адъюнкт, Педагогический университет имени Комиссии Национального Образования, г. Краков, Польша.
43. **Чебуранова Светлана Егоровна**, кандидат юридических наук, доцент, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, Республика Беларусь.
44. **Шарый Игорь Николаевич**, кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии Национальной академии наук, г. Минск, Республика Беларусь.
45. **Шах Александр Васильевич**, магистр технических наук, аспирант, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
46. **Шкабарина Анна Олеговна**, магистр экономических наук, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
47. **Шкурова Елена Валерьевна**, кандидат социологических наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск.
48. **Щекин Николай Сергеевич**, кандидат философских наук, доцент, Институт социологии Национальной академии наук, г. Минск, Республика Беларусь.
49. **Юрис Сергей Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.
50. **Юрис Татьяна Анатольевна**, кандидат философских наук, доцент, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, г. Гомель.
51. **Ярмусик Эдмунд Станиславович**, доктор исторических наук, профессор, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, Республика Беларусь.
52. **Яхно Валентина Николаевна**, кандидат философских наук, доцент, Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Республика Беларусь.

Научное издание

**Менталитет славян
и интеграционные процессы:
история, современность,
перспективы**
Сборник научных трудов

Ответственный за выпуск *Н. Г. Мансурова*

Редакторы: *Н. В. Гладкова, Т. Н. Мисюрова*

Компьютерная верстка: *Н. Б. Козловская, И. П. Минина*

Подписано в печать 22.09.21.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Ризография. Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 13,12.

Тираж 19 экз. Заказ № 466/29.

Издатель и полиграфическое исполнение
Гомельский государственный
технический университет имени П. О. Сухого.
Свидетельство о гос. регистрации в качестве издателя
печатных изданий за № 1/273 от 04.04.2014 г.
246746, г. Гомель, пр. Октября, 48